

ISSN 2500–3682

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ПОЗНАНИЕ
№ 2 2019 (ФЕВРАЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

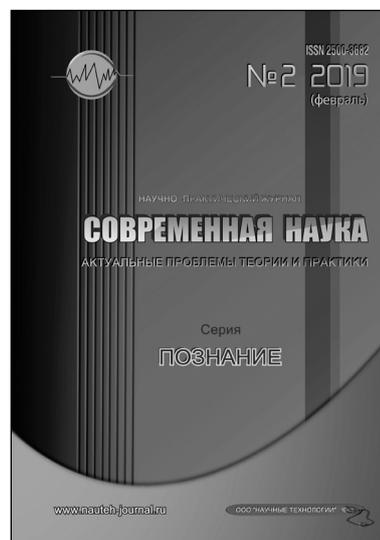
Подписано в печать 20.02.2018 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 2 февраль 2019 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Слюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Алиева З. Э.** — Взаимосвязь исполнительской культуры и исполнительского стиля в отечественной музыкальной теории
Aliyeva Z. — The relationship of the performing culture and performing style in Russian music theory 5
- Андреев Г. С.** — Историко-культурный контекст формирования представлений о свободе в английской классической утопии
Andreev G. — Historical and cultural context of forming representations about freedom in English classical utopia 10
- Гайбурова Н. В., Иванова А.** — Формирование интерпретационной культуры студента-музыканта в процессе исполнительской деятельности (на примере студентов вокалистов)
Gabarova N., Ivanova A. — Formation of interpretative culture of the student musician in the course of performing activity (on the example of students of vocalists) 14
- Му Кэ** — Русское изобразительное искусство XX века
Mu Ke — Russian fine arts of the twentieth century 19
- Му Кэ** — Плюрализм тенденций русского изобразительного искусства XXI века
Mu Ke — Pluralism of trends Russian art of the XXI century 23
- Чергеев А. А.** — Исполнительские проблемы молодых исполнителей Крымской филармонии и способы их преодоления (на примере сценического волнения)
Chergeev A. — Performing young artists of the Crimean philharmonic society and ways of overcoming them (for example, the stage of excitement) 27
- Щербинин М. Н., Мартиш В. С.** — Атрибутивный характер шахматной игры в культуре ведущих цивилизаций
Shcherbinin M., Martish V. — The attributive nature of the game of chess in the culture of the major civilizations 32

Психология

- Батуева С. В.** — Изучение адаптационного потенциала психологической устойчивости у студентов первого курса в образовательном пространстве вуза
Batueva S. — The study of the adaptive capacity of the psychological stability of students in educational space of the university 35
- Васильева Е. М., Долматова В. Н., Бутова Л. А.** — Механизмы профессионально-педагогического самопознания студентов-психологов
Vasilyeva E., Dolmatova V., Butova L. — Mechanisms of professional and pedagogical self-realization of students-psychologists 39
- Васягина Н. Н., Сычёва Н. Б.** — Детерминанты саморазрушающего поведения обучающихся
Vasyagina N., Sicheva N. — Determinants of self-destructive behaviour of students 42
- Иванов Д. В., Краснова А. А.** — Психологическая профилактика аддиктивного поведения подростков средствами группового консультирования
Ivanov D., Krasnova A. — Psychological prevention of addictive behavior of adolescents by means of group counseling 48
- Маркова О. А., Хомякова Ю. Ю., Богатырева С. С., Булавенко М. Г., Васющенкова Т. С.** — Влияние положительной мотивации на динамику показателей физической подготовленности студентов МГТУ им. Н.Э. Баумана в группах спортивной подготовки по плаванию
Markova O., Khomyakova Yu., Bogatyreva S., Bulavenko M., Vasyuschenkova T. — The effect of positive motivation on the dynamics of indexes of physical fitness of students in groups of sports trainings in swimming 54

Тетеухина О. В. — Динамика личностных компонентов структуры социально-психологической зрелости осужденных молодежного возраста мужского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях
Teteukhina O. — The dynamics of personal components of the structure of socio-psychological maturity of the convicted youth aged male, serving sentences in correctional colonies.58

Философия

Артемьев Т. М. — Гносеологические стратегии Платона и Гуссерля
Artemev T. — Epistemological strategies of Plato and Husserl66

Ерохина Е. А., Маркова А. В. — Закрытое общество и тирания
Erokhina E., Markova A. — Closed society and tyranny72

Клешнева Л. И. — Муниципальное самоуправление в современной России: проблемы и социально-философские аспекты
Kleshneva L. — Municipal self-government in modern Russia: problems and socio-philosophical aspects.77

Клюев А. А., Суханова Е. В. — Специфика телевизионного сериала в контексте репрезентации проблематики technology studies: философский аспект
Klyuev A., Sukhanova E. — The specifics of the television series in the context of the representation of the problems of technology studies: the philosophical aspect81

Лугинина А. Г. — Роль «информации» в формировании современного постиндустриального общества
Luginina A. — The role of «information» in the formation of the modern postindustrial society87

Судакова Н. Е. — К проблеме многообразия другого в становящемся пространстве инклюзии
Sudakova N. — On the problem of the variety of the other in the emerging space of inclusion90

Судакова Н. Е. — Культурфилософская рефлексия современных аксиоразрывов в условиях усложняющейся реальности
Sudakova N. — Cultural and philosophical reflection of the modern axio-gaps in the conditions of complex reality95

Шилова К. Ю. — Трансформация социализирующей роли труда в обществе потребления
Shilova K. — Transformation of the socializing role of labor in a consumer society99

Информация

Наши авторы. Our Authors 104

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 105

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО СТИЛЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

THE RELATIONSHIP OF THE PERFORMING CULTURE AND PERFORMING STYLE IN RUSSIAN MUSIC THEORY

Z. Aliyeva

Summary. The object of research of this article is process of formation of domestic performing style. As a method of a research the comparative analysis of the points of view in the studied literature and own approaches to determination of performing culture and performing style in the musical theory is chosen. The novelty of a research is defined by identification of factors of development of performing culture and performing style in the domestic musical theory and also the characteristic of process of formation and perception of performing style in the context of a possibility of broadcasting of the composer idea. As conclusions is defined that in the system of culture of interpretation and reproduction of the musical text an important condition is development of mastery and technology of art performance of works. In the sphere of art, especially musical, detection and identification of habitual, stereotypic language, structural or visual and figurative elements can serve as some kind of «catches» for his perception and judgment in the new, discouraging by the strangeness text.

Keywords: art, piece of music, stylistic features, performance culture, transformation, music theory, performing style, composer idea, performance of pieces of music, artistic images.

Алиева Зарема Эбазеровна

Доцент, Крымский инженерно-педагогический университет, заслуженный работник образования Республики Крым, Симферополь
selsebil@inbox.ru

Аннотация. Предметом исследования данной статьи является процесс становления отечественного исполнительского стиля. В качестве метода исследования выбран сравнительный анализ точек зрения в изученной литературе и собственных подходов к определению исполнительской культуры и исполнительского стиля в музыкальной теории. Новизна исследования определяется выявлением факторов развития исполнительской культуры и исполнительского стиля в отечественной музыкальной теории, а также характеристикой процесса формирования и восприятия исполнительского стиля в контексте возможности транслирования композиторской идеи. В качестве выводов определяется, что в системе культуры интерпретации и воспроизведения музыкального текста важным условием является развитие исполнительского мастерства и техники художественного исполнения произведения. В сфере искусства, особенно музыкального, обнаружение и опознавание привычных, стереотипных языковых, структурных или визуально-образных элементов в новом, обескураживающем своей непривычностью тексте может служить своего рода «зацепками» для его восприятия и осмысления.

Ключевые слова: искусство, музыкальное произведение, стилевые особенности, исполнительская культура, трансформация, музыкальная теория, исполнительский стиль, композиторская идея, исполнение музыкальных произведений, художественные образы.

Мастерство исполнения музыкальных композиций в рамках российского социокультурного поля в конце XX — начале XXI века столкнулось с существенными изменениями и реформами, в результате чего возрос интерес к его рассмотрению.

Написанное композитором сочинение бывает «мертвым» до тех пор, пока его не интерпретирует и не исполнит музыкант. То есть с того момента как композитор напишет свое сочинение, оно сможет сделать свои первые шаги в «большую жизнь» лишь при условии, что будет присутствовать конкретный результат работы музыканта, интерпретирующего содержание сочинения. Исполнитель не только проигрывает сочинение, написанное композитором, — он приводит свое индивидуальное видение и прочтение этого сочинения.

Раскрытие художественных образов, которые в нотном тексте заложил композитор, зависят так или иначе от степени коммуникативного контакта между создателем и интерпретатором. Нам известно, что в рамках нотного текста автор закладывает только ряд ремарок, служащих для уточнения специфики ритма, динамики, педализации, иных сторон исполнения. Поэтому качество считывания музыкального текста и наличие соответствия между исполнением и тем, что хотел донести до слушателей композитор, зависит от большого количества факторов. Среди них — художественные представления, знания, талант, эстетический музыкальный вкус, которые формируют культуру исполнения музыканта.

Анализ явления, рассматриваемого в настоящей статье, в российском искусствоведении в целом, имеет

долгую историю развития. Разные стороны его рассматриваются в трудах таких авторов, как О.Ф. Шульпяков, Л.Г. Сударчикова, А.В. Славская, В.Г. Ражников, А.В. Малинковская, С.М. Мальцев, Л.Л. Бочкарев, М.Г. Арановский, А.Д. Артоболовская и т.д.

Опираясь на исследования теоретических научных источников, посвященных различным аспектам изучения исполнительского почерка музыканта, делаем вывод: в нашем искусствоведении исполнение музыкального произведения исследуется в качестве уникального явления музыкальной культуры, осмысливается в качестве самодостаточного художественного события, активно изучаются история формирования и эволюция исполнительских школ, характерные черты особенного оригинального стиля исполнения музыкального произведения, пути и средства воспитания музыкальной исполнительской культуры исполнителя.

Невзирая на большое количество научных исследований, в которых рассматриваются те или иные стороны мастерства интерпретации и исполнения музыкальных произведений, мы считаем, что этот вопрос необходимо тщательно проработать и осмыслить в рамках обширного культурологического контекста.

Рассмотрение такого феномена, как исполнительский стиль музыканта и определение ее основных черт, не представляется возможным, если не проанализировать философско-эстетическую базу его формирования и функционирования. С философских позиций в основе категории культуры как формы деятельности лежат концептуальные идеи таких философских направлений, как экзистенциализм, антропология, точнее, культурологическая и персоналистическая антропология.

В.В. Иванова в исследовании «Структура и содержание исполнительской культуры музыканта» уточняет, что исполнительская культура музыканта представлена самыми уникальными гранями собственно творчества исполнителя, которое исходит из необходимости претворения композиторской задумки, идеи, трансляции имеющейся в произведении его концепции и взглядов». В ней заложен не только характер исполнения музыкантом произведения, но и уникальный почерк композитора, времени, в котором он жил, присущие этому времени эстетические вкусы, потребности, воззрения, интересы [2, с. 180].

Становление высших уровней профессиональной деятельности музыканта, становление его исполнительского стиля напрямую зависит от того, насколько развита культура музыканта как личности, организация которой соответствует психологической организации индивида. Исполнительская культура в ее высшем про-

явлении отражает способность музыканта как личности к осознанному усвоению, созданию, хранению, приумножению, актуализации и передаче профессиональной ценности с целью оптимизировать эффективность музыкально-исполнительской деятельности. С точки зрения иерархии культура чтения и воспроизведения текста музыкального сочинения содержит и подчиняет себе все формы усвоения профессиональных навыков.

По мнению А.А. Ивахненко, исполнительская культура музыканта состоит в том, что у него имеются общекультурные, морально-нравственные, профессиональные и музыкальные способности к пониманию сущности того музыки и ее жизни в музыкальных сочинениях. Кроме того, здесь следует сказать и о том, что большая роль в развитии исполнительской культуры музыканта отводится претворению в реальность желания музыканта познакомить слушателя с собственным видением того или иного сочинения, иначе говоря, с его интерпретацией [3, с. 259].

Одной из составляющих частей и одновременно показателем исполнительского стиля музыканта является способность данного музыканта к художественной интерпретации музыкальных текстов. С латинского (*interpretatio*) термин «интерпретация» переводится как «толкование», «разъяснение».

И.М. Ямпольский считает, что исполнительская интерпретация — это художественное истолкование камерным ансамблем, дирижером, инструменталистом, певцом музыкального произведения при его исполнении, раскрытие идейно-образного наполнения музыки техническими и выразительными средствами исполнительского искусства [6, с. 549].

В структуре проблематики исполнительского стиля и ее составляющей — художественной интерпретации существует проблема «понимания». Степень исполнительской культуры находится в зависимости от целого комплекса знаний исполнителя, его мастерства, способностей и умений воспринимать информацию и анализировать ее, позволяющих заниматься интерпретацией музыкальных произведений согласно их стилевым особенностям и замыслу автора.

Ссылаясь на авторитетное мнение Г. Гадамера, четкой границы между процессами и «интерпретация» и «понимание» провести невозможно, по причине их тесной взаимосвязи и оказываемом значимом влиянии друг на друга [1].

Ю.В. Капустин полагает, что в профессиональную интерпретацию входит ряд элементов. В частности, музыкант должен понять авторскую идею и воплотить ее.

Также ему необходимо индивидуализировать и актуализировать исполняемое музыкальное произведение. В ходе актуализации сочинения музыкант «переносит» его в современную ему эпоху, окружает привычной для него национальной и общественной средой. Кроме того, музыкант должен в известной мере подчинить свое видение ряду объективных историко-общественных требований, а также художественным и эстетическим предпочтениям своей среды.

В отличие от этого под индивидуализацией понимается переосмысление сочинения, обусловленное персональным восприятием музыкантом музыкального произведения, исполняемого им, выражением его творческих и художественных возможностей. Индивидуализацию всегда выражает субъективное переживание замысла композитора [4, с. 36–37].

В системе культуры воспроизведения и интерпретации музыкального текста важным условием считается развитие мастерства и техники исполнителя художественного произведения.

Композитор своим произведением дает определенный импульс для творчества исполнителя, но в то же время неким образом обуславливает характер этого творчества. Свобода творческого действия исполнителя в значительной степени ограничена предлагаемым композитором комплексом образов. Одновременно автор музыкального произведения также попадает в зависимости от музыканта, эта зависимость заключена в самой сути музыки как искусства, она также связана с уровнем техники музыканта и степенью его исполнительского мастерства. Одним из важнейших условий развития высокого уровня исполнительской культуры является создание музыкально-исполнительского мышления, которое представляет собой специфический вид мыслительной деятельности и представляется по сути своей обобщенным многообразно опосредованным совокупным отражением действительности в ходе реализации конкретных исполнительских целей перевода смысла и темы музыкального произведения в художественную материальную систему то есть в сам процесс исполнения музыкального произведения,— из нехудожественной — нотного текста.

С.В. Кириллов считает, что образный компонент является наипервейшим компонентом музыкального мышления [5, с. 1068]. Итак, подводя итог сказанному, мы можем сделать вывод, что исполнительская культура артиста — это весьма непростое интегрированное понятие, которое является показателем его профессиональной компетентности

Исполнительская культура обладает сложной структурой. Она, как часть вообще культуры личности испол-

нителя, включает целую систему его личностных свойств, качеств, черт и способностей.

Одновременно с этим исполнительская культура включает ряд профессиональных аспектов, таких, например, как владение исполнительским мастерством и исполнительской техникой. Общий уровень исполнительской культуры музыканта зависит от степени сформированности этих качеств.

Один из основных компонентов и факторов, влияющих на степень исполнительской культуры артиста, представлен музыкально-исполнительским мышлением, которое должно быть сформировано на высочайшем уровне и наделять исполнителя способностью понимать, видеть и интерпретировать музыкальные художественные образы.

Пытаясь понять и разгадать секрет зрительской реакции на исполнительский стиль артиста, приходишь к выводу, что восприятие имеет две стороны — общественную и личностную, которые, в свою очередь, находятся во власти эпохального стиля.

Те вещи, явления, которые нам кажутся продиктованными самой жизнью, естественными, позже могут быть названы термином «барокко», то, что задумывалось автором как уничтожение канонических устоев, по прошествии всего лишь двух десятилетий может быть воспринято как классические образцы, но принимает или не принимает подобные оценки определенная личность, зависит от ее внутренней художественной установки.

Это вступление — своего рода оправдание автора, написанное для того, чтобы поделиться своим пониманием современного этапа развития музыкальной культуры как «эпохи (времени) исполнителей». С подобным явлением история музыки уже знакома, так начало девятнадцатого столетия большинство исследователей называют «эпохой (времени) виртуозов», подчеркивая не просто роль и ценность Исполнителя, как такового, в процессе создания эпохального стиля, но также и его особое положение, которое нашло свое отражение в философии, в общественном сознании и в литературе.

Современное время характеризуется очень интересным явлением: в восприятии массового слушателя (а более правильно сказать — потребителя), исполнители играют роль самодостаточного явления, мы бы сказали, отдельного субъекта музыкального процесса. Обращая свой взор в прошлые времена, мы видим, что виртуозы в ту эпоху были собственно композиторами, естественно имея разную степень одаренности. Что же мы видим сейчас? Нынешняя индустрия классического искусства, как

правило, сводит на нет, перечеркивает значимость автора, и на первый план, на авансцену выводит исполнителя.

Но, рассматривая специфику музыкальных произведений и огромное количество их исполнительских версий, мы можем сказать, что автор — это константа, которая всей конструкции придает стабильность, но, при этом весьма ограничивает творческие порывы интерпретаторов. И, исходя из вышеизложенного, мы вполне закономерно можем поставить вопрос о целесообразности и возможности нового взгляда на прочтение музыкального произведения.

Положение дел таково, что сведения о различных вариантах интерпретации определенного музыкального произведения с каждой редакцией, с каждой студийной записью, с каждым исполнением, становятся все более обширными и исполнить какое-либо музыкальное произведение так, чтобы не было как у Г. Гульда, у В. Горовица, у С. Рихтера не реально.

К рубежу XX–XXI столетий неоспоримым фактом стало усиление в сознании общества визуализации в восприятии и дальнейшем осмыслении действительности как показатель «визуального поворота» в культуре. Это затронуло и жизнь музыкальной формы творчества. К исполнению не предназначенного для сцены музыкального произведения — независимо от времени его создания — все чаще привлекаются визуальные эффекты, репрезентирующие современную художественную трактовку его содержания.

Они разнообразны по способам визуализации, образуя ту или иную синтетическую жанровую разновидность театра (сценическая постановка, балетный спектакль) или кино (игровой, анимационный фильмы). Порой такие синхронные объединения музыкально-звукового и зрительного рядов столь парадоксальны, что способны привести реципиента в замешательство.

В этом случае требуется преодоление инерции восприятия, мышления и навыков действий. На помощь приходит дидактический принцип преемственности освоения, который подразумевает логику движения мысли от простого к сложному, от известного — к неизвестному.

В области такой формы творчества, как музыкальное искусство, выявление и раскрытие обычных стереотипных языковых, структурных или визуально-образных составляющих в новом, удивляющем неординарностью тексте, может стать своего рода «зацепками» для его принятия и смысловой оценки.

В первую очередь связано с социальными потребностями культуры. Другими словами, все изменения

представления музыки с помощью визуализации связано в первую очередь с развитием восприятия человека. В настоящее время социум принимает все через картинки и образы.

Необходимо отметить, что такие изменения помогают человеку избежать дискомфорта. Многие музыкальные композиции не были поняты слушателем. (Как пример, авангардная музыка Альфред Шнитке). Поэтому, чтобы передать смысловую интерпретацию музыкальной композиции в современном мире прибегают к артистам. Через эмоциональное состояние артиста и выбранного образа легче передать всю суть и затею автора той или иной композиции.

Также такое представление музыкальной культуры позволяет наиболее ярко развить творческий потенциал зрителя.

Если говорить с психологической точки зрения, то данное представление музыки развивает и духовную сторону личности. Данное изменение в музыкальной индустрии, лишь улучшило восприятие отечественной музыки. Также благодаря использованию определенных образов передается стиль прежних времен, особенно если обращаться к классической музыке таких композиторов как Бетховен, Бах и др.

Как говорилось ранее, обществу представляются артисты, а не создатели композиций, как в эпоху, например, барокко или классицизма. Одной из основных причин является и перенасыщенность, и массовость желающих стать известными в музыкальной индустрии. Основную составляющую представляют люди творчески свободные и независимые. Нельзя утверждать, что это плохо, так как с развитием музыки — развивается общество как в духовном, нравственном и творческом направлениях.

Говоря об исполнительской культуре, необходимо отметить и тот фактор, что она подразумевает наличие одаренности в музыкальном направлении, яркой неординарности и эмоциональности, музыкального воображения и фантазии.

Исполнительский стиль — это сочетание «своего» и «чужого», другими словами, это проблема субъективного и объективного начал. Нельзя резко и категорично говорить, что стиль определен. Он всегда будет относиться к одному из множества направлений в исполнительском искусстве, учитывая ту или иную традицию социума и культуры.

На сновании вышесказанного можем сделать вывод, что исполнительский стиль и культура претерпевали изменения под напором следующих факторов:

1. Восприятие социума
2. Традиции культуры
3. Изменение государства

Так, что видно невооруженным взглядом как исполнительский стиль влияет на исполнительскую культуру. Изменение традиций влечет изменение творческих и других сторон социума в целом.

Теперь перейдем к азам истории формирования музыки в России. Как известно, в 591 году во времена правления аварского хана были задатки первой музыки (играли на гусях, трубах и рогах). Причем музыка больше была похожа на обрядовую. Ее можно было услышать только в дни с определенными событиями.

Далее музыка претерпевает изменения и в 17 веке в России появляется такое понимание как многоголосие (от 3 до 12 голосов). Во времена правления Петра I пользовались высоким спросом канты-панегирики, которые ярко акцентировали внимание на успехи государства, армии и флота.

В 20 веке расцветает театральное искусство, в этом способствуют К. Станиславский, Ф. Шаляпин, М. Ермолова. Однако начало музыки принято связывать с именами А. Скрябина, и С. Рахманиновой.

До 60-х годов в СССР было разрешено исполнение только джазового направления. Только после 60-х годов появляется такое направление как рок- и поп-музыка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Г. Гадамер. — М.: Прогресс, 1988. — 788 с.
2. Иванова В. В. Структура и содержание исполнительской культуры музыканта / В. В. Иванова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2011. — № 2 (40). — С. 179–183.
3. Ивахненко А. А. Развитие исполнительской культуры педагога-музыканта как путь защиты от профессиональной деградации / А. А. Ивахненко // Теория и практика общественного развития, 2015. — № 11. — С. 258–261.
4. Капустин Ю. В. Музыкант-исполнитель и публика / Ю. В. Капустин — Л.: Музыка, 1985. — 160 с.
5. Кириллов С. В. Особенности формирования художественного образа в аспекте интерпретации музыкального произведения / С. В. Кириллов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2009. — Т. 11. — № 4. — С. 1068–1072.
6. Ямпольский И. М. Интерпретация / И. М. Ямпольский // Музыкальная энциклопедия: в 6-ти т. / гл. ред. Ю. В. Келдыш. М.: Советская энциклопедия, 1974. — Т. 2. — С. 549–550.

© Алиева Зарема Эбазеровна (selsebil@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Крымский инженерно-педагогический университет

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СВОБОДЕ В АНГЛИЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ УТОПИИ

Андреев Глеб Сергеевич

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
glen19@yandex.ru

HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT OF FORMING REPRESENTATIONS ABOUT FREEDOM IN ENGLISH CLASSICAL UTOPIA

G. Andreev

Summary. There are a few factors which have an influence on the final and completed form of fiction. The degree of each of them could be more or less important. As for utopia there are three factors which have the most important role: the features of the genre, context, personal preferences and views of the author. All of them have a valuable impact on the concept of freedom presented in each author's utopia. In this article there is an attempt to examine and describe the degree of impact of each of these factors in the formation of the ideas about the concept of freedom in English classical utopia. Cultural context is the most powerful reason to distinguish English utopian tradition from all others, that's why the consideration of it is the biggest part of this research. The factor of the genre is also counted and examined, but there are not enough opportunities to consider the factor of preferences because of the generalizing character of this research, the main purpose of which is not concerned with making out an issue about each author and its utopia. The main reason of conducting this research is the finding the role of the historical context in the formation of the concept of freedom in English classical utopia.

Keywords: utopia, freedom, context, More, Simmel.

Аннотация. Обратившись к утопии, можно выделить три фактора, влияющих на построение утопической системы: особенности жанра, культурный контекст, личные предпочтения и взгляды автора. Каждый из этих факторов влияет на концепцию свободы, складывающуюся в каждой отдельной авторской утопии. В данной статье будет предпринята попытка рассмотреть степень влияния этих факторов в формировании представлений о свободе в английской классической утопии. Основной акцент будет сделан на исследовании историко-культурного контекста, поскольку именно он позволяет выделять английскую утопическую традицию из списка других утопических проектов. Также будет рассмотрен фактор жанрового влияния на концепцию свободы в целом, фактор личных предпочтений не будет рассмотрен подробно, потому что данная статья имеет характер обобщающий, и не преследует цели рассмотреть каждую утопию в отдельности. Основная задача состоит в том, чтобы выяснить каково влияние историко-культурного контекста на формирование взглядов на свободу в английской классической утопии.

Ключевые слова: утопия, свобода, контекст, Мор, Зиммель.

Рассуждая о личной свободе в утопии критики этого жанра расходятся в своих взглядах на эту проблему. Александр Свентоховский, к примеру, говорит, что свобода в некоторых утопиях настолько ограничена, мысли и чувства урегулированы в них заранее, «кто бы захотел подчиниться им, тот должен перестать быть человеком» [8, с. 409]. Другой польский исследователь, Ежи Шацкий полагает, что: «утопия не угрожает человеческой свободе, поскольку «подлинная свобода» осуществляется как раз в ее рамках» [10, с. 45]. Карл Каутский замечает, что общество, описанное Мором, «единственное, к которому применимо название «свободного»» [5, с. 294]. Льюис Мэмфорд пишет о том, что в утопии «каждый в состоянии быть человеком, потому как никто не в силах превратиться в чудовище» [13, с. 78].

Как отмечает З. Бауман, оксфордский словарь английского языка с 1483 года фиксирует употребление

термина «свобода» как возможность идти куда угодно. С 1578 свобода определяется как действие без ограничений. К 1697 году фиксируется употребление термина «свобода» как избавление от повинностей, работ и податей. «В древне- и среднеанглийском свобода всегда означала льготу — избавление от налога, пошлины, подати и юрисдикции лорда» [1, с. 22–23].

До конца XVI века свобода была синонимом благородного происхождения и привилегий, положенных человеку по рождению. На изменение такого порядка повлияли, в том числе, утопические проекты, зачастую провозглашавшие равенство в правах и обязанностях всех граждан.

Карл Ясперс заметил, что «быть может, самые глубокие противоречия между людьми обусловлены их пониманием свободы» [12, с. 166]. Однако не только это объ-

ясняет такую палитру оценок личной свободы в утопии. Такое расхождение во мнениях объясняется еще и тем, что в своей работе «Принцип надежды» Эрнст Блох назвал разрывом связей и невозможностью абсолютного прочтения. Это в конечном итоге приводит к разрушению культурного контекста. Отсюда проистекает разница во взглядах и отличия современных идеалов свободы и идеалов общества времен Мора или Гаррингтона. Утопия Мора была опубликована в 1516, проекты Бэкона, Уинстенли и Гаррингтона были напечатаны в XVII веке: в 1627, 1652 и 1656 годах соответственно. «Вести ниоткуда» Морриса опубликованы в 1890 году, естественно, что идеалы свободы трансформировались за это время.

Учитывая все выше сказанное, вряд ли можно назвать жизнь людей классических утопических проектов свободной: главным примером является всеобщая трудовая повинность, никто не ведет праздной жизни в утопии. Права те, кто утопические порядки сравнивает с идеей Паноптикума Иеремии Бентама, в основе которого лежит тотальный контроль. Задачи, которые ставил перед Паноптикумом Бентам, «наказывать неисправимых, исправлять порочных, лечить больных, наставлять желающих в любой отрасли ремесла или воспитывать юное племя на стезе образования», ставятся и перед создателем утопии. Но отправная точка идеи Бентама — различие, традиционная же идея утопии — равенство. Следует заметить, что самый важный вопрос о главном надзирателе, который в реальности оставался дискуссионным, в утопии решается, и главным над всеми признается и назначается закон. Возможным это становится благодаря принципу интериоризации.

Внешняя норма усваивается новыми поколениями и переходит во внутренний принцип самоорганизации. Здесь стоит сказать о том, что принцип интериоризации в утопии принимает более сложный характер. По сути, он предназначен для новых членов утопии, т.е. поколений, следующих за установлением идеального общественно-общезития. Цивилизационный процесс, результатом которого является интериоризация нормы, проходит, как пишет об этом Норберт Элиас, в четыре этапа. «Первый связан с тематизацией нормы, второй этап связан с детализацией нормы и становлением объекта, на который направлено общественное сознание, на третьем этапе происходит выдвижение санкций за пренебрежение нормой» [11, с. 233], на четвертом этапе наблюдается исчезновение нормы, но четкое ее соблюдение, т.е. переход из внешней по отношению к индивиду среды в его внутренний принцип.

При всем том, что по формальным признакам интериоризация в традиционных обществах и утопии развивается по единой схеме, интериоризация в утопии имеет иные предпосылки и принимает форму осознанного

решения всех индивидов. В традиционном обществе цивилизационный процесс характеризуется тем, что под давлением все большего количества внешних норм принуждения увеличивается процесс самопринуждения человека. Поскольку в утопии законы доведены до совершенства, их критерием выступает высшая степень разумности, а источником является все общество в целом, количество их минимально, а их соблюдение правдиво, то в утопии граждане полагают украться от гнета законов и рабства — бед традиционного общества. В случае с утопией, процесс самопринуждения превращается в добровольный, осознанный и приятный, а интериоризация, таким образом, ведет не к увеличению принуждения, а обращает человека к самоконтролю. Человек, добровольно выбрав нормы для себя и общества и поняв их реальное совершенство подчиняется им, но процесс этот проходит не под давлением закона или страхом наказания, а превращается в собственный личный выбор каждого индивида. В утопии нет понимания свободы как привилегии, поскольку нет власти ни над кем, кроме себя. Это приводит к важному отличию от традиционного общества, где «одни люди устанавливают нормы, другие им следуют» [1, с. 38], потому как в утопии устанавливают нормы все люди для самих себя и сами строго соблюдают.

Английский философ XVII века Томас Гоббс, обращаясь к теме свободы отмечал, что человеческие действия похожи на воды реки: они имеют не только свободу, но и необходимость течь по своему руслу. «Такое же совмещение мы имеем в действиях, совершаемых людьми добровольно... Так как добровольные действия проистекают из воли людей, то они проистекают из свободы, но так как всякий акт человеческой воли... проистекает из какой-нибудь причины, а эта причина — из другой в непрерывной цепи... то они проистекают из необходимости» [3, с. 233]. Другой английский философ Джон Локк полагал, что человеческая свобода состоит в том, что «индивид может действовать или не действовать согласно своему выбору» [6, с. 317]. Человек обладает способностью обдумывать свои действия, силой откладывая свои желания, свободой рассмотрения объектов.

Разрушение культурного контекста также позволяет, как пишет Блох в работе «Принцип надежды», при прочтении выявить новые идеи, подняться на более высокий уровень обобщения, пристальнее рассмотреть не отдельные фрагменты, но весь замысел утописта, а главное оценить идеалы, положенные в основание нового совершенного общества. Подтверждением этого может служить признание А.Л. Морттона, что идеал абсолютной свободы Морриса, собранный из множества мелких деталей жизни будущих поколений в утопии, остается идеалом нашего общества.

Жанровые особенности утопии довольно строги, однако следует отметить, что некоторые особенности приняли на себя роль своего рода правил оформления утопического текста и играют роль своего рода маркеров для четкого ориентирования читателя по поводу направленности текста. Среди особенностей утопического жанра выделяются: диалогическое построение текста; описание общественного идеала, не требующего последующих преобразований; отсюда особенность изображения утопии вне исторического времени и на основе островного принципа, который позволяет отгородить утопию от внешнего мира; также вера в безграничные возможности человека и принцип тотальной рациональности.

Особенность построения текста по диалогическому принципу (даже в случае микродиалогов или формальной вопросно-ответной форме изложения) активно используется в жанре утопии, нововведение эпохи Возрождения, позволила авторам утопических проектов ввести элементарное человеческое общение. Это увеличило свободу описания, позволило оживить текст, сделать его более непринужденным и не похожим на нравоучительный текст или комментарий к Библии, также создало эффект правдоподобного повествования, имитирующего ситуацию, возможную в реальной жизни.

Другая особенность — островное описание утопии было продиктовано несколькими причинами. Островное расположение давало возможность не только укрыть жителей идеальной страны от посторонних глаз, но и давало призрачную надежду на то, что такой остров мог быть однажды обнаружен во всей своей красоте. Однако островное расположение утопии ограничивало возможность жителей путешествовать.

Связь культурного контекста и концепций утопической свободы выражается в общекультурных установках, транслируемых через общественные представления и идеалы. «Все английские утопии, как бы ни были они универсальны, всегда имеют в виду прежде всего свое отечество» [8, с. 95]. Это проявляется в эпиграфах: «О тебе сказка рассказывается», как у Гаррингтона или в изображении будущей Англии, как в утопии Морриса. Также об этом косвенно говорит тот факт, что английские утопии редко отступают от традиции изображения островного государства, связано это, безусловно, и с традицией, как было описано выше, моды на которую также ввел англичанин. Однако Англия, островное государство, всегда оставалось площадкой для умозрительных экспериментов своих граждан.

Важным является также показательный момент того, что в Англии авторами утопий зачастую становились далеко не последние сыны отечества: Томас Мор был

лорд-канцлером и сыном сэра лондонского судьи, Фрэнсис Бэкон был лордом-канцлером, бароном и виконтом, Джерард Уинстенли родился в семье богатого торговца шелком, Джеймс Гаррингтон окончил Оксфорд, Уильям Моррис родился в семье зажиточного промышленника и также был выпускником Оксфорда. Среди английских утопистов не встречались такие личности, как Томмазо Кампанелла, который был сыном нищего сапожника или Роберт Оуэн, сын мелкого лавочника, также не получивший системного образования. Большинство английских утопистов получили хорошее образование и принимали активное участие в политической жизни своей родины.

Для английских утопий не свойственно практическое утверждение должного в качестве сущего, что характерно для французских утопических воззрений. Для английской классической утопии характерно теоретическое обоснование возможности должного, поиск верных оснований, рассуждения о лучшем порядке, но не провозглашение уже найденных истинных оснований или требование скорейшего уничтожения текущего порядка. Для английского утопического творчества не свойственна такая разновидность, которую Тоффлер назвал практопией. Практопия — система социальных реформ, направленных на построение не идеального, но лучшего, чем наш, мира. Всех прелестей утопии французы добьются скорее революцией, английский утопизм выберет охотнее реформу, если это возможно и революцию, только в случае крайней необходимости.

Официально Англия не знала тоталитарного режима. Считается, что «для английской утопии характерна принудительная установка на свободу, предполагающую религиозную толерантность» [9, с. 14]. Для английской утопии характерно употребление термина «свобода», лишь в произведении Бэкона оно не встречается ни разу. В английских утопиях провозглашается человеческая свобода от примитивных радостей — роскошных платьев или огромных домов, «зато утопийцы обретают духовную свободу, возможность жить богатой духовной жизнью» [7, с. 89]. В утопии Мора есть установка на религиозную толерантность, провозглашенную королем, до тех пор, пока не будет явлен свет истинной религии. Джерард Уинтэнли в своей утопии «Закон свободы» провозглашает аграрную свободу, и объявляет главным ее достоинством — возможность работать на общей, принадлежащей всем в равных долях, и не принадлежащей никому полностью, земле. Гаррингтон провозглашает равенство в избирательных правах и религиозную свободу. Он полагает, что политическая свобода будет обеспечена вовлечением наибольшего числа граждан в разумное управление своей страной и свободной и постоянной ротацией всех государственных чиновников. Бэкон в своей утопии возлагает надежды на свободный от идиологического человеческого разум и провозглашает триумф

человеческих возможностей жителей «Новой Атлантиды» в их бесконечных умениях, технологиях и ремеслах. Моррис, освобождая будущие поколения Англии от политики, судебных пут, тюрем и мнимых нужд, видит их счастье в том, чтобы они проводили каждый день с пользой для всех, а, значит, и для себя. Интересно, что большинство английских утопистов провозглашают свободным труд, который, однако, объявляется обязательным для каждого, все граждане равны в своих трудовых обязанностях и почестях.

Концепция свободы в утопии складывается также под влиянием личных взглядов утописта, приобретая свой окончательный вид. Как было раньше отмечено, большинство утопистов единодушны в своем видении причин несчастья людей: неравенство, невежество, леность, отклонения в половых отношениях. Однако вопрос о том, как решать эту проблему, остается на совести утописта. Очевидно, что проблема невежества решается установлением разумной системы воспитания, проблема лености разрешается введением общей трудовой повинности, а проблема неравенства может быть решена посредством справедливых законов, которые также регулируют половые отношения. Но система воспитания в английской утопии может варьироваться от традици-

онной общественной школы с ее постепенной системой увеличения знаний, как у Бэкона, до свободного усвоения основных практических навыков и дополнительных научных знаний для желающих, как это описывает Моррис.

В конечном счете, три этих аспекта придают законченный вид концепции свободы, описанной и реализованной в утопии. При этом необходимо отметить, что жанровые особенности сами по своей сути предполагают некоторую направленность утопии на свободу, в рамках которой личные предпочтения и взгляды автора придают ей окончательный вид, создают «историю» ее становления, варьируют значение финальных ценностей. Историко-культурный контекст английской классической утопии имеет функцию вектора, задающего направление всей концепции свободы и тон всей утопии, не претендующей на роль истины в последней инстанции. Предлагает альтернативу мгновенным глобальным изменениям в реальности, заключающуюся в использовании положительной функции утопии — как возможности построения умозрительного концепта, с целью приглашения к дискуссии и теоретическому обсуждению концепции свободы с целью повлиять на реальную жизнь граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Свобода: пер. с англ. Дашевского. М.: Новое издательство, 2006.
2. Берлин И. Философия свободы. Европа, М.: Новое литературное обозрение, 2001.
3. Гоббс Т. Избранные произведения. В двух томах: пер. с англ. Т-2., М.: Мысль. 1964. — с. 199–254.
4. Зиммель Г. Кризис культуры. Избранное. Т-1. Философия культуры М.: Юрист. 1996. — с. 489–493.
5. Каутский К. Томас мор и его утопия: пер. с нем. М.: Либроком. 2011.
6. Локк Д. Сочинения в 3-х томах: пер. с англ. А. Н. Савин., Т-3, М.: Мысль. 1988. С. 274–276; 317–334.
7. Осинковский И. Н. Томас Мор. М.: Из истории мировой культуры. 1985. — 168 с.
8. Свентоховский А. История утопий. От античности до конца XIX века: пер. с польского. М.: Либроком. 2012. — 448 с.
9. Шадурский М. Литературная утопия от Мора до Хаксли: проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М.: Издательство ЛКИ. 2007.
10. Шацкий Е. Утопия и традиция: пер. с польского. М.: Прогресс. 1990.
11. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: пер. с нем. А. Руткевич. Т.2., М.: Университетская книга. 2001.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер с нем., М.: изд. Политической лит. 1991.
13. Mumford L. The story of Utopias. New York. 1972. P.59–79.

© Андреев Глеб Сергеевич (glen19@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТА-МУЗЫКАНТА В ПРОЦЕССЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ВОКАЛИСТОВ)

FORMATION OF INTERPRETATIVE CULTURE OF THE STUDENT MUSICIAN IN THE COURSE OF PERFORMING ACTIVITY (ON THE EXAMPLE OF STUDENTS OF VOCALISTS)

*N. Gaiburova
A. Ivanova*

Summary. In article the conditions of formation of interpretative culture of students of vocalists connected with the following criteria are considered: comprehension of bases of vocal skill, development of intellectual level of the pupil, ability to create an artistic image of the work, inclusion of elements of improvisation, an opportunity to transmit the composer's plan through own execution of audience, emphasis of attention on appearance, etc. The system complex of factors which play a direct role in formation of culture of vocal interpretation is considered. The emphasis on a problem of lack of the research works concerning studying of the matter, and in general for insufficient consideration of this aspect within the scientific music world is placed. The concept of "artistic image" from a position of the phenomenon and opinion of other sources is especially analyzed. Short classification of types of vocal interpretation and a role of improvisation is given in formation of qualitative performing culture. Separately the value of appearance in the sphere of formation of interpretative culture not only in the course of education, but also in professional activity of singers is considered. Article is built on the basis of stage-by-stage statement of each point for the purpose of identification of highlights which can really have pragmatical value in educational process of students of vocalists.

Keywords: interpretative culture, student vocalist, mastery, pedagogical aspects, artistic image.

Гайбурова Надежда Владимировна
Старший преподаватель, БОУ ВО «ЧГИКИ»
Минкультуры Чувашии
nadezhdagaj@gmail.com

Иванова Агриппина Зосимовна
Доцент, БОУ ВО «ЧГИКИ» Минкультуры Чувашии
maksimuzo@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются условия формирования интерпретационной культуры студентов вокалистов, связанные со следующими критериями: постижение основ вокального мастерства, развитие интеллектуального уровня учащегося, умение создавать художественный образ произведения, включение элементов импровизации, возможность передать замысел композитора слушательской аудитории через собственное исполнение, акцентирование внимания на внешнем облике и др. Рассматривается системный комплекс факторов, которые играют непосредственную роль в формировании культуры вокальной интерпретации. Сделан акцент на проблеме отсутствия исследовательских работ, касающихся изучения данного вопроса, и в целом на недостаточное рассмотрение этого аспекта в рамках научно-музыкального мира. Особо анализируется понятие «художественного образа» с позиции явления и мнения других источников. Приведена краткая классификация видов вокальной интерпретации и роль импровизации в формировании качественной исполнительской культуры. Отдельно рассматривается значение внешнего облика в сфере формирования интерпретационной культуры не только в процессе образования, но и в профессиональной деятельности певцов. Статья выстроена на основе поэтапного изложения каждого пункта с целью выявления основных моментов, которые действительно могут иметь прагматическое значение в образовательном процессе студентов вокалистов.

Ключевые слова: интерпретационная культура, студент вокалист, исполнительское мастерство, педагогические аспекты, художественный образ.

Высшее музыкальное образование в современном мире постепенно приобретает статус значительного аспекта в области культурного и духовного просвещения общества. Актуальность этого явления, с одной стороны, позволяет привлечь к музыкальному искусству все большее количество слушателей, а с другой, требует от образовательных учреждений подготовки кадров высокого уровня, которые в свою очередь могли бы удержать публичное внимание в области достойных образцов музыкальной культуры.

Среди разносторонних образовательных программ вузов важное значение приобретает обучение вокаль-

ному мастерству. Подготовка профессиональных вокалистов является чуть ли не приоритетной задачей в сфере музыкальной педагогики. Несмотря на ежегодное большое количество выпускников вокальных отделений, существует проблема формирования в их исполнительской деятельности грамотной интерпретационной культуры, что сказывается на качестве их работы.

Данный вопрос рассматривался в следующих научных исследованиях: Т. Стражникова, В. Фаломеев «Педагогические аспекты формирования исполнительского мастерства студентов — музыкантов в процессе обучения в вузе» [1]; А. Шибанова «Формирование

исполнительской культуры музыканта в процессе обучения народному пению» [2]; С. Первушина «Основы формирования музыкально-исполнительской культуры средствами эстрадного пения» [3]; Ю. Цагарелли «Психология музыкально-исполнительской деятельности» [4]; У Лисьян «Развитие исполнительской культуры студентов-вокалистов в вузе» [5] и др.

Исследование работ, которые касаются данного вопроса, показало, что проблема формирования интерпретационной культуры студентов вокалистов до сих пор предстает достаточно острой и дискуссионной, так как указанный аспект не был подробно освещен в различных трудах и статьях. Поэтому в современном музыкально-педагогическом ареале сложилась тенденция развивать интерпретационные навыки у студентов вокалистов, не имея при этом достаточной теоретической и практической базы.

Авторы статьи «Педагогические аспекты формирования исполнительского мастерства студентов — музыкантов в процессе обучения в вузе», останавливаясь на вопросе исполнительской интерпретации, как явления, излагают следующую мысль: «Профессиональное исполнительское мастерство — это системное интегральное качество личности музыканта, являющееся неотъемлемой частью исполнительской культуры в целом, и включающее техническое мастерство, художественно-творческий компонент, позволяющий адекватно интерпретировать музыкальное произведение, комплекс общих и музыкальных способностей и волевые качества» [1, с. 3]. В рамках данного высказывания можно сделать вывод о том, что аспект формирования традиций интерпретации вокальных сочинений заслуживает особого внимания в области исполнительской деятельности студентов.

Автор диссертации «Развитие исполнительской культуры студентов-вокалистов в вузе» У. Лусьян определяет следующие положения, необходимые для формирования интерпретационной культуры молодых исполнителей в рамках образовательного процесса:

1. Структура интерпретационной культуры вокалистов должна объединять техническую и художественную сторону деятельности. Этот комплекс, по мнению автора, включает в себя следующие составляющие: «традиции и новации в русле интерпретации замысла композитора, форму и содержание, стиль и жанр сочинений, что раскрывает творческий потенциал личности певца на уровне эстетического сознания (интересы, вкусы, потребности, способности, ценностные ориентации, мировоззрение) эстетически направленной деятельности» [5, с. 35].
2. Особенности формирования интерпретационной культуры студентов вокалистов предусматрива-

ют такие факторы, как: включение педагогических методов в инновационном ракурсе; системное объединение различных приемов.

3. Значимыми условиями формирования интерпретационной культуры студентов вокалистов можно считать: мастерство педагога, включающее в себя личностные и профессиональные характеристики; возможности самого студента, степень его творческой одаренности и интеллектуальных способностей; умение соотносить желаемые результаты выступления с действительными; навыки анализа собственной деятельности, как в период репетиционного процесса, так и во время сценического воплощения репертуара.
4. Эффективная модель формирования интерпретационной культуры студентов вокалистов создается в том случае, если в учебный репертуар педагог включает разнообразные произведения из разряда академической, народной, современной музыки. Так же индивидуальные подходы складываются при участии в разных концертных формах: конкурс, фестиваль, концерт-лекция, выступление в камерном или большом зале, исполнение сольное или в составе ансамбля/оркестра и т.д.

Особую роль при формировании интерпретационной культуры студента вокалиста играет психологическая составляющая. Эмоциональный фон может как улучшить качество исполнения, так и усилить негативный момент, если вокалист не в состоянии контролировать свои внутренние ощущения. Важно помнить, что любое вокальное произведение имеет свои границы эмоциональной насыщенности, поэтому, прежде чем приступать к изучению сочинения, студенту необходимо проанализировать его содержание и выбрать для себя ту гамму чувств, которая может быть приемлема в данном контексте.

Для этого нужно обратить внимание на понятие «художественный образ», которое будет играть важнейшую роль в процессе интерпретации вокального произведения. По своей сути художественный образ приобретает черты главной категории искусства, в том числе и музыкального, в котором органично объединяются эмоции певца, выражение его мыслей, трактовка идей композитора, а также система ценностей и моральных устоев, сложившихся в обществе. От того, каким образом студент вокалист сможет воссоздать тот или иной музыкальный образ, какой изберет эмоциональный фон, будет, в том числе, зависеть и восприятие вокального произведения слушателями. Поэтому певец, помимо прекрасных вокальных данных и природного дара, должен обладать некоторыми актерскими способностями, а также богатым воображением, чтобы достойно интерпретировать

то или иное сочинение. Не стоит недооценивать роль артистизма в вопросе подготовки исполнителя к выступлению. Одаренность и техническая оснащенность студента вокалиста — еще не залог мастерства, а лишь ступени к вершине исполнительской деятельности.

Культуру вокальной интерпретации можно разделить на три основных типа:

1) полная интерпретация, связанная с подробным изложением всех принципов, заложенных композитором в сочинении. Следуя за данным типом, студент вокалист стремится достоверно и максимально точно отразить мельчайшие детали, которые в нотном тексте зафиксировал автор, вплоть до нюансов динамических оттенков, всех штрихов и темпового обозначения.

К этому виду можно отнести еще одну интересную разновидность — полную интерпретация не замысла композитора, а той версии произведения, которое уже было исполнено более выдающимся и именитым вокалистом. Студент зачастую вслушивается в различные версии исполнения своего репертуара и иной раз избирает для себя определенные интерпретации, близкие ему по духу, по вокальным возможностям, тембру и т.д. Здесь велика вероятность того, что прослушав одно и то же вокальное сочинение множество раз, студент подсознательно может имитировать исполнительское звучание полюбившейся версии.

2) частичная интерпретация, связанная с некоторыми отклонениями вокалиста от первоначально задуманной версии произведения. Большую часть сочинения студент интерпретирует так, как трактовал свое творение композитор. Однако некоторые детали, не меняющие кардинально ни мелодию, ни художественный образ, ни ритмические фигурации, студент вокалист может исполнить несколько иначе. В данном типе подключаются основы импровизации, когда вокалист, используя свою исполнительскую фантазию, добавляет в уже существующее произведение нюансы, которые могут служить свидетельством небольшого «авторства» самого вокалиста. Обычно речь идет о кратких мелизмах, украшениях, которые должны «раскрасить» мелодическую линию и при этом показать технические способности певца. Где-то вокалист может на более долгое время удлинить певческий звук, продемонстрировав тем самым возможности своего дыхательного аппарата и др.

3) неточная интерпретация связана непосредственно с импровизационными моментами, основанными на оригинальном музыкальном материале. Для того чтобы иметь возможность использовать данный тип интерпретации, студент вокалист должен обладать значительными ресурсами в области художественного во-

ображения, уметь удачно импровизировать в нужные моменты, когда того позволяет контекст произведения. Далеко не все критики и слушатели восприимчивы к подобного рода интерпретациям, считая, что сочинение должно быть исполнено в том виде, в каком оно было создано композитором. Доля истины в этих рассуждениях, несомненно, есть. Однако в данном случае речь идет не о подмене уже зарекомендовавшего себя творения пустой импровизацией на основе качественного материала, а собственный взгляд на те фрагменты, которые можно исполнить несколько иначе, исходя из контекста произведения, возможностей студента вокалиста и других факторов, влияющих на возникновение неточной интерпретации вокального сочинения.

Чтобы сформировать интерпретационную культуру в процессе вокального исполнительства, студенту необходимо произвести работу над расширением своего творческого кругозора, знать эстетику различных музыкальных стилей и понимать, в произведениях каких композиторов может присутствовать доля импровизации, а в каких нужно следовать четко за замыслом автора. Только в том случае интерпретации студента вокалиста будут исполнены на высоком уровне.

Можно выделить следующие критерии, на основании которых происходит формирование культуры сценических интерпретаций не только в вокальном искусстве, но и в других музыкальных направлениях:

- ◆ знания, навыки и умения (не только в своей специальности, но и в смежных областях);
- ◆ развитые коммуникации (постоянное общение как с другими исполнителями, критиками, композиторами, так и со слушателями, в том числе, во время выступления);
- ◆ творческие особенности (артистизм, умение создать сбалансированный художественный образ, умение импровизировать в те моменты, когда это действительно уместно, развитое воображение и т.д.).

Студент должен помнить, что во время выступления его основная задача — донести до публики посыл, заключенный в содержании произведения. При этом грамотный исполнитель не имеет права ошибиться ни в одном аспекте сценического воплощения — ни текст композиции, ни мелодия, ни техническая сторона — ни один критерий выступления не должен подвести вокалиста, иначе у слушателя останется смешанное впечатление относительно увиденного на сцене.

Чтобы избежать досадных ситуаций в процессе интерпретации, студенту вокалисту совместно с педагогом необходимо произвести анализ предстоящего выступления, осуществить моральную и психологиче-

скую подготовку, составить график репетиций и четко его придерживаться. После выхода на сцену вокалист самостоятельно, но при участии педагога, анализирует собственное выступление с точки зрения как положительных, так и отрицательных моментов. Студент при этом формирует в себе объективную оценочную систему, при которой он твердо знает, над чем ему еще нужно поработать, чтобы в следующий раз избежать подобных нюансов. Затем полезно выслушать точку зрения педагога и, по возможности, стороннего лица, который видел студента вокалиста на сцене впервые. Обычно оценка подобного слушателя абсолютно беспристрастна и может служить мотивацией к дальнейшему развитию вокальной техники и артистизма исполнителя.

Для полноценной подготовки студента вокалиста к сценической деятельности педагог может обратиться к следующим этапам работы в классе:

1. Мотивационные установки, направленные на психологическую уравновешенность вокалиста перед выступлением;
2. Предупреждение возможных ошибок, связанных со сценическим волнением студента;
3. Объединение всех процессов (психических, физиологических и творческих) для качественной интерпретации вокального произведения;
4. Корректировка моментов, которые получаются менее удачно и уверенно;
5. Включение трезвого мышления во время самого выступления;
6. Моральная уверенность в успешной интерпретации сочинения.

Виртуозная интерпретация, создание яркого и выпуклого художественного образа — это не просто психические свойства исполнителя, а результат особого анализа музыкального произведения, связанного со слуховыми представлениями. Если изучить деятельность именитых певцов, то станет ясно, что их успех во многом сопряжен с максимальным развитием интонационного слуха и других средств музыкальной выразительности. Грамотность вокалиста в области искусства, включающая в себя целый комплекс знаний и умений (память, мышление, чувство ритма, чистота интонации и т.д.), позволяет ему проникнуть в самую суть произведения, что влечет за собой понимание содержания и донесения основной идеи композитора до слушателя.

Немалую роль в области формирования интерпретационной культуры студентов вокалистов играет еще и внешний облик. Аспект «имиджа» в сценическом мире занимает довольно важные позиции, так как артист подчеркивает художественный образ своего произведения не только через технические вокальные приемы и ак-

терские способности, но и посредством собственного костюма, который должен быть уместен в рамках данного выступления или в плане исполнения конкретного сочинения. Эту область формирования интерпретационной культуры многие исследователи опускают в своих работах, не считая нужным останавливаться на данном вопросе, хотя от того, как выглядит студент вокалист на сцене, в том числе будет зависеть его успех как артиста.

Именно внешний облик — первый параметр, который для себя отмечает слушатель сразу, как только исполнитель появляется на сцене. Так закладывается первоначальное впечатление, которое может быть как положительным, так и негативным. Конечно, мастерство певца может затмить любые представления публике о его имидже, однако яркость и харизма исполнителя складывается из нескольких составляющих: это и вокальное дарование, и артистизм, и, конечно, внешний облик.

О создании сценического образа в целом в своей диссертации говорила исследователь М. Зайкова: «Формирование сценического образа в вокально-творческом исполнительстве студентов вузов культуры и искусств предстает, как важное целостное явление, которое будет включать в себя преемственность и интеграцию различных наук и искусств» [6, с. 22]. Здесь автор имеет ввиду тесную взаимосвязь элементов таких видов искусств, как музыка, хореография и театр. И конечно без создания контекстного имиджа исполнителю будет сложно донести до слушателя определенную идею произведения. Поэтому студента вокалиста уже на ранних этапах образовательного процесса следует обучать также формированию эстетического взгляда на сценическую одежду во время подготовки к выступлению.

Процесс создания и развития интерпретационной культуры студентов вокалистов предстает важным моментом в образовательной и профессиональной деятельности, особенно в современном музыкальном искусстве. Проблема непонимания значения данного фактора влечет за собой отсутствие вокального мастерства с точки зрения артистизма. Студенты, думая, что им достаточно развить свой голос для успешной интерпретации своего репертуара, рискуют столкнуться с полным неприятием их концертных версий на публике, так как одного тембра и вокальных способностей ничтожно мало для реализации художественного образа музыкальных произведений на сцене.

В заключение статьи выделим основные положения, которых необходимо придерживаться для успешного формирования интерпретационной культуры и для реализации творческих амбиций студентов вокалистов:

1. интеллектуальное развитие;
2. умение работать со средствами музыкальной выразительности;
3. навык вокальной импровизации;
4. аналитический подход к рассмотрению репертуара;
5. присутствие актерских способностей;
6. создание грамотного художественного образа;
7. акцентирование внимания на формировании сценического внешнего облика.

Игнорирование хотя бы одного пункта из приведенного выше комплекса средств может привести к недостаточному уровню интерпретационной культуры студента вокалиста. Поэтому перед педагогом стоит важная задача — вести работу не только в сфере вокального развития, что, несомненно, является первостепенным моментом, но и уделять внимания аспектам формирования полноценной интерпретационной культуры, что в современном музыкальном искусстве ценится на довольно высоком уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стражникова Т. Фаломеев В. Педагогические аспекты формирования исполнительского мастерства студентов — музыкантов в процессе обучения в вузе / Т. Стражникова, В. Фаломеев // Научный журнал КубГАУ. — № 120 (06), 2016. — С. 1–11
2. Шибанова А. Формирование исполнительской культуры музыканта в процессе обучения народному пению: дисс. на соискание уч. ст. канд. пед. наук / А. Шибанова. — М.: Российский государственный социальный университет, 2018. — 205 с.
3. Первушина С. Основы формирования музыкально-исполнительской культуры средствами эстрадного пения / С. Первушина. — СПб.: ГБОУ Академическая гимназия № 56, 2015. — 15 с.
4. Цагарелли Ю. Психология музыкально-исполнительской деятельности: Учебное пособие / Ю. Цагарелли. — СПб.: Композитор, 2008. — 368 с.
5. У Лисьян Развитие исполнительской культуры студентов-вокалистов в вузе: дисс. на соискание канд. пед. наук / Лисьян У. — М.: Московский государственный университет культуры и искусств, 2010. — 213 с.
6. Зайкова М. Формирование сценического образа в вокально-творческом исполнительстве студентов вузы культуры и искусств: дисс. на соискание уч. степени канд. пед. наук / М. Зайкова. — М., 2016. — 239 с.

© Гайбурова Надежда Владимировна (nadezhdagaj@gmail.com), Иванова Агриппина Зосимовна (maksimuzo@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РУССКОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО XX ВЕКА

RUSSIAN FINE ARTS
OF THE TWENTIETH CENTURY

Му Ке

Summary. The subject of the study is the fine arts of Russia of the 20th century in the context of the development of the world artistic culture. Also, attention is focused on the circumstances and aspects of the development of Russian painting with its specifics in the early twentieth century.

The aim of the work was the need to expand the existing knowledge about the specifics of Russian fine art, designing its view on the painting of artists S. P. Dyagilev, A. Benois, K. Somov, M. Dobuzhinsky, V. Serov, K. Korovin, B. Kustodiev, F. Malyavin, Z. Serebryakova, V. Vasnetsov, I. Bilibin, A. Ostroumova-Lebedeva, I. Grabar, N. Roerich, S. Sudeikin. From the point of view of the theory of art, the author of the article makes a fragmentary emphasis on criticizing the low artistic standards of the outdated peredvizhnic school and propagating artistic individualism, as well as other principles of modernity.

Keywords: Russian art, the twentieth century, artists, exhibitions, creative associations, the world of art, avant-garde, rationalism, socialist realism, social art, artistic thinking.

Му Ке

Аспирант, Московский государственный
академический художественный институт имени
В. И. Сурикова
Ke.mu@yahoo.com

Аннотация. Предметом исследования является изобразительное искусство России XX века в контексте развития мировой художественной культуры. Также внимание сосредоточено на обстоятельствах и аспектах становления отечественной живописи с ее спецификой в начале XX столетия.

Целью работы стала необходимость расширить существующие знания о специфике русского изобразительного искусства, проектируя свой взгляд на живопись художников С. П. Дягилева, А. Бенуа, К. Сомова, М. Добужинского, В. Серова, К. Коровина, Б. Кустодиева, Ф. Малявина, З. Серебряковой, В. Васнецова, И. Билибина, А. Остроумовой-Лебедевой, И. Грабаря, Н. Рериха, С. Судейкина. С точки зрения теории искусства автор статьи фрагментарно делает акценты на критике низких художественных стандартов устаревшей передвижнической школы и пропаганде художественного индивидуализма, а также других принципов модерна.

Ключевые слова: Русское искусство, XX век, художники, выставки, творческие объединения, мир искусства, авангард, рационализм, социалистический реализм, соц-арт, художественное мышление.

Первые два десятилетия XX века были отмечены быстрой серией художественных инноваций, которые часто оказывались противоположными друг другу, но все это было связано с желанием порвать с прошлым. Эта общая цель привела к тому, что некоторые группы художников назывались «авангардными», термин, вызывающий образ предшествующей силы, выражающей художественное восприятие, которое позднее станет частью более широкой культуры.

Группа русских художников и писателей, активных в 1898–1906 годах, возродилась как экспонирующее изобразительное творчество общество. Сергей Дягилев послужил движущей силой для формирования группы в Санкт-Петербурге в 1898 году и для публикации ее журнала «Мир искусства» с 1898 по декабрь 1904 года [9, с. 253]. В первом номере журнала С. П. Дягилев, который вместе с А. Н. Бенуа, хорошо знал недавнее западноевропейское искусство, заявил о своей приверженности возрождению русского искусства, избегая слабых и не интересных размышлений о внешних тенденциях, при этом, сопротивляясь узкому национализму.

На страницах журнала они критиковали низкие художественные стандарты устаревшей передвижнической

школы и пропагандировали художественный индивидуализм, а также другие принципы модерна. Теоретические декларации художественных движений были изложены в статьях С. Дягилева «Трудные вопросы», «Постоянная борьба», «В поисках красоты», «Основы художественной оценки» и других, опубликованные в №№ 1–2 и №№ 3–4 нового журнала.

«Мир искусства» уделял особое внимание символическим и эстетическим тенденциям в России, но его разнообразие талантов означало, что он имел лишь ограниченную степень стилистической согласованности [7, с. 103].

Художественное объединение было основано в 1898 году группой студентов, в которую вошли также Александр Бенуа, Константин Сомов, Дмитрий Филофов, Лев Бакст, Евгений Лансере. Первыми действиями для новой художественной группы стала организация выставки русских и финских художников в Музее прикладного искусства Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица.

Среди основателей «Мира искусства» были Мстислав Добужинский, Евгений Лансере и Константин Сомов. Вы-

ставки, организованные «Миром искусства», привлекли многих выдающихся художников из России и за рубежом, в частности, Михаила Врубеля, Михаила Нестерова и Исаака Левитана.

В свое время (1898–1904 года) художественная группа организовала шесть выставок: 1899 (международная), 1900, 1901 (в Императорской Академии художеств, Санкт-Петербург), 1902 (Москва и Санкт-Петербург), 1903, 1906 (Санкт-Петербург). Шестая выставка была воспринята как попытка С. П. Дягилева предотвратить отделение от московской группы, организовавшей отдельную «выставку из 36 художников» (1901), а затем группу «Союз русских художников» (с 1903 года) [6, с. 59].

В 1904–1910 годах «Мира искусства» как отдельной художественной группы не существовало. Его место было унаследовано «Союзом русских художников», который существовал официально до 1910 года и неофициально до 1924 года. В состав Союза вошли художники (Валентин Серов, Константин Коровин, Борис Кустодиев, Филипп Малявин, Зинаида Серебрякова), иллюстраторы (Виктор Васнецов, Иван Билибин, Константин Сомов, Анна Остроумова-Лебедева), реставраторы (Игорь Грабарь) и живописные дизайнеры (Николай Рерих, Серж Судейкин).

В 1910 году А. Н. Бенуа опубликовал критическую статью в журнале «Речь» о Союзе русских художников. Включение русских художников-авангардистов показало, что «Мир искусства» стал выставочной организацией, а не художественным движением. В 1914 году председателем объединения стал Иван Билибин. В том же году большинство членов «Бубнового вала» (Петр Кончаловский, Илья Машков, Михаил Ларионов, Аристарх Лентулов) входят в объединение «Мир искусства» [8, с. 203].

Группа организовала многочисленные выставки в 1911, 1912, 1913, 1915, 1916, 1917, 1918, 1921, 1922 годах в Санкт-Петербурге, Москве. Последняя выставка «Мира искусств» была организована в Париже в 1927 году [10, с. 129]. Некоторые члены группы вошли в творческие объединения «Жар-Цвет» (Москва, организованный в 1924 году) [5] и «Четыре искусства» (Москва-Ленинград, организовано в 1925 году) [4].

Русское искусство для утонченной западноевропейской публики ранее казалось варварским и примитивным, но его национальный фольклор вызвал большой интерес, когда работы были показаны на Парижской экспозиции 1900 года. В целом же, искусство России XX века является многоаспектным вопросом и состоит из множества совпадающей, а иногда и опровержимой информации о разных творческих группах и движениях.

Так, группа художников сформировала одно из движений в 1909 году в Москве, заявляя таким образом о первой волне русского авангарда. Дореволюционные художники не ограничивали себя в путешествиях, и большинство из них проводили лучшие годы творчества в Париже, где они попадали под влияние французских импрессионистов и кубизма. Они получили свое название от первоначальной выставки в 1909 году и разработали яркий стиль, который свидетельствовал о перерыве в русской традиции XIX века благодаря творчеству И. Репина, И. Шишкина и И. Левитана. Среди ключевых фигур — Казимир Малевич, Петр Кончаловский, Роберт Фальк, Михаил Ларионов и Наталья Гончарова. Основные работы этих художников редко появляются на арт-рынке.

Авангард — общий термин, который используется для описания русского искусства, существовавшего с начала XX века вплоть до появления государственного стиля социалистического реализма, созданного в 1930 году. Многие из бывших художников-авангардистов, таких, например, как Казимир Малевич, примерно с 1920 года должны были изменить свой стиль, чтобы соответствовать социалистическому реализму, не считаться подрывающим основы общества и не отправиться в ГУЛАГ.

В авангард была включена живопись, скульптура, фотография и архитектура. В соответствии с мышлением большевиков после революции 1918 года конструктивисты отвергли идею автономного искусства в пользу искусства с социальной целью. Это новое искусство, и в частности архитектура, заимствовало концентрические формы кубизма и футуризма. Владимир Татлин стал ключевой фигурой в этом движении наряду с Александром Родченко, Варварой Степановой и Густавом Клуцисом.

Со временем большевики все больше понимали, что могут использовать искусство в пропагандистских целях. Они контролировали художественное производство так же тщательно, как и все другое в новом Советском государстве. Представители власти постановили, что искусство должно быть реалистичным (то есть, репрезентативным) по стилю и социалистическому содержанию. Этот тип искусства, который господствовал в искусстве в Советском Союзе с 1930 по 1970 года, на высшем уровне был просто высмеян как простая пропаганда. Социалистическое движение отклонило прежний авангард в искусстве как декадентский, и в 1932 году определило шаблон, согласно которому искусство должно прославлять рабочих и государство, а также вернуться к реалистической традиции живописи, которая доминировала в русском искусстве в XIX веке. Первое поколение этого искусства сформировало художников, которые стали очень популярными, а их творчество ценным. Среди

них вспомним таких мастеров, как Александр Дейнека, Юрий Пименов и Александр Самохвалов. Следующие представители живописного творчества, включая Аркадия Пластова и Владимира Стожарова, также являются крупными фигурами.

В 1960-е годы, а, конкретнее, после смерти Сталина в 1953 году и ослабления доктрины социалистического реализма, во времена «оттепели» Н.С. Хрущева группа более предприимчивых художников, таких как Павел Никонов и Николай Андронов, сформировали так называемый «суровый стиль» [2]. Они переработали принятые догмы социалистического реализма, чтобы придать больше серьезности послевоенной жизни в России.

Ключевые работы этого периода, например, у Н.И. Андронova 1961 года (Третьяковская галерея), демонстрируют стиль, полученный от П. Кончаловского и других художников творческого объединения «Бубновый валет» [1, с. 47]. В этот период становятся известными Александр Дейнека и Кузьма Петров-Водкин, Гелий Коржев, Виктор Иванович Иванов, Валентин Сидоров, Петр Оссовский и Виктор Попков. Интерес к их творчеству во второй половине XX века только начинал развиваться.

Нонконформизм, известный как «неофициальное искусство», характеризует искусство, сформированное в Советском Союзе в период между 1950 и 1980 годами, и которое не вписывалось в социалистический реализм или в суровые школы искусства. Художники-нонконформисты должны были действовать тайно и часто имели небольшие контакты друг с другом, что означало, что движение имеет свои ограничения и риски. Оно охватывало как соц-арт, так и московский концептуализм и включало в себя творчество таких мастеров, как Олег Целков, Илья Кабаков и Оскар Рабин. Интерес к наследию этих живописцев начал развиваться около 2005 года, но, похоже, утих, поскольку многие из этих художников интересны исследователям из-за их политической позиции, а не качества творческих работ [11, с. 8].

Соц-арт также иногда называют советским поп-артом, и это термин, который придумали перформансисты В.А. Комар и А.Д. Меламид, чтобы описать работу, которая подорвала советскую иконографию [3]. Среди других представителей этого художественного направления назовем Эрика Булатова и Леонида Солова.

Среди советских скульпторов также были талантливые люди, чьи работы сегодня можно увидеть, проведя день в Третьяковской галерее. В дополнение к монументальным общественным памятникам, которые они должны были сделать для государства, эти скульпторы

изготовили тонкие экспонаты более личных работ с использованием камня, гипса, бронзы и дерева. Выдающимися скульпторами советского периода являются Александр Матвеев, Вера Мухина, Сергей Коненков, Иосиф Чайков, Иван Шадр, Евгений Вучетич, Матвей Манизер, Сара Лебедева и Екатерина Белашова. На протяжении многих лет такая скульптура не была представлена широкому кругу ценителей советского искусства. В мае 2012 года в Третьяковской галерее провели первую выставку советской скульптуры.

Подводя итоги, отметим, что одним из самых ярких периодов художественной переориентации в русской культуре и изобразительном искусстве был конец XIX — начало XX веков. Это время было наполнено признаками взаимоисключающих идей, непримиримой полемики, ощущением растерянности. Целостные художественные системы начали заключаться только в XX веке, а между 1880 и 1910 годами, в ситуации пограничья, формировалась система художественного мышления И.И. Левитана, В.А. Серова и, естественно, К.А. Коровина. Художественная судьба названных мастеров кисти как раз и заключалась в воссоздании «предельного» сознания современников. Так, с позиций сегодняшнего времени К.А. Коровин воспринимается как центральная фигура в искусстве переходного периода. Именно его тип художественного мышления дает возможность наблюдать постепенные изменения в искусстве (не революцию, а эволюцию): обобщение прошлого; осмеяние и пародирование отжившего; многовариантный синтез; кристаллизацию модели переходного мышления.

Богатое культурное наследие России представляет собой лучшее человеческое творчество. В целом, отечественная литература, музыка, визуальное, исполнительское искусство и архитектура являются одними из самых глубоких, неотразимых и красивых выражений человеческого духа.

Большая часть этого богатого наследия хорошо известна за рубежом, например, творения Льва Толстого и Федора Достоевского, музыки Петра Чайковского, Сергея Прокофьева и Игоря Стравинского, картины Ильи Репина и Василия Кандинского, архитектура Кремля и Государственный Эрмитаж.

Менее исследованными в этом творческом наследии являются картины русского импрессионистического периода, который длился примерно с 1930 по 1980 года. Русский импрессионизм внес важный вклад в культурное наследие России, но до недавнего времени было очень мало что известно о его красоте и качестве, а также о его ведущих художниках из-за советского изоляционизма. В этот период большую часть культурной жизни

ни в Советском Союзе отрицали западные проявления. Конец эры коммунизма, снятие железного занавеса, движение к свободе и демократии в Российской Федерации позволили миру испытать уникальное и важное историческое прошлое в рамках художественной деятельности.

В настоящее время ее изучают и признают искусствоведы, директора музеев, кураторы и коллекционеры как одни из лучших произведений искусства, созданных в двадцатом веке.

Сопоставление можно привести только с развитием французского импрессионизма, в котором предмет и стиль Г. Курбе, Ж.-Ф. Милле, Э. Мане и других ранних импрессионистов находились под влиянием социальных и политических потрясений в Западной Европе. Результатом стал все более ценный и коллективный жанр, созданный выдающимися российскими импрессионистами. Этот комплекс работ продвигает богатое культурное наследие России XX века в исторически значимом, оригинальном по составу и форме стиле и прекрасном в своем изображении человеческого духа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Г. О Николае Андронове Г. О. Анисимов // Андронов Н. Каталог выставки произведений из собраний Государственной Третьяковской галереи и семьи художника. К 75-летию со дня рождения. — М.: ГТГ, 2004. — 132 с.
2. Бобриков А. Суровый стиль: мобилизация и культурная революция / А. Бобриков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://xz.gif.ru/numbers/51-52/surovo> (дата обращения — 26 мая 2017 года)
3. Бутенюп О. Комар и Меламид, дуэт / О. Бутенюп [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://artuzel.com/content> (дата обращения — 29 мая 2017 года)
4. Венедиктова Е. А. Общество художников «четыре искусства»: автореферат дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.00; 07.00.12 / МГУ им. В. И. Ломоносова. — Москва, 1992. — 16 с.
5. «Жар-цвет» // Москва: Энциклопедия / Глав. ред. С. О. Шмидт; Сост.: М. И. Андреев, В. М. Карев. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. — 976 с.
6. Лапшин В. Союз русских художников / В. П. Лапшин. -Л.: Издательство: Художник РСФСР, 1974. — 422 с.
7. Лифарь С. (Сергей Лифаренко). Дягилев, С Дягилевым. М.: Вагриус, 2005. — 592 с.
8. Северюхин Д. Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820–1932). Справочник / Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкинд. — Санкт-Петербург: Издательство Чернышева. 1992. — 400 с.
9. Схейен Ш. Дягилев. «Русские сезоны» навсегда / Пер. с нидерл. Н. Возненко, С. Князьковой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012, 608 с.
10. Хмелева Н. Художники «Мира Искусства» в Большом Драматическом театре / Н. Хмелева // «Наше Наследие». — № 73. — 2005. — С. 128–141.
11. Nicolas Iljine; J Englund. Tselkov: Paintings, Sculpture, and Etchings. — SDZY Publishing, 2011. — 20 p.

© My Kэ (Ke.mu@yahoo.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова

ПЛЮРАЛИЗМ ТЕНДЕНЦИЙ РУССКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА XXI ВЕКА

PLURALISM OF TRENDS RUSSIAN ART OF THE XXI CENTURY

Mu Ke

Summary. the subject of the study in this article is the pluralism of trends in contemporary art in Russia in the context of the development of world art culture. Also, attention is focused on the features of the directions of the domestic modern fine arts with the specificity of pluralistic views of artists in the early XXI century.

The aim of the work was the need to expand the existing knowledge of pluralism as a philosophical direction in contemporary Russian art, projecting its view on the challenges of globalization, sociocultural problems of society, philosophy, semiotics of culture and art, the development of new technologies, the Internet.

Keywords: Pluralism, contemporary art, Russia, XXI century, pop art, exhibitions, art scene, social art, artist-designer, mass information.

Mu Ke

*Аспирант, Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова
Ke.mu@yahoo.com*

Аннотация. Предметом исследования в настоящей статье является плюрализм тенденций современного изобразительного искусства России в контексте развития мировой художественной культуры. Также внимание сосредоточено на особенностях направлений отечественного современного изобразительного искусства со спецификой плюралистических взглядов художников в начале XXI столетия.

Целью работы стала необходимость расширить существующие знания о плюрализме как философском направлении в современном российском изобразительном искусстве, проектируя свой взгляд на вызовы глобализации, социокультурные проблем общества, философию, семиотику культуры и искусства, развитие новых технологий, интернет.

Ключевые слова: Плюрализм, современное искусство, Россия, XXI век, поп-арт, выставки, арт-сцена, социальное искусство, художник-дизайнер, массовая информация.

Изобразительное искусство России XXI века тесно связано с развивающимися направлениями творческой практики, научными исследованиями и публикациями, что делают его невероятно динамичной областью обучения. В новом тысячелетии резонировали многие важные темы и «вдохновляли новые мыслительные и научные дискуссии, например, касающиеся критической теории, известной как реляционная эстетика» [3]. Другие темы, широко обсуждаемые в конце XX века и также «подтверждающие плюрализм тенденций развития русского изобразительного искусства, остаются жизненно важными для анализа искусства и визуальной культуры XXI века» [1, с. 150–151]. В том числе обозначенное касается семиотики искусства, постмодернизма и феминизма.

Изобразительное искусство XXI века выходит из самых разных материалов и средств. К ним относятся новейшие электронные технологии, такие как цифровая визуализация и Интернет; знакомые жанры с давней историей, которые продолжают практиковаться с большой силой (например, живопись); материалы и процессы, когда-то связанные, прежде всего, с ремеслами, вновь возрождаемые для выражения новых творческих концепций.

Многие художники регулярно и свободно смешивают средства массовой информации и художественные формы (например, в рекламе) [6], делая выбор, который наи-

лучшим образом соответствует их концепциям и целям. Их деятельность варьируется от впечатляющих проектов, выполненных с огромными бюджетами и необычайными производственными ценностями, до скромных усилий, которые подчеркивают творческий процесс, опыт и подходы. «Понятие влияния искусства на культуру также трансформировалось в связи с изменениями в коммуникациях и технологиях» [7, с. 373–374].

Как известно, еще 1950–1960-х годах активно разрабатывались новые стратегии и идеи касательно возможности увеличения эффективности рекламных кампаний. Для создания успешной креативной рекламы начали применять творческий подход, вследствие чего вырос ее творческий потенциал, а рост конкуренции на рекламном рынке заставил создателей рекламного продукта разрабатывать все более изощренные способы его актуализации. Поп-арт, например, дал рекламе очень многое. Самое главное — появление нового ощущения бренда, торговой марки, он также задал тон в понимании того, что именно имя и торговая марка являются самой важной ценностью продукта. Она является более важной, чем само качество продукта, поэтому именно марку, лейбл нужно делать узнаваемой и популярной.

Эта идея является основной в поп-арте и сегодня, так как большая часть продуктов массового потребления,

которые используются в картинах данного направления, не близки. Они принадлежат к продукции конкретной компании.

Между художественным стилем поп-арт и самой рекламой существует неразрывная связь, несмотря на то, что у представителей поп-арта нет прямой цели продать товар. Поп-художники могли и могут сейчас иронизировать по поводу рекламных образов. Очень часто они их видоизменяют, даже делают пугающими и отталкивающими. Тем не менее, именно образы рекламы лежат в основе эстетики и философии поп-арта.

«Поп-арт — первый и единственный стиль, который пользовался языком рекламы для создания художественных произведений» [13, с. 12–13]. Художественно-оформительская работа также может стимулировать эмоции. Например, цвет мотивирует потребителей к разным действиям в зависимости от их культурного уровня и личного опыта. Поп-арт помогает рекламе убеждать, мотивировать людей к определенному действию или выработке отношения к рекламной компании, создающей новые мифы и героев. Креативная история или персонаж придавали продукту уникальную идентичность в коллективном сознании, что обеспечивало востребованность товара. «Соединяя высокое и низкое, эlegantное и небрежное, элитарное и массовое, величественное и приземленное, поп-арт навсегда изменил современное искусство» [10].

В контексте выше озвученного, возникает необходимость в перспективе изучить роль дизайнера в процессе дизайн-проектирования современного рекламного плаката. Профессиональный дизайнер должен владеть творческими способностями, потому что ручная графика способна сделать маркетинговый плакат наиболее живым и выразительным. Их изюминка также заключается в том, что растровая графика позволяет сделать изображение хоть какой трудности с возможностью использования обычных средств графики и живописи (кисть, карандаш, краски, пастель, акварель и тому подобное), использовать разные эффекты и редактировать различные изображения, в том числе и фото.

В каждой стране по всему миру существуют творческие личности, которые отвечают за сохранение традиций местных географических регионов и истории, а также за влияние глобальной визуальной культуры на национальную культуру и, в частности, изобразительное искусство. Ключевой особенностью арт-сцены в XXI веке (и многих секторов жизни в третьем тысячелетии) является влияние глобализации — ускоряющаяся взаимосвязь человеческой деятельности и информации во времени и пространстве [13, с. 37].

Благодаря интернету и средствам массовой информации, осознание жизненной силы современного искусства в населенных пунктах земного шара возросло. Любой, кто имеет доступ в Интернет, может следить за творческими событиями в любой точке мира. Одновременно увеличилось движение художников через границы и океаны, что усилило процесс смешения творческих взаимовлияний и художественной терминологии. Ученые, в свою очередь, объясняют смысл и последствия глобализации для развития русского изобразительного искусства [11].

Что касается непосредственно взаимосвязи глобализации и искусства, то практика деятельности в России, Азии, Африке, на Ближнем Востоке и в других местах бросает вызов традиционным предположениям и оценочным суждениям, которые лежат в основе национального канона [8, с. 72–76]. Возникают также вопросы о том, прослеживается ли переосмысление этого национального канона представителями как творческой, так и научной среды? Как кураторские выставки, посвященные темам глобализации, представляют художников из разных уголков мира? [8, с. 74].

При этом уже можно констатировать, что расширяющийся арт-рынок и распространение биеннале и арт-ярмарок помогли избранной группе художников со всех континентов получить международное признание. Но в этом случае необходимо изучить, изменилась ли бы структура и ценности арт-рынка? [8, с. 75].

Что касается визуальной культуры, то необходимо отметить, что в XXI веке визуальная культура выросла как признанная междисциплинарная область обучения, применяя многогранный подход к пониманию того, как изображения всех типов соединяются и участвуют в построении отношений идентичности, пола, класса, власти. Медицина, наука, политика, потребительская культура, религия и духовность — это некоторые из тех областей, которые изучают визуальную культуру наряду с искусством. Исследователи визуальной культуры анализируют фильм, телевидение, графические работы, дизайн одежды и другие формы популярной культуры в дополнение к установленным средствам изобразительного искусства, таким как живопись. При этом они используют множество методологий и теорий, включая семиотику, социологию, психоанализ.

Подобно тому, как ученые по визуальной культуре изучают изображения и средства массовой информации всех типов, художники XXI века рисуют вдохновение, образы, материалы и концепции из разных областей культуры, выходят за рамки влияния истории изобразительного искусства и дизайна.

Большинство современных художников не изображают жестких различий между высоким искусством и популяр-

ной культурой. Например, ряд современных художников используют традиционные методы волоконного искусства, но используют их для создания неортодоксальных форм или решения текущих социальных и политических проблем.

Многие художники XXI века глубоко вовлечены в процесс погружения в глобальную визуальную культуру, которая теперь ярко проявляется через сети Интернета. Многие художники поддерживают персональный сайт, а некоторые создают искусство для распространения через социальные сети. Как всегда, новые технологии предоставляют новые возможности. И в данном случае необходимо отметить, что эти возможности очень удобны и полезны.

Интерес вызывают также публичное и коллективное искусство [9]. Общественное искусство было устоявшимся жанром уже к концу XX века, привлекая внимание как традиционных, так и экспериментальных практиков. Общественное искусство в XXI веке расширилось еще больше как область деятельности, в которой могут проводиться творческие исследования. В дополнение к постоянным знакомым формам, таким как памятники, фрески, граффити и сотрудничество между художниками, инженерами и архитекторами, общественное искусство включает в себя новые цели, формы и места, учитывая новые художественные магазины, уличные парады и онлайн-игры проекты.

Явная тенденция в XXI веке — это искусство, которое является основополагающим, в котором социальное взаимодействие, вызванное работой, становится его содержанием [5, с. 37–42]. Часто называемое реляционным искусством, произведение буквально привлекает общественность каким-то образом. Например, Карстен Хёллер установил гигантские слайды в музеях, чтобы посетители могли спуститься вниз, а Риркрит Тиравани приготовил тайскую еду и подал ее в галерею.

Художники, привлеченные непосредственностью и связностью всемирно сетевых медиа, часто создают онлайн-проекты, которые приглашают к социальному взаимодействию. Реляционная эстетика развивалась (и оспаривалась) как критическая теория для анализа и оценки таких начинаний. Ключевым вопросом в этой дискуссии является вопрос: в какой степени физические произведения реляционного искусства (например, такие как слайды Хёллера [14]) оцениваются с эстетической, а также социальной точки зрения.

Ценности и направленность русского изобразительного искусства XXI века пока что находятся в начальной стадии. Пока только видны отголоски постмодернистской традиции, а художественное течение подчеркивает развитие методов по форме и оригинальность в технике испол-

нения. Но есть также уникальные характеристики XXI века, такие как растущая художественная значимость социально-политического сознания и последствия глобализации для искусства.

Современное художественное проектирование представляет собой многослойный процесс включения искусства в социальную жизнь общества. В прежние времена представление о художественном творчестве имело, в основном, прикладной смысл. Это означало, что искусство было направлено на определенные слои общества, которые и формировали его ценность, качество и социальную значимость. Например, декоративное искусство обычно связывали с ремесленными мастерскими, с традициями этих мастерских, опытом и символикой, вырабатываемых поколениями династий, связанных цеховым братством. Живопись, создаваемая на заказ, являлась уникальным продуктом творчества единственного мастера, который учитывал вкусы заказчиков, то есть работал в области элитарного искусства. Для среднего слоя потребителей искусства существовали менее именитые художники, а также печатники и фотографы, способные предложить не слишком дорогой продукт. Идеи продвижения искусства в массы получили социальную окраску в середине XIX века, когда группа художников Передвижников предложила свое творчество в виде передвижной выставки в разных уголках России.

В современном информационном обществе такая акция, как выставка Передвижников, потерялась бы в массе разнообразных реальных и виртуальных проектов. Обладая интернациональным языком, искусство отрабатывает семантику ощущений окружающего мира, подчас лишая этот процесс необходимости вербальной интерпретации. В искусстве постепенно исчезает идея социального расщепления, напротив, стало более важным формировать некие универсальные художественные коды, которые могли бы быть расшифрованы так же, как считываются жаргоны в блогах. Эта визуальная «аббревиатура», сопровождаемая шлейфом ассоциаций, включает в себя массу социальных штампов, которые усваиваются современными художниками с таким же пристрастием, с каким дизайнеры, работающие в рекламе, отслаивают наиболее типологические и емкие социальные образы.

Это не значит, что все искусство живет по одному сценарию. В нем продолжают существовать жанры, виды и направления. Однако все чаще художники стремятся разрушить традиционное академическое деление на жанры, которое приковывало их жесткими рамками к тому или иному цеху.

Ценность художественного мышления возрастает, когда художники становятся соавторами ученым в чисто научных проектах. Там, где требуется неординарное ху-

дожественное мышление, оно способно сложную и неповоротливую научную идею направить в парадоксальное русло, предложив ей некое социальное применение или просто оригинальный облегченный контекст. Опыт сотрудничества ученых и художников обрел новую актуальность в середине XX века, когда процесс исследования новых технологий был делом исключительно закрытых научных лабораторий.

Человеческая открытость искусству является по-настоящему уникальной. Художественное восприятие, талант, чувство обязательно отзывается в человеке, отвечает на сокровенные запросы. Так срабатывает стремление к совершенству, являющееся побуждением человеческого саморазвития, выраженного, по мнению И. Г. Хангельдиевой, также и в эстетической природе искусства [12, с. 19–32].

В мире художественного, как считает Ю. Б. Борев, «где над человеком не властны обстоятельства жизни, эстетическая природа искусства по-настоящему расправляет крылья, получая возможность свободной реализации» [2]. Следовательно, погружаясь в воображаемую действительность, где реальные жизненные коллизии превращаются в другой род бытия, она мобилизует все свои внутренние силы — от эмоционально-мотивационных к действенно-волевым. И в этом случае, подтверждает В. В. Бычков,

«переход действительного в воображаемое с его последующей трансформацией в составляющую личного бытия осуществляется благодаря художественному образу — посреднику между двумя мирами: художественным и реальным» [4].

Сегодня художники продолжают привлекать ученых инженеров к своим проектам тогда, когда сами не могут справиться с идеями, требующими сложного программирования и программного обеспечения, которым художники не обладают. При этом работа в области медиа технологий дает художникам специфические знания, позволяющие им воплощать в творчестве многослойные идеи. Эти идеи включают ту самую сенсорную «аббревиатуру», воспринимаемую из окружающего мира, которая воплощается в художественные образы, способные нести, кроме того, глубокую эстетическую ценность. Но вопрос о художественных ценностях кажется весьма субъективным, так как каждый человек представляет их по-своему.

Поскольку сегодняшний мир эклектичен, искусство также потеряло единственный стилистический стержень, на который бы «наназывалось» любое художественное явление. Именно этот факт и свидетельствует о плюрализме тенденций развития русского изобразительного искусства XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Жан. Общество потребления. Его мифы и структуры / Жан Бодрийяр. — М.: Культурная революция; Республика, 2006. — 269 с. — С. 150–151.
2. Борев Ю. Эстетика / Ю. Б. Борев. — М.: Высшая школа, 2002. — 511 с.
3. Буррио Н. Реляционная эстетика. Постпродукция / Н. Буррио. — М., 2016. — 216 с.
4. Бычков В. Эстетика / В. В. Бычков. — М.: Гардарики, 2002. — 556 с.
5. Виноградова П. Искусство XXI века, как часть модной индустрии / П. Г. Виноградова // Искусство в XXI веке: сб. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств; под общ. ред. Ю. И. Арутюнян. — СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2012. — 184 с. — (Труды СПбГУКИ; т. 192) (Scientiaartis = Наука искусства; вып. 4). — С. 37–42.
6. Живопись в рекламе [Электронный ресурс]. — режим доступа: <http://videoforme.ru/blog/2013/03/17/zhivopis-v-reklame>; <http://xvastunishka.info/blog/43839740893/ZHivopis-v-reklame> (дата обращения — 5 июня 2017 года)
7. Жевак А. Современное искусство и масскульт: к постановке вопроса [Текст] / А. И. Жевак // VI Российский философский конгресс. Философия в современном мире: диалог мировоззрений. Т. 1. — Нижний Новгород, Изд-во ННГУ. — 2012. — С. 373–374.
8. Жевак А. Современное искусство и масскульт: к постановке вопроса [Текст] / А. И. Жевак // VI Российский философский конгресс. Философия в современном мире: диалог мировоззрений. Т. 1. — Нижний Новгород, Изд-во ННГУ. — 2012. — С. 72–76.
9. Искусство и публичная сфера: МивонКвон о четырех стратегиях паблик-арта [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://special.theoryandpractice.ru/miwon-kwon> (дата обращения — 07 июня 2017 года)
10. Поп-арт как стиль в живописи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://artrecept.com/zhivopis/stili/pop-art> (дата обращения — 05 июня 2017 года)
11. Сулова Т. И. Глобализация: к вопросу идентичности русской культуры [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/130865/> (дата обращения — 06 июня 2017 года)
12. Хангельдиева И. Расширение эстетического в современной культуре / И. Г. Хангельдиева // Философия современного искусства. Международная конференция VI ОМЭЖ. — Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова, ноябрь 2014. — С. 19–32.
13. Хоннеф К. Поп-арт / Клаус Хоннеф; УтаГросеник (ред.); [пер. с нем. Т. А. Граблевской]. — М.: Taschen: АРТ-Родник, 2005. — 95 с. — С. 12–13.
14. 9 самых впечатляющих слайд-гор, прокатиться с которых не против даже взрослые. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.novate.ru/blogs/200217/40166/> (дата обращения — 07 июня 2017 года)

ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ КРЫМСКОЙ ФИЛАРМОНИИ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЦЕНИЧЕСКОГО ВОЛНЕНИЯ)

PERFORMING YOUNG ARTISTS OF THE CRIMEAN PHILHARMONIC SOCIETY AND WAYS OF OVERCOMING THEM (FOR EXAMPLE, THE STAGE OF EXCITEMENT)

A. Chergeev

Summary. The article aims to highlight the problem of scenic excitement of young performers. This problem requires a mandatory solution, since scenic excitement can become a hindrance to the creative evolution of the young musician and even lead to the collapse of his career. The solution to these problems is especially important for the Crimean Philharmonic, where there is an acute problem of musical personnel. Special attention is paid both to various ways of overcoming the scenic excitement and to the direct connection of this problem with the cultural and human well-being of the Crimean Philharmonic.

In article major factors and features of scenic performances which exert impact on the general emotional condition of the performer are considered and form at him nervousness. At the same time, the importance of this article that in her the main methods of work of vocalists for decrease in level of nervousness and ensuring workmanship on wide audience are opened. The considered methods of self-control and work of teachers on decrease in level of nervousness can be used in practice for formation of the identity of the actor, psychologically ready to public statements.

Keywords: scenic excitement, public performance, overcoming, methods of self-regulation, young cadres, Crimean Philharmonic.

Чергеев Асан Айдерович

К.искусствоведения, доцент,

Крымский инженерно-педагогический университет

chergeev@mail.ru

Аннотация. Статья призвана осветить проблему сценического волнения молодых исполнителей. Данная проблема требует обязательного разрешения, поскольку сценическое волнение может стать тормозящим фактором в творческой эволюции молодого музыканта и даже привести к краху его карьеры. Решение обозначенной проблемы особенно актуально для Крымской филармонии, где остро стоит проблема музыкальных кадров. Особое внимание уделяется как различным способам преодоления сценического волнения, так и непосредственной связи этой проблемы с культурным и кадровым благосостоянием Крымской филармонии.

В статье рассмотрены основные факторы и особенности сценических выступлений, которые оказывают влияние на общее эмоциональное состояние исполнителя и формируют у него волнение. Вместе с тем, значимость данной статьи в том, что в ней раскрыты основные методы работы вокалистов в целях снижения уровня волнения и обеспечения качества исполнения на широкой аудитории. Рассмотренные методы саморегуляции и работы педагогов по снижению уровня волнения можно использовать на практике для формирования психологически готовой к публичным выступлениям личности артиста.

Ключевые слова: сценическое волнение, публичное выступление, преодоление, методы саморегуляции, молодые кадры, Крымская филармония.

Теоретические аспекты музыкальной психологии рассмотрены в трудах Готсдинера А.Л. [4, с. 85], Иванченко Г.В [5, с. 54]. Анализ и изучение психологии образа проведен Глазковым В. В. [5, с. 74], контроль поведения на сцене Бодровым В. А. [4, с. 27–29 Вопросы формирования надситуативной активности изучены Асмоловым А. Г. [2, с. 221] и Петровским В. А. [14, с. 127].

Музыкальная педагогика и связанное с ней публичное исполнительство содержат в себе ряд вопросов и проблем, которые требуют своевременного решения. Сценическое волнение — одна из них. Любой музыкант реализовывает себя на сцене, и рано или поздно каждый из них предстает перед зрителями, сидящими в зале.

В этом случае проявление сценического волнения неизбежно. С одной стороны, это естественное проявление, с другой — это своего рода серьезная опасность, поскольку музыкант, не сумевший преодолеть этого волнения, потерпит фиаско.

Музыкант-исполнитель является посредником между композитором и слушателем. По мнению известного педагога В. Н. Апатского именно исполнитель силой своего исполнительского дарования и мастерства может воплотить в звуки замысел композитора и сделать его доступным широкой аудитории слушателей [1, с. 332]. И это действительно так. Общеизвестным является тот факт, что музыкально-исполнительское искусство пу-

блично по своей природе, а концертное выступление представляет, собственно, собой ту цель, ради которой исполнитель тратит свои творческие силы и время.

Существует несколько причин, от которых зависит успех выступления. Это, во-первых, мастерство исполнителя, а во-вторых, — степень готовности произведения. К сожалению, не все исполнители, по выражению В. А. Соловьева, обладают «страстью пророков и трибунов», даром «хождения перед людьми» [Цит. по: 12, с. 238].

Как правило, перед концертом и на сцене, исполнитель охватывает чувство волнения, неуверенности и страха. Эти чувства, которые сковывают волю, известны не только начинающим музыкантам, но и выдающимся, относящимся даже к разряду гениев. Хрестоматийными стали слова Ф. Шопена Ф. Листу: «Я не способен давать концерты: толпы меня пугают, меня душит ее учащенное дыхание, парализуют любопытные взгляды, я немею перед чужими лицами» [9, с. 86].

Тем не менее, сценическое волнение нельзя отнести к разряду исключительно отрицательных эмоций. В нем можно найти и источник вдохновения и взлетов, которые не смогут обеспечить качество выступления перед аудиторией [1, с. 333].

Сильный страх парализует творчество, но и отсутствие всякого волнения сможет привести к другой крайности — холодному и безразличному исполнению. Наиболее благотворно так называемое контролируемое волнение, поскольку именно оно способствует тому вдохновению, способному покорить слушателя.

Практика показывает, что чувство сценического волнения поддается развитию и во многом зависит от содержательной и целенаправленной воспитательной работы руководителя коллектива. Опытным педагогам известно, как преодолеть страх перед сценой и умеют привить любовь к публичным выступлениям, пробудить и поддержать желание выступать.

Музыкант с самого начала своей деятельности должен понять, что его будущая профессия рассчитана на публичность, и стать артистом, минуя публичные выступления, невозможно. Концертное выступление дает мощный толчок к профессиональному развитию, позволяет приобрести уверенность и опыт, овладеть артистической свободой, искусством творческого общения со слушателями.

Вместе с тем концертное выступление — это очень ответственный, даже решающий момент в творческой жизни музыканта, и оно требует немалых усилий, а именно максимальной собранности, адекватности, находчи-

вости, необходимой реакции на вероятность наступления форс-мажорных ситуаций, а также способности установить своей внимание исключительно за исполнением произведения [1, с. 334]. Великий актер и режиссер, реформатор русского театра К.С. Станиславский советовал в таких случаях «уйти в круг публичного одиночества» [17, с. 45].

Музыканту-исполнителю необходимы такие качества как сильная воля, стойкий характер, способность выдерживать большие нервные нагрузки. Не случайно слово «виртуоз» происходит от латинского слова «*virtus*», что в переводе означает «доблесть» [19, с. 119].

Некоторые педагоги и ученые по сценическому искусству рекомендуют начинать работу по преодолению сценического волнения с юных лет. Достичь высот сценического искусства в школьной аудитории невозможно, только опыт большого количества выступлений на высокой публике может дать незаменимый опыт в развитии артиста [1, с. 334].

Задача публичного выступления должна быть подчинена продуманной работе с учащимися в классе или на репетициях — с более взрослыми музыкантами. При этом нужно обязательно учитывать все те обстоятельства, которые незаметны в классе, но могут стать помехой на сцене. Прежде всего, конечно, следует хорошо и вовремя выучить музыкальный материал. Не следует забывать и закономерность, отмеченную многими педагогами, согласно которой волнение обратно пропорционально степени подготовки [15, с. 116].

В.Н. Апатский, в свою очередь, сравнивает игру в классе «с хождением по доске, лежащей на полу. Пройти по этой доске несложно, но если поднять ее на большую высоту, то идти по ней станет значительно труднее» [1, с. 334]. Автор этих слов полагает, что аналогичные с приведенным образом чувства испытывает и исполнитель, выходящий на сцену. Именно по этой причине учить произведение не на сто процентов, а несколько больше.

По тем же соображениям не следует преждевременно автоматизировать работу пальцев, преждевременно автоматизировать работу пальцев и переходить к быстрому темпу. Нежелательно внесение аппликатурных изменений в завершающей стадии работы над сочинением. В спокойной обстановке класса означенные недостатки в работе могут и не проявляться, но на сцене они обязательно приведут к погрешностям, которые так часто наблюдаются при выступлениях на концертах.

Участников коллектива следует приучать к условиям публичного выступления постепенно. Вначале хотя бы

одно произведение исполняется в полной тишине, которая как бы имитирует обстановку торжественную обстановку концертного зала. В дальнейшем должен быть обязательный прогон репертуара на сцене. По своему значению и содержанию проигранные произведения представляют собой не только отчет оркестрантов о проделанной работе, но и являются репетицией предстоящего концертного выступления.

Эффект публичности в этом случае резко возрастет в том случае, если в зале, кроме руководителя будут присутствовать другие ученики и посторонние лица. Особенно это будет полезно для солистов, которые испытывают гораздо большее волнение.

Накануне концертного выступления исключительное значение приобретают психологические факторы: способность не робеть, уверенность в себе, в достижении цели. Успех на эстраде приходит к тому, кто «в помощь пальцам может привлечь «дух»» [1; с. 344]. Творческий и эмоциональный подъем способны обеспечить качественное выступление на публике [13, с. 11].

Квалифицированная критика педагога и самокритика учащихся, являющиеся обязательным условием прогресса в повседневном музыкальном обучении, перед концертным выступлением должны быть сведены к минимуму [1, с. 344]. Если учитель неспокоен, раздражителен и показывает иное непедагогическое поведения, это становится сдерживающим фактором развития ученика, ему становится тяжело работать [11, с. 113].

Справедливость этих слов особенно остро ощущается в напряженной обстановке накануне концерта. Опытные руководители стараются в последний день перед выступлением не делать серьезных замечаний своим воспитанникам.

Чувство уверенности зависит не только от технической прочности исполнения. В огромной степени оно определяется осознанием того, что музыкант хочет сказать своим слушателям. Важно, чтобы сам исполнитель понимал концепцию выступления, определился с исполнительским планом и логикой развития музыкального материала. Это позволит обеспечить всему выступлению не только убедительность, но и несомненную уверенность. Формированием этого компонента исполнительского мастерства можно заниматься до самого начала выступления [1, с. 345].

Возвращаясь к вопросу свободы и уверенности на сцене, отметим, что учащимся противопоказано стремиться к ограждению себя от всяких случайностей с помощью одного вызубренного варианта. Напротив, основой сценической свободы является многовариант-

ность и импровизационность. Эти качества проявляются в импровизационном исполнении частностей (при сохранении главной концепции), в находчивости и самообладании, в готовности к любым неожиданностям, в умении гибко изменять на сцене свою игру в зависимости от реально складывающихся обстоятельств [1, с. 345].

Природа сценического волнения музыканта имеет глубоко психологическое обоснование, поскольку любой страх зарождается в подсознании. Иногда этот страх оказывается настолько сильным, что музыкант оказывается не в состоянии его побороть. Дело доходит до того, что артист начинает бояться выходить на сцену даже в собственном воображении. В таких случаях рекомендуется применять к себе методы саморегуляции, которые помогут преодолеть такие проявления сценического волнения, как ужас, паника, страх, заторможенность. И вот здесь музыканту необходимо отставить в сторону внешние факторы, которые, по его мнению, вызывают страх, и сосредоточиться на самом себе. Цель этой самоконцентрации — переосмысление творческого процесса взамен преувеличенных переживаний по поводу собственного выступления на сцене и прилюдного обнаружения предполагаемых недостатков.

В этом артисту помогут различные методы саморегуляции. Самым распространенным среди них считается аутотренинг, основанный на мышечном расслаблении и — как следствие снимающий психическое перенапряжение [10, с. 76]. Далее следуют такие приемы, как переключение внимание на другие предметы, снижение значимости предстоящего выступления, воссоздание в памяти своих прошлых удачных выступлений [10, с. 76].

Кроме того, рекомендуется как можно чаще представлять себя на сцене в качестве исключительно успешного артиста, находящегося во взаимном положительном контакте с публикой. Подобный метод саморегуляции называется имаготренинг [18, с. 36].

Все эти аспекты становятся особенно актуальными в свете сложившейся музыкально-культурной ситуации в Крымской республике, в связи с ее присоединением к России. Это обстоятельство требовало и требует грамотного подхода к формированию молодых музыкальных кадров, которым предстоит возродить и укреплять музыкальные традиции, которыми издавна славился Крым. Следует отметить тяготение региона к симфонической музыке. Об этом свидетельствует проведенный недавно X Московский фестиваль «Арфовое искусство России». Как справедливо заметила Р.С. Докучаева, симфонические концерты стали возможны «благодаря участию в них Академического симфонического оркестра Крымской филармонии (дирижер — заслуженный дея-

тель искусств Автономной республики Крым Игорь Каждан). Оркестру уже более 100 лет. С этим коллективом когда-то выступали Шаляпин, Рахманинов» [7, с. 105]. Это — одно из доказательств значимости Крымской филармонии, которая, без сомнения, является центром музыкальной культуры Крыма.

Крымская филармония давно зарекомендовала себя как одно из лучших культурно-музыкальных учреждений страны, где функционирует симфонический оркестр высочайшего профессионального уровня. Это было обусловлено исторически, ведь тенденция к этому сложилась еще в первой половине XX века. Так, А. В. Яцков пишет: «... в силу стремительного роста музыкального академизма на крымском полуострове в послевоенные годы, очагом которого стали Симферопольское музыкальное училище и Крымская филармония, происходил процесс своеобразного разрастания определенной культурной среды, с высоким уровнем восприятия и, соответственно, воспроизведения, если говорить о региональных творческих коллективах академического направления. Все это позволяло внедрению в художественную жизнь Крыма нового качества исполнительства, подбора программ и новых имен, демонстрируя тем самым высокий скачок в процессе культурного развития полуострова и прочную стабилизацию сформировавшихся тенденций» [20, с. 47]. Трудности создает и ситуация с отсутствием в Крыму консерватории, которая готовила бы соответствующие кадры [16].

Но и в тех случаях, когда удастся решить проблему молодых кадров, вопрос сценического волнения по-прежнему остается острым. Начиная свою концертную деятельность, начинающие артисты неизбежно ощущают страх, выходя на сцену, будь это сольное выступление или игра в составе оркестра. И в данном случае молодым музыкантам пригодятся не только перечисленные рекомендации по преодолению этого сложного психологического состояния, но и советы и поддержка более опытных участников коллектива, а также дирижера.

Академический симфонический оркестр Крымской филармонии под руководством Александра Долинского

отличается не только тем, что в его репертуаре значатся не только симфонические произведения композиторов различных эпох и стран, оперные постановки, джаз, и детская программа, но и тем, что он живо откликается на запросы публики. Попасты в подобный коллектив — большая удача, но и удержаться в нем непросто. Во многом дальнейшая карьера молодого музыканта зависит от его профессиональных качеств. Но если творческой реализации артиста начинает мешать сценическое волнение, ему необходимо обратиться к теоретической части этого вопроса и практическому опыту старших коллег.

Впрочем, молодые музыканты Крымской филармонии благополучно справляются с этой проблемой. По их мнению, легкое сценическое волнение должно присутствовать всегда [6].

Из этих слов можно заключить, что справиться со сценическим волнением помогает, во-первых, полное погружение в процесс, а во-вторых, благотворно действующий творческий климат, царящий в стенах Крымской филармонии.

Итак, удалось выяснить, что сценическое волнение — это неременный элемент творческой деятельности любого концертирующего музыканта, которое проявляется не только посредством легкого беспокойства по поводу грядущего публичного выступления, но и в виде более тяжелых форм: испуга, паники и даже ужаса. В таких крайних проявлениях сценическое волнение может стать серьезным препятствием в профессиональной деятельности музыканта. Для преодоления этого состояния артистам предлагаются различные методы саморегуляции: концентрация на творческом процессе, отрешение от внешних факторов, аутотренинг, имаготренинг.

Молодые артисты Крымской филармонии не являются исключением в данном вопросе и также подвержены сценическому волнению, преодолевать которые им помогают общепринятые приемы, а также особая атмосфера творчества и дружелюбия, сложившаяся в этом коллективе с давними и прочными музыкальными традициями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апатский В. Д. Основы теории и методики духового музыкально-исполнительского искусства. К.: НМАУ им. П. И. Чайковского, 2006. 432 с.
2. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / Александр Асмолов. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007. — 528 с.
3. Бодров В. А. Психологический стресс: к проблеме преодоления. // Проблемы психологии и эргономики. 2001. № 4. С. 28–33.
4. Готсдинер А. Л. Музыкальная психология. — М.: «Магистр», 1993. — 192 с.
5. Глазков В. В. Музыкальная психология / В. В. Глазков; под ред. канд. психол. наук Н. Г. Абрамян; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. — Владимир: Изд-во ВлГУ, 2013. — 136 с.

6. Дирижера из Рубцовска Яну Анненкову пригласили в Академический симфонический оркестр в Крым [Электронный ресурс]// URL: <http://brl.mk.ru/articles/2016/10/18/dirizhera-iz-rubcovska-yanu-annenko-privlasili-v-akademicheskiy-simfonicheskiy-orkestr-v-krym.html>.
7. Докучаева Р. С. Воссоединению Крыма с Россией посвящается// Вестник АХИ, 2015. № 5. С. 104–113.
8. Иванченко Г. В. Психология восприятия музыки. — М., 2001. 252 с.
9. Лист Ф. Шопен. — М.: Музыка, 1936. 255 с.
10. Литвиненко Ю. А. Сценическое волнение музыканта-исполнителя: методы регуляции// Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2016. № 3–2. С. 75–79.
11. Маккиннот Л. Игра наизусть. — Л.: Советский композитор, 1967. — 105 с.
12. Нейгауз Г. Г. Об искусстве фортепианной игры. М.: Музыка, 1968. 366 с.
13. Перельман Н. Е. В классе рояля. М.: Классика XXI, 1967. 160 с.
14. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Теоретическая Психология: 1. — М., 2003. — 241 с.
15. Римский-Корсаков. Исследования. Материалы. Письма. В двух томах // Под ред. Д. Б. Кабалевского, А. В. Оссовского, Н. В. Туманина, М. О. Янковского. — М.: АН СССР, 1953. 782 с.
16. Седенко Б. Мазаев сыграет на кларнете, а Мраморные пещеры станут концертной площадкой [Электронный ресурс]: Крымская газета//URL: <https://gazetacrimea.ru/news/mazaev-sigraet-na-klarnete-a-mramornie-pesheri-stanyt-koncertnoi-ploshadkoi-26295> (дата обращения 06.03.2018).
17. Станиславский К. С. Работа актера над собой. М.: Прайм-Еврознак, 2010. 416 с.
18. Цыпин Г. М. Сценическое волнение и другие аспекты психологии исполнительской деятельности. М.: Музыка, 2010. 128 с.
19. Юдовина-Гальперина Т. Б. За роялем без слез, или я — детский педагог. Санкт-Петербург: Изд-во «Союз художников», 2002. 532 с.
20. Яцков А. В. Музыкальная культура Крыма первого послевоенного десятилетия: восстановление, обновление, стабилизационные процессы// Культура народов Причерноморья, 2011. № 207. С. 43–47.

© Чергеев Асан Айдерович (chergeev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Крымский инженерно-педагогический университет

АТТРИБУТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ШАХМАТНОЙ ИГРЫ В КУЛЬТУРЕ ВЕДУЩИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

THE ATTRIBUTIVE NATURE OF THE GAME OF CHESS IN THE CULTURE OF THE MAJOR CIVILIZATIONS

**M. Shcherbinin
V. Martish**

Summary. The authors of the article consider chess as a cultural artifact, which has its own specific, integral features. The authors conclude that chess has contributed to Indo-Persian, Arab and European civilizations. The article has a hypothetical character.

Keywords: chess, civilization, attributiveness, culture, intelligence.

Щербинин Михаил Николаевич

Д.ф.н., профессор, Тюменский государственный университет

m.n.shherbinin@utmn.ru

Мартиш Вадим Сергеевич

Аспирант, Тюменский государственный университет
trunk-08@mail.ru

Аннотация. Авторы статьи рассматривают шахматы как культурный артефакт, который имеет свои специфические, неотъемлемые черты. Авторы приходят к выводу, что шахматы внесли вклад в индо-персидскую, арабскую и европейскую цивилизации. Статья имеет гипотетический характер.

Ключевые слова: шахматы, цивилизации, атрибутивность, культура, интеллект.

На определенном этапе развития индо-персидской, арабской, европейской цивилизаций шахматы оставили богатый след интеллектуализма, стали частью общечеловеческой культуры.

Шахматы возникли в мире индийской культуры и философии, которая рассматривала вопросы бытия через интуицию, противопоставляя рациональное иррациональному. Древнеиндийские шахматы проникли постепенно в арабские страны (после завоевания Персии арабами в VII веке), а затем в XII в. проникли в Европу постепенно создавая мусульманский интеллектуальный климат (перипатетик Ибн Рушд в Испании), изменяя свою форму и правила игры. К 19 веку шахматы стали иметь признаки западной цивилизации, где преобладала философия Нового времени, в основу которой было положено строгое рациональное мышление.

Мастерство шахматиста складывается из свойств типов мышления и личностных качеств. Логические методы переплетаются с интуитивными прорывами и психологическими приемами. В шахматном творчестве мы видим объект индивидуализированного проявления культуры: предметом познания является мир человека (а не вещь).

В шахматах проявляется взаимосвязь случайного и необходимого. Философские категории: истина, переход количества в качество, принципы сохранения энергии, материализующиеся в шахматной партии, привлекали и будут привлекать не только исследователей, но и людей искусства.

В 1954 году советский шахматист Я. Рохлин выразил мысль: «Мы не собираемся утверждать, что шахматы создают ценности прикладного значения, но, подобно любой форме искусства, шахматное творчество создает реальные культурные ценности, которые в своей совокупности вносят известный вклад в сокровищницу мировой культуры. Недаром крупнейшие национальные библиотеки и музеи многих стран бережно хранят произведения шахматного искусства (древние рукописи, печатные издания разных веков и другие шахматные материалы). Интересные и ценные шахматные экспонаты хранятся в Грановитой палате Кремля и Государственном Эрмитаже» [1, с 10].

Наглядным примером является шахматная деревня Шахдорф-Штрёбек (в 1011 г. граф Гунцеллин научил жителей играть в шахматы) в Саксонии-Анхальт, которую ЮНЕСКО внесла в 2016 году в список нематериального культурного наследия Германии.

Мы разделяем точку зрения Я. Рохлина. Добавим, что шахматная игра *стала объектом внимания для людей искусства*, произведения которых оставили вклад в мировую художественную культуру.

Приведем примеры.

Шахматная игра оставила глубокий след в средневековой литературе стран Средней Азии и Арабского Востока (Фирдоуси, Низами, О. Хайям, Саади, Навои). Красноречивым показателем популярности шахмат среди арабов являются несколько раз встречающиеся упо-

минания о шахматах в знаменитых арабских народных сказках «1001 ночь».

В произведении Гессе «Степной Волк» главный герой Гарри Галлер посещает комнату шахматиста, в которой чувствуется восточная атмосфера, ярко выраженная фигуративность бытия, экзистенциализм.

Приведем отрывок диалога главного героя с шахматистом:

...«Я шахматист. Желаете взять урок построения личности?»

— Да, пожалуйста.

— Тогда, будьте добры, дайте мне десяток-другой ваших фигур.

— Моих фигур?».

— Фигур, на которые распалась ваша так называемая личность. Ведь *без фигур* я не могу играть.

Он поднес к моим глазам зеркало, я снова увидел, как единство моей личности распадается в нем на множество «я», число которых, кажется, еще выросло...

— Тому, кто изведал распад своего «я», мы показываем, что куски его он всегда может в любом порядке составить заново и добиться тем самым бесконечного разнообразия в игре жизни. Как писатель создает драму из горстки фигур, так и мы строим из *фигур* нашего расщепленного «я» все новые группы с новыми играми и напряженностями, с вечно новыми ситуациями...» [4, с. 247]

«Степной Волк» был написан в 1927 г. во время зарождения экзистенциального направления в философии, Европа переживала кризис, целостность личности была нарушена — отчужденность, проблема внутреннего выбора.

Иммануил Кант различал два вида эстетических идей — прекрасное и возвышенное. Шахматы можно назвать прекрасными (по форме) и возвышенными математически (безграничность в пространстве).

На наш взгляд два этих начала отражены в творчестве влиятельного художника Марселя Дюшана, кроме того он был сильным и увлеченным шахматистом. Несколько его картин посвящено шахматам. Он говорил, что эта игра «обладает всей красотой живописи и даже более того».

Шахматы можно рассматривать как *инструмент межцивилизационной коммуникации*. Наглядным пример тому — кафе де ля Режанс, которое стало визитной карточкой Парижа.

В Париже начала XVIII в. шахматисты собирались в кафе де ля Режанс, и этому кафе суждено было и на бу-

дущие времена сохранить особую популярность. Кафе Режанс стало местом собраний лучших шахматистов не только Парижа, но и всего мира. Позднее здесь играли в шахматы Вольтер, д'Аламбер, Дидро и Руссо, русский писатель Иван Тургенев. С половины XIX в., когда шахматная жизнь приняла международный характер, значение кафе Режанс еще больше возросло: оно стало единственной в своем роде международной шахматной биржей. Здесь было интеллектуально выраженное соперничество, подавление варварских начал в сущности человека, страсти в умах игроков выражались через ходы фигур на доске.

Современная шахматная дуэль «выпаривает океан страстей человека, возникает квинтэссенция переживаний, происходит переход в логические хитросплетения.

Атрибутика в шахматах

Человек живет не только в физическом универсуме, но и в символическом. Язык, миф, искусство, религия являются частями этого символического универсума, подчеркивал Э. Кассирер.

Мы полагаем, что шахматы в определенной степени также относятся к символическому универсуму, тем самым вписываются органично в мировой культурный и политический контекст.

Наличие короля как главной фигуры на шахматной доске можно сравнить с государствами с монархической формой правления, в которых верховная власть принадлежит королю.

Есть государства, где монархическая форма правления существует до сих пор. К ним относятся Катар, Саудовская Аравия и др. За критику монарха или его решений предусматривается наказание вплоть до смертной казни [3, с.55].

Государство Индия в 21 веке не имеет монархической формы правления, но имеет непосредственное отношение к шахматам.

Во-первых, Индия-родина шахмат, во-вторых, наличие варн (состоят из подгрупп-каст) можно семиотически сравнить с фигурами на доске, которые имеют разные функции и полномочия. В 21 веке деление на касты в Индии не так ярко выражено, особенно в благополучных районах, но на окраинах, в деревушках, по-прежнему живут «неприкасаемые».

Также и в шахматах стартовая позиция в классических шахматах по-прежнему неизменна. Все фигуры стоят строго на определенном месте. Точно также рож-

даются люди в Индии, у них нет права выбирать кем им быть.

Пешку можно сравнить с теми, кто вне касты — «неприкасаемые». Известное правило о превращении пешки (иррациональный элемент) в конце доски в любую фигуру (кроме короля!) — вера в реинкарнацию, дает надежду этим людям на лучшую жизнь. Фигуру короля можно сравнить с брахманами. Кстати, гроссмейстер Вишванатан Ананд, 15-й чемпион мира по шахматам, относится к брахманам.

Отмененная полвека назад кастовая система, всё еще играет большую роль в индийском обществе, культуре, религии. В Индии кастовое положение, является основной силой индуизма, ее стержнем. На кастовой системе до сих пор строится единая традиция жизненного уклада индийцев [2, с. 65].

Мы полагаем, что шахматы наделены богатыми семиотическими смыслами, в том числе и в сфере власти. Уже давно в политике шахматы используют как метафору. Они представляют собой микромодель государственного устройства. Микромодель, потому что в политике больше «фигур» чем на шахматной доске [5, с. 7].

Главная составляющая политики — *игровой* характер. Политики «играют» во власть. В борьбе за власть высокая конкуренция. Мы живем в 21 веке, применение грубой физической силы, варварство уже не дает желаемого результата. На политической арене для победы требуется *фигура с образом джентельмена*. Нужно

иметь мышление, близкое к гроссмейстеру: дальновидность, холодный расчет, выработанный алгоритм принятия эффективных решений. Подтверждением тому являются политические выборы в президенты. Кандидаты знают и используют различные стратегические приемы и тактические ходы.

В книге советского шахматиста А. Котова «Как стать гроссмейстером» для того, чтобы комбинировать за доской, автор выделяет следующие аспекты: внезапность, хитроумные трюки (хитрость), красота построений (гармоничное расположение фигур, красивые маневры), обмен ударами [6, с. 131].

Заключение

Универсальный язык шахмат, их самодостаточность позволяет людям с разных уголков мира, не испытывая языкового, возрастного барьера играть друг с другом. За доской происходит сближения людей разных сословий, статусов.

В истории индо-персидской, европейской культуры шахматная игра атрибутивно проявила, себя базируясь на семиотике, аллегориях. Шахматы аккумулировали богатую энергию, которая способствовала развитию интеллекта, межкультурной, межкулицизионной, межкультурной, межкулицизионной коммуникации, солидаризации в способах формирования мысли между народами. Не случайно девиз международной шахматной федерации (ФИДЕ) — «Gens Una Sumus» («Мы — одна семья»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербах Ю. Л. «О чем молчат фигуры». М.: Изд-во РИПОЛ Классик, 2007. 320 с.
2. Бузов В. И. Новейшая история стран Азии и Африки: учеб. пособ. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 573 с.
3. Васильев А. М. История Саудовской Аравии. М.: Изд-во «Классика плюс», 1999. 672 С.
4. Гессе Г. [H. Hesse] «Степной Волк»: пер. с нем. М.: Изд-во АСТ, 2015. С. 247.
5. Каценелинбойген А. [A. Katsenelinboigen] Шахматы: Пер. с англ. Пенсильванский ун-т., 1986~<67 с.
6. Котов А. «Как стать гроссмейстером» М.: Изд-во «Russian Chess House», 2007. 296 с.

ИЗУЧЕНИЕ АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ У СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

THE STUDY OF THE ADAPTIVE CAPACITY OF THE PSYCHOLOGICAL STABILITY OF STUDENTS IN EDUCATIONAL SPACE OF THE UNIVERSITY

S. Batueva

Summary. The article deals with the concepts of "adaptation", "adaptation", "adaptation potential". The phenomenology of the problem of the adaptive potential of psychological stability in students of a medical university is analyzed. The factors influencing the formation of the psychological stability of the individual are determined. The author identified the components and criteria for assessing psychological stability. An empirical study of psychological stability and adaptation of first-year students was carried out. According to the results of the study, the level of psychological stability and adaptation of students was determined. The author analyzed the content of the concept of "educational environment". The conditions of successful organization of the educational space of the university, affecting the psychological stability of the student's personality are considered. It has been suggested that the effectiveness of the process of adaptation of students is largely determined by the indicators of the psychological stability of the individual. The author presented and analyzed the results of the study of students' adaptation and its correlation with the indicators of psychological stability.

Keywords: psychological stability, adaptation potential, adaptability.

Батуева Светлана Владимировна

*К.п.н., доцент, Южно-Уральский государственный медицинский университет Минздрава России
batuevas@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены понятия «адаптация», «адаптированность», «адаптационный потенциал». Анализируется феноменология проблемы адаптационного потенциала психологической устойчивости у студентов медицинского ВУЗа. Определены факторы, влияющие на формирование психологической устойчивости личности. Автором определены компоненты и критерии оценки психологической устойчивости. Проведено эмпирическое исследование психологической устойчивости и адаптации первокурсников. По результатам исследования определен уровень психологической устойчивости и адаптации обучающихся. Автором конкретизировано содержание понятия «образовательная среда». Рассмотрены условия успешной организации образовательного пространства ВУЗа, влияющие на психологическую устойчивость личности студента. Выдвинуто предположение тезиса о том, что эффективность процесса адаптации студентов в значительной степени определяется показателями психологической устойчивости личности. Автор представил и проанализировал результаты исследования адаптации студентов и ее корреляционную взаимосвязь с показателями психологической устойчивости.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, адаптационный потенциал, адаптированность.

Актуальность исследования проблемы адаптационного потенциала психологической устойчивости студентов в современных условиях образовательного пространства вуза базируется на следующих аспектах. Во-первых, психологическая устойчивость студента связана с успешным обучением в вузе, которое является залогом успешного формирования будущего специалиста. Во-вторых, психологическая устойчивость способствует успешной адаптации студентов в образовательном пространстве вуза, потому что в адаптационный период происходит перестройка в личностных сферах студента.

Психологическая устойчивость представляет собой способности, умения и навыки адаптировано реагировать на физические и умственные нагрузки, удерживать ровное настроение, регулировать эмоции [1].

А. Н. Леонтьев отмечал, что основанием личностной устойчивости можно считать широту связей человека с миром, которая определяется различными выполняемыми видами деятельности и взаимоотношениями со средой. Ко второму основанию психологической устойчивости личности он отнес иерархизированность деятельности и мотивов. К третьему основанию психологической устойчивости был отнесен тип строения личности [2].

Л. В. Куликов отмечал, что если рассматривать психологическую устойчивость личности в контексте межличностного взаимодействия, то ее проявления заключаются в способности брать ответственность за свои действия; в уверенности в своих жизненных позициях, умении отстаивать свои позиции в социальном окружении, не нарушая личных границ окружающих.

А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов отмечают, что невозможно быть устойчивым ко всем событиям, которые происходят в жизнедеятельности субъекта. По мнению авторов проявлением психологической устойчивости можно считать сочетание психических показателей: гибкость, быстрота приспособляемости к изменяющимся условиям среды, мобильность психики при переключении от одной задачи к другой [3].

З.И. Гадаборшева рассматривает психологическую устойчивость как системные личностные характеристики объединяющие: способности, навыки, умения и эмоциональные, когнитивные, процессы, проявляющиеся в способности. состоянии и адаптировано реагировать на внешние воздействия в процессе жизнедеятельности [4].

Из анализа научной литературы по проблеме психологической устойчивости личности можно сделать вывод: психологическая устойчивость не относится к врожденным свойствам личности, она формируется в процессе развития личности. Однако, влияние на психологическую устойчивость оказывают как социальные, так и биологические факторы. К социальным факторам можно отнести социальное окружение, жизненный опыт. К биологическим факторам можно отнести тип нервной системы человека, уровень развития познавательных структур. определяют следующие компоненты эмоциональной устойчивости: эмоциональный, волевой, интеллектуальный (познавательный), мотивационный и психомоторный.

Одной из важных задач образовательного процесса является создание педагогических и социально психологических условий, позволяющих студенту успешно адаптироваться образовательной среде. Определение понятия «адаптация» в психолого-педагогической литературе, трактуется по-разному. По мнению А.В. Сидоренкова адаптация является односторонним процессом, в котором меняется субъект и объект (среда) для соответствия друг другу. В психологическом аспекте адаптация рассматривается как приспособление личности к существованию в обществе в соответствии с требованиями этого общества и с личными потребностями [5].

Таким образом, можно уточнить содержание понятия «адаптация». Это приспособление человека как личности к существованию в обществе с собственными потребностями, мотивами и интересами, посредством усвоения требований этого общества. Показателем адаптации является адаптированность. Во время обучения в вузе происходят изменения в личностном конструкте студента: в стиле познавательной деятельности; типе межличностного поведения, направленности мотивации и др. В период адаптации при исследовании об-

наруживается зона внутриличностного конфликта, где уровень самопонимания и способность индивида к самопониманию снижаются [6]. В категориально-терминологическом аппарате науки при теоретическом анализе понятия «адаптация» встречаются производные об термины — это адаптивность, адаптированность, адаптационный потенциал. Адаптивность в научной литературе рассматривается, как приспособляемость живых существ к приспособлению, свойство, качество. Адаптированность — это уровень приспособленности живых организмов к среде обитания, уровень сформированности качества адаптивности [7]. А.А. Налчаджян рассматривал адаптацию, как процесс результатом которого является адаптированность личности, где личность при отсутствии внешних и внутренних конфликтов способна продуктивно выполнять ведущую деятельность и удовлетворять свои основные социогенные потребности, переживать состояние самоутверждения и свободного выражения творческого потенциала [8]. .

А.Г. Маклаков, Сидорова А.А. определили адаптационный потенциал личности, как совокупность свойств, присущих индивиду, которые он активизирует в адаптационный период [9].

Существуют условия, которые способствуют личностной адаптированности, Одним из условий формирования адаптированности студента является образовательное пространство. Адаптирующие воздействия образовательного пространства, оказываемые на личность очевидны и структурированы. Образовательное пространство стимулируют личность к усвоению и воспроизведению ценностей той социальной среды, в которой осуществляется жизнедеятельность индивида. В процессе чего происходит осознание и выработка отношения к ценностям, предъявляемые средой; построение поведения. [10].

Термин «образовательное пространство» включает в себя два понятия — это «пространство» и «образование». О.А. Заболоцкая рассматривая первое понятие «пространство» отмечает, что оно относится к числу философских категорий. Представляет собой определенность бытия, которое имеет такие характеристики как: характеризующая протяженность, связи между телами, явлениями и процессами. Первыми в истории философии, кто попытались определить пространственные характеристики, были философы Эпикур, Лукреций, Демокрит, Галилей, Аристотель, Р. Декарт

В 90-е годы данное понятие появляется в работе И. Фрумина и Д.Б. Эльконина, авторы предлагают проект формирования образовательного пространства совместной «культуросозидательной» деятельности учителя и учащегося [11].

Ю.В.Сенько В.И. Слободчиков «образовательное пространство» определяют как пространственно-временную связь, участников образовательного процесса, помогающих участникам обучения открывать смыслы образования и эффективно встраиваться в образовательный процесс. [12;13].

Адаптивные возможности образовательного пространства рассмотрены в работах С.Д. Дерябо, П.А. Кисляков Ю.А. Рокицкой, [14;15;16;] и др.

Образовательное пространство вуза, не соответствующая критериям психологической безопасности, ведет к повышенному психоэмоциональному напряжению, повышенной тревожности блокирует адаптивные возможности личности, что может привести к дезадаптации, снижению учебной активности, провоцируя отсев студентов на начальном этапе обучения. Представленные положения обосновывают необходимость теоретического и эмпирического исследования психологической устойчивости студента и ее взаимосвязи с процессом адаптации.

Исследование проводилось на базе Южно-Уральского государственного медицинского университета. Выборку исследования составили студенты первого курса по направлению подготовки лечебное дело, специализация в количестве 50 человек. Были использованы:

1) Методики, определяющие психологическую устойчивость студентов в вузе:

- ◆ тест измерения уровня тревожности Тейлора;
- ◆ тест, определяющий уровень мотивации обучения в вузе Т.И. Ильина;
- ◆ тест, определяющий уровень субъективного контроля Дж. Роттер
- ◆ тест М. Рокича «Ценностные ориентации».

2) Методики, определяющие уровень адаптации:

- ◆ тест определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге.

3) Методы обработки данных, математико-статистического анализа: (методы описательной статистики; корреляционный анализ Спирмена Статистическая обработка данных производилась с использованием программы «SPSS19.0 for WINDOWS».

Результаты исследования уровня тревожности студентов в вузе (Методика Тейлора):

- ◆ 18% (n=9) студентов демонстрирующих высокий уровень тревоги;
- ◆ 56% (n=28) человек средний с тенденцией к низкому;
- ◆ 26% (n=13) человек показали низкий уровень тревоги

Результаты исследования уровня мотивации обучения в вузе (Методика Т.И. Ильина).

- ◆ 46% (n=23) студента — высокий уровень мотивации обучения в вузе
- ◆ 38% (n=19) студентов проявили средний уровень мотивации обучения в вузе
- ◆ 16% (n=8) студента проявили низкий уровень мотивации обучения в вузе

Результаты исследования уровня субъективного контроля (Методика Дж. Роттер). Интернальность в области достижений (Ид). Высокие показатели по этой шкале соответствуют высокому уровню субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями. Низкие показатели по шкале свидетельствуют о том, что человек приписывает свои успехи, достижения и радости внешним обстоятельствам.

По результатам данного субтеста было выявлено:

- ◆ 42% (n=21) высокий уровень достижений (Ид),
- ◆ 36% (n=18) средний уровень (Ид).
- ◆ 22% (n=11) низкий уровень

Шкала интернальности в области производственных отношений (Ип). Высокий (Ип) интернальность в области производственных отношений свидетельствует о том, что человек считает себя, свои действия важным фактором организации собственной производственной деятельности, в частности, в своем продвижении по службе. Низкий (Ип) интернальность в области производственных отношений указывает на склонность придавать более важное значение внешним обстоятельствам. По результатам данного субтеста в экспериментальной группе было выявлено:

- ◆ 46% (n=23) высокий уровень достижений (Ип);
- ◆ 34% (n=17) со средним уровнем достижений (Ип),
- ◆ 20% (n=10) с низким уровнем.

По шкале обшей интернальности (Ио). Высокий показатель по этой шкале соответствует. Низкий показатель по шкале (Ио) соответствует низкому уровню субъективного контроля. Личность не видит связи между своими действиями и значимыми для них событиями жизни, не считает себя способной контролировать эту связь и полагает, что большинство событий и поступков являются результатом случая или действий других людей.

У испытуемых студентов общий уровень интернальности определен следующим образом:

- ◆ 42% (n=21) высокий уровень обшей интернальности;
- ◆ 38% (n=19) средний уровень обшей интернальности
- ◆ 28% (n=14) низкий уровень обшей интернальности.

По результатам исследования показателей ценностных ориентаций по методике М. Рокича были определены ведущие терминальные ценности первокурсников 74% (n=37) ценность продуктивная жизнь; 84% (n=42) — активная деятельностная жизнь.

Результаты исследования стрессоустойчивости и адаптации студентов (Методика Холмса и Раге):

- ◆ 18% (n=9) студента продемонстрировали низкий уровень сопротивляемости
- ◆ 53% (n=27) студентов — высокий уровень сопротивляемости стрессу.
- ◆ 29% (n=14) студентов проявили средний уровень сопротивляемости стрессу.

Корреляционное исследование проводилось для подтверждения гипотезы о статистической связи меж-

ду исследуемыми переменными: уровень адаптации первокурсников и показателями психологической устойчивости. Проведенный анализ уровня значимости и характера корреляционных взаимосвязей исследуемых переменных позволил сформировать понимание взаимосвязи исследуемых характеристик, так как было выявлено статистически значимые корреляционные взаимосвязи. Полученные статистически достоверные корреляционные связи между исследуемыми параметрами относятся к значимым и устойчивым закономерностям (от $p \leq 0,05$ до $p \leq 0,01$). Таким образом, наличие зафиксированных статистически значимых корреляционных взаимосвязей между показателями уровнем адаптированности студентов и психологической устойчивостью свидетельствуют о том, что психологическая устойчивость является важным условием успешной адаптации первокурсников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куликов Л. В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2004. — 464 с.: ил.
2. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии Учебное пособие. М.: Смысл, 2000. — 509 с.
3. Анцупов А.Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога 2-е изд. — СПб.: Питер, 2006. — 526 с.
4. Гадаборшева З. И. Показатели психологической устойчивости личности студента в образовательной среде вуза // Вестник Университета Государственный университет управления (Москва) 2014. — № 8 С. 234–236.
5. Сидоренков А. В. Социальная психология малых групп / А. В. Сидоренков Классики психологии Социальная психология Издательство: Феникс Серия: Высшее образование, 2012. — 384 с.
6. Собчик Л. Н. Психология индивидуальности СПб.: Речь, 2005. — 624 с.
7. Верозуб А. С. Адаптированность и темперамент студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Педагогика и психология. (Москва) 2012. — № 4 С. 106–113
8. Налчаджян А. А. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Эксмо, 2010. — 368 с.
9. Маклаков А. Г., Сидорова А. А. Формирование адаптационного потенциала личности и его развитие в процессе обучения в вузе // Вестник Ленинградского государственного университета. 2011. — № 4(5) С. 41–51
10. Рокицкая Ю. А. Развитие адаптационного потенциала эмоциональной устойчивости в профессиональном самоопределении студентов. Автореф. дис. канд. псих. наук. — Екатеринбург, 2010. — 17 с.
11. Заблоцкая О. А. Образовательное пространство как педагогическая категория // Информатика, вычислительная техника и инженерное образование. — 2011. — № 2 (4) 4 С. 3–14.
12. Сенько Ю. В. Гуманизация образовательной среды в университете // Педагогика. — 2001, № 5.
13. Слободчиков В. И. Подходы и проблемы перехода к открытому образовательному пространству // Переход к Открытому образовательному пространству — стратегии инновационного управления. — Томск, 2003. — С. 3-
14. С.Д. Дерябо, В. А. Ясвин. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1996, 480 с.
15. Кисляков П.А. Инновации в образовании // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. — № 2 (1), С. 47–54.
16. Рокицкая Ю. А., Семенова Е. С. Исследование учебно-профессиональной мотивации студентов и ее взаимосвязи с психологической безопасностью образовательной среды вуза Теоретические и прикладные исследования в области социальных наук, управления и бизнеса: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, 25 июня 2018 г., Екатеринбург: Профессиональная наука, 2018. — С. 5–15.

© Батуева Светлана Владимировна (batuevas@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕХАНИЗМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО САМОПОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

MECHANISMS OF PROFESSIONAL AND PEDAGOGICAL SELF-REALIZATION OF STUDENTS-PSYCHOLOGISTS

**E. Vasilyeva
V. Dolmatova
L. Butova**

Summary. The article describes the results of an empirical study of the mechanisms of professional and pedagogical self-knowledge of students-special psychologists (in the process of their study of psychological and pedagogical disciplines and pedagogical practices pedagogical reflection, pedagogical identity, pedagogical personification). The analysis of mechanisms of professional self-knowledge of students-special psychologists in accordance with the levels of its development and psychological structure (cognitive complexity, professional position, effectiveness).

Keywords: levels of professional-pedagogical self-knowledge, mechanisms of professional-pedagogical self — knowledge of students-special psychologists.

Васильева Елена Михайловна

Доцент, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского
uspeh56@mail.ru

Долматова Вера Николаевна

Доцент, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского
veradolmatova@yandex.ru

Бутова Людмила Александровна

Старший преподаватель, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского
butovalspu@mail.ru

Аннотация. В статье описаны результаты эмпирического исследования механизмов профессионально-педагогического самопознания студентов — специальных психологов в процессе изучения ими психолого-педагогических дисциплин и прохождения педагогических практик (педагогическая рефлексия, педагогическая идентификация, педагогической персонификация). Представлен анализ механизмов профессионального самопознания студентов — специальных психологов в соответствии с уровнями его развития и психологической структурой (когнитивная сложность, профессиональная позиция, результативность).

Ключевые слова: уровни профессионально-педагогического самопознания, механизмы профессионально-педагогического самопознания студентов — специальных психологов.

В процессе изучения студентами-психологами психолого-педагогических дисциплин и прохождения педагогических практик нами исследованы механизмы профессионально-педагогического самопознания студентов в соответствии с уровнями его развития и психологической структурой профессионально-педагогического самопознания (когнитивная сложность, профессиональная позиция, результативность)[2].

На основе способности к самонаблюдению и способности рефлексировать развивается педагогическая рефлексия как механизм профессионально-педагогического самопознания. Мы опирались на определение педагогической рефлексии учителя А.К. Марковой. Под педагогической рефлексией студента нами понимается развивающаяся у него способность и потребность осознавать: 1) собственную систему отношений к профессии специального психолога, к детям как объекту и субъекту педагогической деятельности, к профессионально-педагогическому самопознанию; 2) свои действия и достигаемые результаты в теоретической и практической профессиональной подготовке; качества, благоприят-

ные и неблагоприятные для профессии психолога, 3) самоконтроль самооценки и совершенствования себя для самостоятельной работы.

В деятельности самопознания субъекта многие психологи называют в качестве одного из механизмов идентификацию, определяя ее как «отождествление, уподобление себя со значимыми другими» [4]. В условиях профессиональной подготовки будущего психолога, эталонным образцом выступает обобщенный идеал специалиста-мастера. Мы полагаем, что способность уподоблять себя идеалу специального психолога-мастера развивается как педагогическая идентификация — механизм профессионально-педагогического самопознания.

На основе педагогической идентификации, достигшей высокого уровня развития, действует механизм педагогической персонификации, рассматриваемый нами как способность к индивидуальной представленности совокупностью социально значимых отличий от других, психолого-педагогическим творчеством, новаторством.

В тех случаях, когда в процессе профессионально-педагогического самопознания у студентов возникает конфликт, вызванный столкновением противоположных тенденций, средствами его разрешения являются психологическая защита, как социальная регулятивная система стабилизации личности, направленная на установление или сведение до минимума чувства тревоги, связанного с осознанием конфликта, и контроль, который действует в аффективно-нейтральной ситуации.

Рассмотрим действия названных механизмов профессионально-педагогического самопознания студентов — представителей каждого уровня.

Высокий уровень самопознания студентов — психоденциальный [5].

Самонаблюдение интенсивно развивается, студенты дифференцируют педагогические способности по проявлениям (знания, умения, характерологические черты, психические состояния); размерность когнитивной сложности 297 единиц, из них 209 — положительных и 88 — отрицательных [3].

Интенсивно развивается педагогическая рефлексия: 1) ярко выражена активно-положительная профессиональная позиция; 2) когнитивная сложность самопознания педагогических способностей (компетенций [1]) характеризуется насыщенностью, всесторонностью, внутренней согласованностью; самооценивание с самого начала практически адекватно и сохраняется таким на всех этапах практики; 3) высокая обученность сочетается с высокой обучаемостью к овладению педагогическими способностями.

Педагогическая идентификация отличается интенсивностью, стремлением к педагогическому идеалу: студенты критичны и самокритичны, постоянно занимают профессиональным самосовершенствованием. Во взаимосвязи с педагогической идентификацией развивается и педагогическая персонификация. Она проявляется в наиболее полном раскрытии, самовыражении индивидуальных особенностей студентов, в творчестве, новаторстве (как в учебной, так и в профессиональной деятельности на практике).

Для студентов психоденциального уровня характерно отсутствие ситуации аффективного конфликта в процессе профессионально-педагогического самопознания, поэтому в аффективно-нейтральных ситуациях действует контроль, обеспечивающий удовлетворение сознательных целей, относящихся к регуляции более развитых социализированных форм познавательной мотивации. В основе контроля лежит потребность в достижениях в профессионализации.

Средний уровень самопознания студентов — потенциальный [5], Самонаблюдение успешно развивается: студенты дифференцируют педагогические способности (компетенции [1]) по их проявлениям (знания, умения, характерологические черты, психические состояния, размерность когнитивной сложности 229 единиц, из них 134 — положительных и 85 — отрицательных) [3].

Успешно развивается педагогическая рефлексия: 1) профессионально педагогическая позиция активно-положительная, т.е. цель педагогической рефлексии, хотя и парциально, но реализуется (в ситуативном профессиональном самовоспитании); 2) когнитивная сложность самопознания педагогических способностей отличается достаточной насыщенностью осознания положительных проявлений формирующихся педагогических способностей; в процессе педагогической практики студенты овладевают адекватной самооценкой; 3) средняя обученность сочетается с более высокой обучаемостью к овладению педагогическими способностями.

Педагогическая идентификация носит парциальный, формальный, подражательный характер (поза, мимика, манера держаться, речь и др.); наличие конкретного идеала специалиста сочетается с излишней самоуверенностью в успехе своей педагогической деятельности.

Педагогическая персонификация проявляется парциально (в коррекционной работе с детьми студенты проявляют изобретательность и творчество).

Нами выявлены следующие механизмы психологической защиты характерные для студентов потенциального уровня. Во-первых, вытеснение — вытеснение нежелательной для себя информации, проявляющееся в исключении импульса, порождающего напряжение и тревогу. Во-вторых, рационализация — рациональное объяснение своего поведения. Психологический контроль обеспечивает удовлетворение сознательных целей и относится к регуляции более развитых социализированных форм познавательной мотиваций.

Низкий уровень самопознания студентов — интенсиональный [5].

Самонаблюдение развито в достаточной мере: студенты дифференцируют педагогические способности (компетенции [1]) по их проявлениям (знания, умения, характерологические черты, психические состояния); размерность когнитивной сложности 194 единицы, из них 78 — положительных и 116 — отрицательных [3].

Педагогическая рефлексия находится на начальной стадии развития: 1) профессиональная позиция студентов пассивно-положительная; профессиональное

самосовершенствование как цель педагогической рефлексии — не реализуется; 2) когнитивная сложность самопознания педагогических способностей отличается противоречивостью: с одной стороны, осознают большее число отрицательных проявлений, с другой стороны, завышают самооценку; 3) низкая обученность сочетается с низкой обучаемостью к овладению педагогическими способностями.

Педагогическая идентификация не проявляется в поведении, а лишь — в неустойчивом желании (интенции) следовать объекту идентификации. Не получает своего развития и педагогическая персонификация, так как деятельность практиканта носит репродуктивный характер, зависящий от заданного методистом образца. Студенты не уверены в себе.

У студентов интенционального уровня выявлены следующие механизмы психологической защиты. Во-первых, рационализация — обоснование своего поведения внешними причинами, не зависящими от него самого. Во-вторых, отказ — поведенческая реакция, проявляющаяся в нежелании интерпретировать причины педагогического неуспеха. В-третьих, регрессия — искажение мнений других о себе с целью приблизить их к собственной оценке и др.

Очень низкий уровень самопознания студентов — профессионально самоотстраняющийся [5].

Самонаблюдение развито в достаточной мере: студенты дифференцируют педагогические способности (компетенции [1]) по их проявлениям (знания, умения, характерологические черты, психические состояния); размерность когнитивной сложности 205 единиц, из них 79 — положительных и 126 отрицательных [3].

На наш взгляд, у студентов не получает развитие педагогическая рефлексия: 1) отсутствует положительная профессионально-педагогическая позиция; 2) когнитивная сложность самопознания педагогических способностей характеризуется ориентацией, главным образом, на отрицательные проявления, высота самооценки — остается низкой; 3) низкая обученность сопровождается низкой обучаемостью к овладению педагогическими способностями.

Педагогическая идентификация и педагогическая персонификация не действуют как механизмы самопознания.

У студентов профессионально самоотстраняющегося уровня выявлены следующие механизмы психологической защиты. Во-первых, изоляция — отчуждение, отделение себя от профессии специального психолога, блокирование неприятных эмоций. Во-вторых, отрицание реальности — отрицание существующей тревожной ситуации, связанной с профессионально-педагогической деятельностью, или компенсаторная замена их на воображаемые, связанные с другими профессиями, ситуации. В-третьих, отказ — поведенческая реакция, проявляющаяся в нежелании интерпретировать причины педагогического неуспеха и другие.

Проведенное нами исследование профессионально-педагогического самопознания студентов — специальных психологов в процессе изучения ими психологических дисциплин и участия в производственной практике показало, что самопознание студентов-психологов имеет свои, уровневые функционально-динамические особенности, проявляющиеся в психологических механизмах — способах самопознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении федерального государственного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование (уровень бакалавриата): приказ Минобрнауки России от 14.12.2015 № 1457, рег. номер 40623 от 18 января 2016 г.
2. Васильева Е. М. Психологическая структура деятельности учителя // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2013. -№ 6. — С. 55–61.
3. Васильева Е. М., Долматова В. Н. Функционально-динамические характеристики профессионально-педагогического самопознания студентов-психологов // Проблемы современного образования — № 3, 2018, С. 47–52.
4. Забродин Ю. М. Модернизация психолого-педагогического образования как стратегический ориентир разработки профессионального стандарта педагога-психолога // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 3. С. 58–73.
5. Федина Н. В., Елисеев В. К., Васильева Е. М. Типология профессионально-педагогической готовности психолога к реализации федерального государственного стандарта дошкольного образования // Дошкольное образование и профессиональная подготовка кадров: традиции и инновации / Международная научно-практическая конференция, посвящённая 95-летию со дня основания факультета дошкольной педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета 8–10 декабря 2016 года. — 2017. — С. 476–485.

© Бутова Людмила Александровна (butovalspu@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕТЕРМИНАНТЫ САМОРАЗРУШАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

DETERMINANTS OF SELF-DESTRUCTIVE BEHAVIOUR OF STUDENTS

**N. Vasyagina
N. Sicheva**

Summary. This article presents the results of a study aimed at identifying the key determinants of self-destructive behavior. All subjects of the educational organization took part in research: pupils, teachers, parents. It is concluded that self — destructive behavior is a complex integrated education, which is determined by two groups of factors: personal and social. The educational environment and the parent family are the determining socio-significant factors. The results will be used to further study the determinants of different types of self-destructive behavior, as well as to create a comprehensive program for the prevention of self-destructive behavior in students in educational institutions.

Keywords: self-destructive behavior, social determinants, personal determinants.

Васягина Наталья Николаевна

*Д.псих.н., профессор, Уральский государственный педагогический университет
vasyagina_n@mail.ru*

Сычёва Наталья Борисовна

*Аспирант, Уральский государственный педагогический университет
energi81@list.ru*

Аннотация. В данной статье приводятся результаты исследования, целью которого было выявить ключевые детерминанты саморазрушающего поведения. В исследовании приняли участие все субъекты образовательной организации: учащиеся, педагоги, родители. Делается вывод о том, что саморазрушающее поведение — сложное интегрированное образование, которое детерминируется двумя группами факторов: личностными и социальными. К определяющим социально-значимым факторам относятся образовательная среда и родительская семья. Полученные результаты будут использованы для дальнейшего изучения детерминант различных типов саморазрушающего поведения, а также создания комплексной программы профилактики саморазрушающего поведения у обучающихся в условиях образовательных учреждений.

Ключевые слова: саморазрушающее поведение, социальные детерминанты, личностные детерминанты.

Актуальность изучения проблемы саморазрушающего поведения (СРП) и факторов, его обуславливающих, определяется высокой распространенностью данного явления в современном обществе, в особенности среди обучающихся подросткового возраста. Данный феномен является предметом изучения различных наук, таких как медицина, биология, физиология, социология, психология, и др. Анализ литературы показал, что, несмотря на то, что проблема СРП не раз попадала в фокус внимания отечественных и зарубежных ученых (Алехин А.Н., Амбрумова А.Г., Андронникова О.О., Афанасьев В.С., Н.Н. Васягина, Гишинский Я.И., Донских Т.А, Змановская Е. А., Ипатов А. В., Клейберг Ю. А., Короленко Ц.П., Личко А.Е, Менделевич В.Д., Меннингер К., О'Коннор Р., Попов Ю.В., Файберроу Н., Шнейдер Л.Б, Ялтонский В.М. и др.), она до сих пор не имеет устоявшегося тезауруса. Как правило, социально-неодобряемые, выходящие за пределы нормы формы поведения авторы определяют через такие понятия, как «девиантное», «деструктивное», «аутодеструктивное», «саморазрушающее», «отклоняющееся», «аддиктивное». Во многих работах данные понятия подменяют друг друга, выступают как синонимы, недостаточно изучены механизмы возникновения СРП, не выявлены в полной мере факторы его детерминирующие [5,7,11].

Термин «саморазрушающее поведение» впервые использовал в 1980 г американский ученый Норман Фейбероу в своей книге «Многоликое самоубийство». Автор относил к саморазрушающему поведению такие формы поведения человека, целью которых не является добровольная смерть, но ведущие к социальной, психологической и физической дезадаптации, деградации личности. При этом, как отмечает автор, саморазрушающее поведение возникает в ответ на определенные воздействия окружающей среды [7].

Некоторые авторы относят к саморазрушающему такое поведение человека, которое приводит его к социальной, психологической и физической дезадаптации, деградации личности. Результатом саморазрушающего поведения может быть, как преднамеренное, так и непреднамеренное нанесение вреда своему психическому и физическому здоровью [17]. В качестве разновидностей саморазрушающего поведения можно назвать такие заболевания как алкоголизм, наркомании, токсикомании; склонность к неоправданному риску; асоциальное, делинквентное поведение; анозогнозическое поведение при наличии жизнеопасной соматической патологии; любые другие намеренные (или неосознанные) действия, ведущие к разрушению физического или

психического здоровья. Крайней формой саморазрушающего поведения, по мнению Фейбероу, является самоубийство [19]. Можно сказать, что саморазрушающее поведение — это поведение, препятствующее адекватному взаимодействию человека со средой жизнедеятельности, которое приводит к деформации сформировавшихся в онтогенезе психических образов или прекращению жизни.

В подростковом возрасте саморазрушающее поведение связано с отклоняющимся (девиантным) поведением. Л.Б. Шнейдер отмечает, что девиантным можно называть такого подростка, который не однократно случайно отклоняется от поведенческой нормы, а регулярно демонстрирует девиантное поведение, носящее выраженный социально — негативный характер [18]. СРП рассматривается как способ взаимодействия человека с окружающими и самим собой, при котором ему наносится вред, т.е. его действия направлены на нанесение прямого или косвенного ущерба собственному соматическому или психическому здоровью, что угрожает целостности и развитию личности, как способу самовыражения. СРП направлено на освобождение или уменьшение невыносимых эмоций (человек надеется справиться с эмоциональной болью) или связано с ощущением невозможности действовать или чувствовать [16].

Особенностью СРП является то, что оно может быть представлено внутренними формами, такими как негативные мысли, представления и переживания о себе и окружающем мире, и внешне может быть долго не заметно другим людям. Особенно опасна в данном контексте склонность к саморазрушающему поведению в подростковом возрасте. При таком поведении подросток не просто осознанно может навредить самому себе физически, проявлять агрессию и негативизм, но и, не понимая себя, не разобравшись в себе, даже порой «теряя» себя, способен бессознательно навредить своему статусу и психологическому здоровью [9, 11].

Проводя теоретический анализ литературы по теме исследования, и рассматривая ранее описанные факторы формирования СРП, мы руководствовались современной биопсихосоциальной научной парадигмой и определением «здоровья» данным Всемирной организацией здравоохранения. Здоровье понимается как совокупность биологического, психологического и социального благополучия. Используя данное структурирование, мы выделили факторы, детерминирующие СРП: социальные, психологические (внутриличностные) и биологические. По мнению В.В. Герасимовой, этот подход позволяет сохранить структурно-смысловое единство изучаемых явлений при их анализе [13].

Несмотря на отсутствие единой теории, объясняющей конкретно СРП, в различных отраслях знаний существует ряд концепций, объясняющих возникновение различных его форм.

Первыми разобрать данную проблему попытались антропо-биологические теории, объясняя отклонения в поведении, обращаясь к физиологическим факторам, прежде всего к физическому типу. К основоположникам данных теорий относятся: Ч. Ломброзо, Ч. Беккариа, Д. Говард, И. Бентам, П. Фейербах, У Шелдон.

Еще одним направлением в науке, пытающимся объяснить причины формирования СРП, является психологическое направление. Ученые различных психологических направлений, исследуя саморазрушающее поведение, акцентируют внимание, на различного рода психологических факторах, объясняя СРП, исходя из личностных особенностей индивида. К одному из первых возникших и известнейших по сей день направлений относится психоанализ, основанный З.Фрейдом, и развитый в работах его последователей Э. Эриксона, К. Лоренца, Э. Фромма, А. Адлера, К. Хорни, О. Эйкхорна и многих других. К психоаналитическим теориям близка и позиция современного американского психиатра Р.О. Коннора, объясняющая саморазрушающее поведение с точки зрения бессознательных процессов и достаточно убедительно объясняющая механизм саморазрушающего поведения [10].

Немалый вклад в объяснение природы СРП внесли экзистенциально — гуманистические теории, которые рассматривают поведение личности в аспекте сущностных характеристик человека. К ярким представителям данных направлений относятся: В. Франкл, К. Роджерс, А. Маслоу.

Не менее важным и интересным для понимания саморазрушающего поведения является бихевиоральный подход, который противопоставляется точке зрения, выдвигаемой теоретиками психоанализа относительно значения бессознательного в объяснении формирования отклонений в поведении. По мнению бихевиористов личность формируется в процессе ее социализации. Например, подросток, может обучиться агрессии, просто наблюдая за другими людьми. Подобным образом ребенок может приучиться к курению или употреблению спиртных напитков. С точки зрения бихевиоральных теорий, употребление алкоголя подкрепляется ощущением удовольствия (расслабления) и уходом от проблем (снятие напряжения, уменьшение чувства неуверенности в себе, уход от ответственности), что в последующем закрепляет саморазрушающее поведение у личности. Большой вклад в развитие данных теорий внесли: Дж. Б. Уотсон, Б. Ф. Скиннер, Д. Вольпе, А. Бандура [8].

К теории научения тесно примыкает, сформировавшийся на почве бихевиоризма, когнитивный подход. Согласно, данному направлению, в основе нарушенного поведения лежат неадаптивные мыслительные схемы, которые запускают неадекватные чувства и действия. На уровне поведения возникают дезадаптивные реакции ухода, отказа от активности. К представителям когнитивного направления относятся: А. Бек, А. Эллис, а также и А. Мерфи, Л. Лазарус, рассматривающие поведение в ситуации стресса в рамках когнитивного подхода. Из современных ученых данного направления можно выделить В. С. Битенского, Э. Э. Звартау, Ю. В. Попова, Н. А. Сирота, В. М. Ялтонского.

Среди современных отечественных ученых, изучающих факторы, детерминирующие СРП, нельзя не упомянуть В. Д. Менделевича, который подходит к объяснению саморазрушающего поведения всесторонне, учитывая биологические и психологические факторы индивида. По мнению автора, к факторам, детерминирующим саморазрушающее поведение, относят индивидуально — психологические особенности, которые определяют устойчивый набор шаблонов поведения, их рамки, выраженность, частоту, оформленность [9].

Многосторонний анализ и оценку влияния социальных факторов, ситуации, среды, культуры и социальной структуры на саморазрушающее поведение позволяют дать социологические теории [8]. К выдающимся представителям данного направления можно причислить: А. Кетле, Г. Тарда, Э. Дюркгейма, К. Мертон. К современным авторам, рассматривающих в качестве средовых факторов влияние группы, в которую погружен подросток, относятся Н. Н. Васягина, Е. В. Змановская, Е. В. Айвазова, Л. Б. Шнейдер [3,5,6,18]. При этом одним из важнейших средовых факторов, вызывающим СРП можно отнести образовательную среду, в которой подрастающая личность проводит значительное количество времени (Н. Н. Васягина, Ю. Кулюткин, С. Тарасов, И. А. Баева, М. П. Аралова, Л. И. Рюмина, Е. Б. Лактионова, А. Г. Жилиев, Т. И. Палачева, М. М. Безруких, А. В. Шаболтас и др.) [1,2].

Обобщив имеющиеся представления поведению, в настоящей статье мы рассматриваем саморазрушающее поведение как деструктивные привычки, действия и состояния человека, возникающие как ответ на воздействия физической и социальной среды, сопровождающиеся негативными эмоциональными реакциями: тревоги, агрессии (направленной вовне или аутоагрессии), вины, страха, стыда, чувством неполноценности, приводящие к разрушению собственной личностной структуры, обесцениванию собственной личности, деформации ключевых компонентов личности (таких как самоуважение, самопонимание, самоинтерес), деградации личности, деформации сформировавшихся в он-

тогенезе психических образов, искажению реальности, а также разрушению психического и физического здоровья, продвижению человека к более ранней физической смерти в сравнении с заданным генетически сроком. Саморазрушающее поведение — сложное интегрированное образование, которое обуславливается двойкой детерминацией: личностными характеристиками и особенностями социальной и физической среды, в которой находится человек.

Целью нашего эмпирического исследования стало выявление и описание детерминант саморазрушающего поведения подростков. Склонность к саморазрушающему поведению исследовалась с помощью методики определения склонности к отклоняющемуся поведению (А. Н. Орёл) [15]. Исходя из цели исследования, нами было подобрано две группы методик для изучения личностных и социальных факторов, детерминирующих СРП. Методики для изучения личностных факторов: «Методика определения акцентуаций характера К. Леонгарда -Х. Шмишека», «Методика «Q-сортировка», или ваше мнение о себе самом», «Методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса-А.Дарки, в адаптации А. К. Осницкого», «Личностная шкала проявлений тревоги Дж. Тейлора», «Методика определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хайма», «Тест жизнестойкости С. Мадди, в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой» [1,14,15]. Таким образом, изучались особенности характера, представление о себе, проявления агрессии, уровень тревожности, копинг — поведение и жизнестойкость обучающихся, склонных к саморазрушающему поведению.

Социальные факторы, к которым относятся образовательная среда и родительская семья, изучались с помощью методик «Психологическая безопасность образовательной среды школы И. А. Баевой», «Методика диагностики профессиональной деформации личности учителя» (В. Е. Орел, С. П. Андреев), «Методика анализ стилей воспитания» (Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис) [14,15].

В исследовании приняли участие 350 подростков, обучающихся в различных типах образовательных учреждений Свердловской области. Все испытуемые — обучающиеся в возрасте 13–16 лет, среди них 130 мальчиков, 220 девочек. Также были опрошены 230 родителей обучающихся и 60 педагогов вышеуказанных образовательных учреждений. При проведении исследования учитывался тип образовательной организации, к которой принадлежали респонденты (гимназия, общеобразовательная школа, колледж).

Математико-статистическая обработка данных проводилась с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 23.0. Вращение производилось методом

Варимакс с нормализацией Кайзера. Для определения границы интерпретируемости факторных нагрузок использовали данные А.Л. Комри, рассматривающего нагрузки, превышающие 0,71 как превосходные, 0,63 — очень хорошие, 0,55 — хорошие, 0,45 — удовлетворительные, 0,32 — слабые. Факторные нагрузки ниже 0,45 не учитывались в нашем исследовании.

Методом главных компонент в 57-мерном пространстве признаков были выделены 3 фактора, описывающие 61,7% всех дисперсий, и объединяющие как социальные, так и личностные детерминанты саморазрушающего поведения.

Первый фактор был условно назван «тревожность». Он описывает 26,4% всех дисперсий и представлен практически в равной степени переменными, которые принадлежат к опросникам, исследующим и личностные и социальные факторы СРП. Это показатель «тревожность» шкалы проявлений тревоги Дж. Тейлора (0,68), по методике определения акцентуаций характера К. Леонгарда — С. Шмишека — «возбудимость» (0,67), «циклотимность» (0,57) и «экзальтированность» (0,47), по методике диагностики показателей и форм агрессии А. Басса — А. Дарки — «индекс агрессии» (0,59) и «индекс враждебности» (0,56), по методике А.Н. Орел — «волевой контроль эмоциональных реакций» (0,66). По шкалам методик, исследующих социальные детерминанты, в первый фактор вошли: по методике анализ стилей воспитания Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис — «гиперпротекция (Г+)» (0,56), «недостаточность требований-обязанностей ребенка (Т-)» (0,56), «потворствование (У+)» (0,54) «неустойчивость стиля воспитания Н» (0,47). Следует отметить, что данный фактор составили социальные детерминанты, которые относятся только к стилям родительского воспитания, т.е. к семейным факторам. Наибольшую же факторную нагрузку несут показатели «тревожность» (0,68) и «волевой контроль эмоциональных реакций» (0,66), относящиеся к личностным характеристикам подростков.

Подростки, склонные к саморазрушающему поведению, имеют высокий или средний с тенденцией к высокому уровень тревоги, а также слабость волевого контроля эмоциональной сферы, что может свидетельствовать о нежелании или неспособности контролировать свои поведенческие проявления эмоциональных реакций. Согласно А.Н. Орел, такие данные также могут говорить о склонности к реализации негативных эмоций именно, в поведении, без задержки, о несформированности волевого контроля своих потребностей и чувственных влечений.

Родители подростков, склонных к СРП, используют негативные воспитательные стратегии, такие как по-

творствование, когда происходит максимальное не критическое удовлетворение любых капризов ребенка, гипопротекция, при которой воспитание становится центральным делом жизни родителя, а также недостаточность требований-обязанностей, что приводит к вседозволенности, личность не ощущает собственных и чужих границ.

Следует также отметить, что в семьях присутствует неустойчивый стиль воспитания, что по мнению К. Леонгарда, содействует формированию таких черт характера, как упрямство, склонность противостоять любому авторитету, и является нередкой ситуацией в семьях подростков с отклонениями характера. Данную гипотезу подтверждают и результаты нашего исследования. У подростков выражены акцентуации по возбудимому, экзальтированному и циклотимному типам.

Второй фактор был назван «уровень удовлетворенности значимыми характеристиками образовательной среды (педагоги)». Он описывает 19,9% всех дисперсий, и его нагружают переменные, относящиеся к средовым факторам, а именно — к характеристикам образовательной и семейной среды. Данный фактор представлен совокупностью факторных нагрузок по шкале методики «Психологическая безопасность образовательной среды школы» И.А. Баевой — «уровень удовлетворенности характером образовательной среды школы (педагоги)» (0,85), «уровень защищенности от психологического насилия во взаимодействии (педагоги)» (0,47), а также по методике диагностики профессиональной деформации личности учителя В.Е. Орел — «уровень профессиональной деформации» (0,84). С отрицательным значением в данный фактор вошел показатель типа образовательной организации (-0,85), и «возраст испытуемых» (-0,67).

Педагоги, обучающие подростков склонных к саморазрушающему поведению, имеют низкий уровень удовлетворенности значимыми характеристиками образовательной среды: взаимоотношениями с коллегами, учащимися, и родителями, не имеют возможности высказать свою точку зрения, не ощущают уважительного отношения к себе, не могут проявить инициативу и активность. Кроме того, они ощущают не защищенность от психологического насилия во взаимодействии со всеми субъектами образовательной среды: от унижений и оскорблений, от угроз и принуждения что-либо делать против желания. Вместе с тем педагоги, принимавшие участие в исследовании, имеют высокий уровень профессиональной деформации, что говорит о том, что они не могут продуктивно выполнять свою работу: помогать решать возникающие в подростковом коллективе конфликты, замечать малейшие изменения в поведении своих подопечных, лично и профессионально развиваться. Важно отметить, что у преподавателей, относя-

щихся к общеобразовательной школе, уровень всех показателей оказался выше, чем у педагогов из гимназии и колледжа.

Третий фактор, который описывает 15,4% общей дисперсии, мы назвали «жизнестойкость». Он объединяет в себе совокупность факторных нагрузок по методике «Q-сортировка, или ваше мнение о себе самом» — «избегание борьбы» (–0,59), «принятие борьбы» (0,59), «зависимость» (–0,55), «независимость» (0,53), по тесту жизнестойкости С. Мадди- «жизнестойкость» (0,52), по методике определения акцентуаций характера К. Леонгарда — С. Шмишека — гипертимность (0,54), тревожность (–0,55).

Данные показатели говорят о выраженности у подростков, склонных к СРП, тенденций к зависимости/независимости и к принятию борьбы/избеганию борьбы. Эти тенденции отражают представление подростка о самом себе при взаимоотношениях в группе. В нашем случае результаты свидетельствуют о наличии внутреннего конфликта личности, которая находится во власти одинаково выраженных противоположных тенденций. Важно отметить взаимосвязь с вышеописанными тенденциями жизнестойкости, низкий уровень которой говорит о невозможности стойкого совладения со стрессами и восприятия их как менее значимых.

Саморазрушающее поведение связано не только с намеренным физическим повреждением собственного тела, но и с психологическими самоповреждениями и аутоагрессией. Детерминанты СРП рассматриваются в рамках различных направлений психологической науки. Психологи относят к СРП различные не суицидальные формы проявления (злоупотребление различными веществами, включая наркотики, алкоголь и табак; соматические заболевания; преступления; рискованные виды спорта и др.). Анализ полученных данных позволяет утверждать, что саморазрушающее поведение подростков детерминируется двумя основными группами факторов: личностными и социальными. Среди личностных можно отметить характерологические и поведенче-

ские особенности подростков, включая: агрессивность, тревожность, акцентуации характера, копинг — поведение, жизнестойкость. Среди социальных следует упомянуть высокое значение внутрисемейного климата, воспитательного подхода — со стороны родителей, а также оценку психологической безопасности образовательной среды и уровень профессиональной деформации — со стороны учителей. Можно утверждать, что важную роль в формировании саморазрушающего поведения играют как личностные характеристики подростков, так и социально — значимые факторы (семья и образовательная организация).

Негативное влияние на формирование саморазрушающего поведения оказывают низкий уровень удовлетворенности значимыми характеристиками образовательной среды у педагогов, их незащищенность от психологического насилия во взаимодействии с другими субъектами среды, высокий уровень профессиональной деформации, а также ошибочные семейные стили воспитания.

К ведущим личностным факторам, детерминирующим саморазрушающее поведение относятся: высокий и средний с тенденцией к высокому уровню тревоги, противоречивые тенденции к избеганию/принятию борьбы, к зависимости/независимости, характеризующие представление личности о самом себе при взаимоотношениях в группе, низкий уровень жизнестойкости, высокий уровень агрессии, сниженный волевой контроль эмоциональных реакций, выраженные акцентуации характера. Хочется отметить, что акцентуации могут быть следствием применения негативных воспитательных стратегий в отношении подростков.

Полученные результаты требуют дальнейшего осмысления, а также могут послужить дальнейшей базой для исследования факторов, детерминирующих различные типы саморазрушающего поведения, а также формирования продуктивной профилактической программы, которая позволит предотвратить развитие явных его форм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании: монография. СПб.: «Союз», 2002—271 с.
2. Васягина Н. Н., Сычева Н. Б. Подходы к профилактике дезадаптивных форм поведения у обучающихся // Профилактика девиантного поведения обучающихся в условиях образовательной организации: коллективная монография / А. В. Смирнов и др.; Урал. Гос. Пед. ун-т; под ред Н. Н. Васягиной, Е. А. Казаевой. — Электрон. дан. — Екатеринбург, 2018, С. 30—74.
3. Васягина Н. Н. Межведомственное взаимодействие и социальное партнерство в профилактике делинквентного поведения подростков // Педагогическое образование в России. 2016, № 9, С. 117—122.
4. Жигинас Н. В. Девиантное поведение подростков: педагогические условия как источник социальной и психической травмы // Научно-педагогическое обозрение (PedagogicalReview). 2015, Вып. 2 (8), С. 63—68.
5. Змановская Е. В., Рыбников В. Ю. Девиантное поведение личности и группы. СПб.: «Питер», 2018—352 с.

6. Змановская Е. В. Структурно-динамическая концепция девиантного поведения // Вестник ТГПУ. 2013, № 5 (133), С. 189–195
7. Клейберг Ю. А. Основы психологии девиантного поведения: монография. — СПб: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2014.
8. Комлев Ю. Ю., Сафиуллин Н. Х. Социология девиантного поведения: учебное пособие // Под общ. ред. Ю. Ю. Комлева. — 2-е изд., перераб. и доп. Казань: КЮИ МВД России, 2006–222 с.
9. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения. М.: «Городец», 2016–392 с.
10. О'Коннор Р. Психология вредных привычек. М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2015–256 с.
11. Паценко А. О., Беляева С. В. Саморазрушающее поведение подростков, в контексте их девиантности // Материалы Международной научно-практической конференции. РБ, г. Минск, 2017, С. 122–129
12. Психологическая работа с девиантными подростками: проблемы и возможности: монография / ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы». — Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2009. — 316 с.
13. Психологические аспекты профилактики аутоагрессивного поведения у обучающихся образовательных организаций: методическое пособие // Герасимова В. В. Казань: «ИРО РТ», 2015–56 с.
14. Технологии психологической помощи в кризисных и чрезвычайных ситуациях. Учебно-методический комплекс // Горьковская И. А., Баканова А. А., Маликова Т. В., Тимошенко Р. А., Краснов А. Е. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена. 2008–249 с.
15. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002, С. 362–370.
16. Хрупова А. Н. Шульга Т. И. Представления студентов о самоповреждающем поведении // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки», 2016, № 4, С. 101–113
17. Шалабаева Л. И. Психологический анализ саморазрушающего поведения у подростков // Актуальные проблемы психологии личности: сб. ст. по матер. VI междунар. науч. — практ. конф. — Новосибирск: СибАК, 2011.
18. Шнейдер Л. Б. Девиантное поведение детей и подростков. — М., 2005. — 336 с.
19. Farberow NL. Indirect self-destructive behavior: Classification and characteristics. Norman L. Farberow (Ed.). The Many Faces of Suicide. New York: McGraw-Hill Book Company 1980.

© Васягина Наталия Николаевна (vasyagina_n@mail.ru), Сычёва Наталия Борисовна (energ181@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский государственный педагогический университет

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ГРУППОВОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

PSYCHOLOGICAL PREVENTION OF ADDICTIVE BEHAVIOR OF ADOLESCENTS BY MEANS OF GROUP COUNSELING

*D. Ivanov
A. Krasnova*

Summary. In the article the analysis of Russian and foreign literature is provided, scientific insights into the scope of the term «addictive behavior of adolescents» are compiled, mechanisms of addictive behavior occurrence and psychological characteristics of adolescents with addictive forms of behavior are highlighted. The authors pay particular attention to the analysis of Russian and world literature sources on the problem of psychological prevention of addictive behavior of adolescents. The concept «psychological prevention of addictive behavior of adolescents» is revealed, the principles and objectives of preventive work with adolescents prone to addictive behavior are defined. The authors of the article focus on the content and effectiveness of the application of the programme aimed at psychological prevention of predisposition of adolescents to addictive behavior by means of group form of psychological counseling. The authors present progress in the experimental work on the study of predisposition of adolescents to addictive behavior. In the article the results of testing of the developed psychological programme are contained and the effectiveness of group counseling of adolescents in order to prevent their addictive behavior is proved.

Keywords: Adolescence, deviant behavior, addiction, prevention of addictive behavior, psychological counseling.

Иванов Дмитрий Викторович

*К.псх.н., доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет
avatory@yandex.ru*

Краснова Анна Александровна

*Самарский государственный Социально-педагогический университет
yugaj@yandex.ru*

Аннотация. В статье дан анализ отечественной и зарубежной литературы, обобщены научные представления о содержании понятия «аддиктивное поведение подростков», выделены механизмы возникновения аддиктивного поведения и психологические особенности подростков с аддиктивными формами поведения. Особое внимание уделено анализу российских и мировых литературных источников по проблеме психологической профилактики аддиктивного поведения подростков. Раскрыто понятие «психологическая профилактика аддиктивного поведения подростков», определены принципы и задачи профилактической работы с подростками, склонными к аддиктивному поведению. Основное внимание в работе авторы акцентируют на содержании и эффективности применения программы психологической профилактики склонности подростков к аддиктивному поведению средствами групповой формы психологического консультирования. Авторы излагают ход экспериментальной работы по исследованию склонности подростков к аддиктивному поведению. В статье содержатся результаты апробации разработанной психологической программы и доказана эффективность групповой консультации подростков в целях профилактики их аддиктивного поведения.

Ключевые слова: подростковый возраст, девиантное поведение, аддикции, профилактика аддиктивного поведения, психологическое консультирование.

Проблема аддиктивного поведения неоднократно выступала предметом научного изучения различных специалистов (психологов, социальных работников, педагогов, социологов, наркологов и т.д.). Аддиктивное поведение подростков, как указывает С.А. Кулаков, это «одна из форм деструктивного поведения, которая характеризуется стремлением к бегству от действительности с помощью изменения своего психического состояния с помощью приема каких-либо веществ» [1, с. 111]. Как указывает О.В. Липунова, «уход от реальности в виде своеобразного «бегства» часто заключается в сосредоточении подростка на узконаправленной сфере деятельности (часто негармоничной и разрушающей личность), игнорирующей все остальные сферы деятельности» [2, с. 10].

Анализ личностных качеств подростков, склонных к аддиктивному поведению, показал, что таким подросткам свойственны: «низкая самооценка (Ф. Райс); высокая личностная тревожность (А.М. Прихожан); отсутствие социальной компетентности (Ю.Н. Емельянов, М.Ю. Перепелица); низкий социальный интеллект и конформность в общении (Е.Д. Бреус, В.А. Лабунская, Ю.А. Менджерцкая)» [3, с. 7].

Факторами повышенного риска употребления психоактивных веществ, по мнению Д.В. Иванова, являются: семейная девиация, ранняя девиационная активность самого индивида, приобщение к девиантной группе, отсутствие навыков психической саморегуляции и др. [4, 5, 6].

Проведя анализ различных направлений деятельности психолога, мы можем выделить различные модели психопрофилактической работы с подростками в России, Западной Европе и США: закрепительное направление, информационное, личностно-ориентированное, пропаганда здорового образа жизни, направление, основанное на эмоциональном (аффективном) обучении и другие.

Одним из основных направлений профилактики употребления психоактивными веществами является закрепительное направление. Это направление, как правило, реализуется либо через систему морализирования, либо через систему мер, которая во многом связана с запугиванием человека [7, с. 264]. Например, реализуется пропаганда опасности употребления наркотиков (В.Д. Володин, Н.Н. Иванец, В.Е. Пелипас, Т.И. Петракова, О.Л. Романова, Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский), предоставляется информация о деградации личности людей, употребляющих ПАВ и о проблемах, с этим связанных. Низкая эффективность данного подхода к профилактике была доказана на практике [7, с. 264].

Наиболее популярное сегодня направление профилактики — информационное. Детей и подростков информируют о вреде наркотиков, о механизме их действия на организм человека, о последствиях употребления различных ПАВ [7, с. 264]. Еще одним направлением профилактики является пропаганда здорового образа жизни и реализация программ по укреплению здоровья. В ходе такой работы формируются альтернативные привычки, препятствующие зависимому поведению [7, с. 264].

Интересен подход, основанный на формировании жизненных навыков, который базируется на изменении поведения, для чего используются методы поведенческой терапии [8]. Проблемное поведение рассматривается с точки зрения функциональных проблем [9, с. 56; 10, с. 11]. Одной из первых программ развития жизненных навыков является программа Д. Ботвина. Ее целью является повышение у подростков устойчивости к различным социальным влияниям, в том числе и к злоупотреблению психоактивных веществ, в повышении их индивидуальной компетентности с помощью обучения их необходимым личностным и социальным навыкам [8, с. 11].

Психологическая профилактика аддиктивного поведения, как было отмечено ранее, особую значимость приобретает в подростковый период. Именно в этом возрасте формируются важные свойства личности: устремление к саморазвитию и самосознанию, способность к самонаблюдению, навыки рефлексии, нравственные убеждения, которые могут стать основой для успешной

профилактики аддиктивного поведения [11]. Профилактика аддиктивного поведения направлена, как правило, на различные сферы жизни подростка: семью, образовательную среду, общественную жизнь в целом [12, с. 53].

В семейных отношениях психологическая профилактика аддиктивного поведения подростков направлена на развитие взаимного доверия между членами семьи, эмоциональной стабильности и формирование ощущения защищенности, умеренного контроля родителей с постепенным переходом к самоконтролю подростков, развитие ответственности всех членов семьи за принятие решений и свою собственную жизнь [13].

В условиях образовательных организаций профилактика аддиктивного поведения связана с пересмотром некоторых подходов к воспитанию и преподаванию учебных предметов подросткам. Целесообразное введение в образовательный цикл дисциплин, интегрированных курсов, спецкурсов и факультативов, которые направлены на расширение объема знаний о реальной жизни в своем содержании. Эта информация важна для формирования «свободы выбора, для развития адаптивных способностей и понимания важности умения жить в реальной жизни и решать жизненно-важные проблемы без страха перед действительностью, и пользуясь разнообразными активными стратегиями преодоления стресса» [10, с. 114].

Другим важным направлением в профилактической работе является информационно-просветительское. Оно направлено на повышение психологической культуры подростков, формирование компетенций в таких важных областях, как культура межличностных отношений, приемы саморегуляции по устранению стрессовых ситуаций, конфликтология и проблемы аддиктивного поведения [14, с. 367].

Психологическое консультирование подростков имеет свою специфику и проводится в различных формах: индивидуальное и групповое психологическое консультирование (подбор по возрасту, виду аддикций и однородности изначальной проблемы, спровоцировавшей появление данной аддикции) [12, с. 57].

Психологическое консультирование подростков, склонных к аддиктивному поведению, в условиях школы, чаще носит индивидуальный характер и проводится по запросам учителей, администрации и родителей. Школьный психолог в процессе консультирования подростков может столкнуться с временными и постоянными формами девиантного поведения [15]. При любой форме девиантного поведения у подростка нарушается взаимодействие с реальностью. Консультирование должно быть направлено на преодоление проблемного

Таблица 1. Результаты диагностики склонности подростков к аддиктивному поведению по «Методике диагностики склонности подростков к отклоняющемуся поведению» (А. Н. Орел)

П №	Название шкал	Обучающиеся 9 «А» класса (%)	Обучающиеся 9 «Б» класса (%)
1	Шкала установки на социально желательные ответы	7	9
2	Шкала склонности к преодолению норм и правил	21	18
3	Шкала склонности к аддиктивному поведению	36	36
4	Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	43	18
5	Шкала склонности к агрессии и насилию	43	36
6	Шкала волевого контроля эмоциональных реакций	29	18
7	Шкала склонности к делинквентному поведению	21	18

поведения путем определения оптимальных форм взаимодействия с окружающей действительностью [16].

Основными задачами профилактической работы с подростками в образовательных учреждениях, по мнению М. В. Глебовой, являются формирование культуры ЗОЖ, функциональных стратегий поведения; создание условий для открытого, доверительного общения, восприятия информации, творческой атмосферы; информирование о последствиях употребления ПАВ; развитие личностных ресурсов: формирование Я-концепции подростков, системы ценностей, целей и установок; формирование стратегий и навыков поведения, направленных на формирование навыков ЗОЖ [16].

Психологическая профилактика девиантного поведения, как отмечает О. Ф. Рогаль-Левицкая, включает ряд важных этапов: диагностический этап, информационно-просветительский, тренинги личностного роста, направленные на психокоррекцию отдельных личностных особенностей и поведения подростков [17, с. 67–68]. Все перечисленные формы работы могут проводиться как в индивидуальной, так и групповой форме психологического консультирования в условиях школы [12, с. 63]. Как указывает А. А. Краснова, для подростков наиболее привлекательной является групповая форма работы [12, с. 63]. Поэтому школьный психолог может использовать групповые формы психологического консультирования подростков с применением модельных ситуаций, творческих заданий, тренинговых упражнений, направленных на поиск альтернатив девиантному поведению и ведущих к расширению возможностей в социальной жизни. Важными задачами групповой психологической консультации является обучение ориентироваться в своих и чужих эмоциях, формирование эмпатии.

Одной из важных задач, которая решается в процессе группового психологического консультирования является организация деятельности подростка. Необходимо организовать деятельность, которая стала бы альтерна-

тивной аддиктивному поведению. Такой замещающий эффект деятельности используется психологами во многих программах оказания психологической помощи. Групповое психологическое консультирование позволяет создать условия, способствующие успешной социально-психологической адаптации подростков. К таким условиям, создаваемым психологом в консультировании, мы можем отнести развитие умений конструктивной коммуникации и саморегуляции подростков; возможности в относительно безопасной среде отработать различные способы реагирования в межличностном взаимодействии, в том числе в конфликтных ситуациях.

Основными принципами работы психолога с подростками склонными к аддиктивному поведению в рамках психологического консультирования являются: приоритет интересов подростка; положительный характер обратной связи, так как большинство подростков, склонных к аддиктивному поведению нуждаются в эмоциональной поддержке; непрерывность психологического сопровождения подростков, склонных к аддиктивному поведению.

Таким образом, анализ научной литературы и практика работы педагогов-психологов с подростками свидетельствуют о том, что групповая форма психологического консультирования является эффективным средством работы с подростками склонными к аддиктивному поведению.

Экспериментальное исследование было направлено на подтверждение гипотезы: групповая форма психологического консультирования подростков является одним из эффективных средств психологической профилактики склонности подростков к аддиктивному поведению. Опытное-экспериментальное исследование проводилось с января по май 2017 года на базе ГБОУ СОШ имени В. Г. Солодовникова с. Черноречье муниципального района Волжский Самарской области. В экспериментальном исследовании приняли участие обучаю-

Таблица 2. Результаты диагностики склонности подростков к аддиктивному поведению по «Методике диагностики склонности подростков к отклоняющемуся поведению» (А. Н. Орел) до и после реализации экспериментальной программы

П №	Название шкал	Экспериментальная группа			Контрольная группа	
		До (%)	После (%)	Согласие частот событий	До (%)	После (%)
1	Шкала установки на социально желательные ответы	7	7	P=0,071	9	9
2	Шкала склонности к преодолению норм и правил	21	7	P=0,014	18	18
3	Шкала склонности к аддиктивному поведению	36	7	P=0,032	36	27
4	Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	43	14	P=0,021	18	18
5	Шкала склонности к агрессии и насилию	43	7	P=0,011	36	45
6	Шкала волевого контроля эмоциональных реакций	29	35	P=0,063	18	27
7	Шкала склонности к делинквентному поведению	21	7	P=0,005	18	18

щиеся 9-х классов: 9 «А» класс — 24 ученика, 9 «Б» — 26 учеников. Выборка составила 50 учащихся. Возраст испытуемых — 14–15 лет.

Со всеми учащимися было проведено исследование с помощью методики диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (А. Н. Орел) с целью выявления подростков «группы риска», склонных к отклоняющемуся поведению. В результате были собраны две группы: экспериментальная и контрольная группа. В экспериментальную группу вошли 14 подростков, в контрольную группу 11 учащихся (Таблица 1). Для обработки полученных массивов данных были использованы методы математической статистики. Статистические различия определялись с помощью критерия χ^2 — угловое преобразование Фишера — согласие частот событий.

На следующем этапе была составлена и апробирована программа группового психологического консультирования. Программа реализовывалась с подростками экспериментальной группы. Цель программы: психологическая профилактика склонности подростков к аддиктивному поведению через самопознание, самовоспитание и саморегуляцию.

Задачи программы:

1. формирование у подростков навыков здорового образа жизни и ценностного отношения к здоровью;

2. формирование представлений о последствиях употребления ПАВ;
3. формирование у подростков представлений о факторах вовлечения в употребление психоактивных веществ;
4. формирование у подростков навыков самоорганизации и саморегуляции психофизиологических установок противодействия вовлечению в аддиктивные формы поведения;
5. обучение подростков способам конструктивного разрешения конфликтов.

Программа состоит из 3-х блоков. В каждом блоке определенное количество занятий и одно занятие итоговое. Достижение вышеперечисленных задач позволяет решать проблему употребления психоактивных веществ комплексно: на поведенческом, когнитивном, эмоциональном и физическом уровнях [12, с. 104].

Заключительный этап включал повторную диагностику, сравнительный анализ результатов до и после проведения экспериментальной программы, статистическую обработку данных и их интерпретацию.

В таблицах 1 и 2 представлены результаты диагностики на первом и заключительном этапах исследования. Результаты диагностики склонности подростков к аддиктивному поведению по «Методике диагностики

склонности подростков к отклоняющемуся поведению» (А. Н. Орел) до и после реализации экспериментальной программы представлены в Таблице 2.

Количество испытуемых с повышенной склонностью к аддиктивному поведению значительно снизилось:

- ◆ на момент первичного исследования у 36% испытуемых наблюдался высокий уровень склонности к аддиктивному поведению, после проведения опытно-экспериментальной работы лишь у 7% испытуемых;
- ◆ у 21% испытуемых до проведения программы наблюдалась склонность к делинквентному поведению после — у 7% испытуемых;
- ◆ у 21% подростков до реализации программы была выявлена склонность к преодолению норм и правил после проведения экспериментальной программы у 7% испытуемых;
- ◆ у 43% подростков изначально была определена склонность к агрессии и насилию после реализации программы только у 7% подростков.

Результаты статистического анализа с применением критерия согласия частот событий показывают, что в экспериментальной группе у подростков выявились значимые положительные изменения по многим показателям: склонность к преодолению норм и правил ($P=0,014$); склонность к аддиктивному поведению ($P=0,032$); склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению ($P=0,021$); склонность к агрессии и насилию ($P=0,011$); склонность к делинквентному поведению ($P=0,005$). В контрольной группе практически не произошло положительных изменений, о чем свидетельствуют результаты статистического анализа с применением критерия согласия частот событий.

Итак, после проведения экспериментальной программы по психологической профилактике склонности подростков к аддиктивному поведению средствами групповой формы психологического консультирования, у подростков «группы риска» наблюдается снижение уровня склонности к аддиктивному поведению, формирование у них высокоэффективных поведенческих стратегий и личностных ресурсов, препятствующих вовлечению в аддиктивные формы поведения. Этому способствовали различные активные методы обучения: игровые и арт-терапевтические методы, дискуссии, которые широко применялись в ходе группового психологического консультирования.

Профилактическая работа в процессе консультирования наиболее эффективна в форме воздействия на условия и причины, вызывающие аддиктивное поведение, на ранних этапах проявления проблем. Выбор формы психологического консультирования зависит от особенностей подросткового возраста и от выраженности аффективных проблем. Для подростков наиболее привлекательной является групповая форма психопрофилактической работы, поэтому эффективными являются групповые психологические консультации, на которых могут быть использованы модельные ситуации, творческие задания, тренинговые упражнения, направленные на поиск альтернатив девиантному (аддиктивному) поведению, а также упражнения, ведущие к расширению возможностей в социальной жизни в связи с отходом от аддиктивного поведения.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что гипотеза подтвердилась: групповая форма психологического консультирования подростков является одним из эффективных средств психологической профилактики склонности подростков к аддиктивному поведению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулаков С. А. Психотерапия и психопрофилактика аддиктивного поведения у подростков. — СПб.: Гардарика, 2003. — 470 с.
2. Липунова О. В. Психология отклоняющегося поведения: учебное пособие. — Москва: ФЛИНТА, 2016. — 377 с.
3. Ярышева А. А. Несформированность идентичности как детерминанта склонности к аддиктивному поведению старших школьников: автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. А. Ярышева. — Кемерово, 2012. — 23 с.
4. Иванов Д. В. Психолого-педагогическая профилактика употребления подростками психоактивных веществ // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — Том 11. — № 4 (30) (5). — Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2009. — С. 1205–1209.
5. Иванов Д. В. Социально-психологические детерминанты аддиктивного поведения подростков // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — № 3 (25). — Тольятти: Издательство Тольяттинского государственного университета, 2013. — С. 424–426.
6. Краснова А. А., Иванов Д. В. Теоретический анализ технологий психологической профилактики употребления подростками психоактивных веществ // Интеграция современных научных исследований в развитие общества: сборник материалов Международной научно-практической конференции (28–29 декабря 2016 года), Том II. — Кемерово: ЗапсибНЦ, 2016. — 481 с. — С. 214–217.
7. Профессиональная педагогика: учебник для студентов, обучающихся по педагогическим специальностям и направлениям / Под ред. С. Я. Батышева, А. М. Новикова. Издание 3-е, переработанное. — М.: Из-во ЭГБЕС, 2009. — 456 с.
8. Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Эффективные программы профилактики зависимости от наркотиков и других форм зависимого поведения. — М., 2004 г. — 192 с.

9. Кольшиницына Т.С., Молоков Д.С., Ходырев А.М. Профилактика употребления детьми и подростками психоактивных веществ // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 1. С. 52–58.
10. Сирота Н.А. Профилактика наркомании и алкоголизма в подростково-молодежной среде: методическое пособие / Н.А. Сирота, Е.А. Чистова, З.И. Суховерхова, О.Ю. Васильченко. — М., 2000. — 260 с.
11. Шилова Т.А. Профилактика алкогольной и наркотической зависимости у подростков в школе: Практическое пособие. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 96 с.
12. Краснова А.А. Психологическое консультирование как средство профилактики склонности подростков к аддиктивному поведению // магистерская диссертация. — Самара, СГПУ, 2017. — 155 с.
13. Краснова А.А. Психолого-педагогическая модель профилактики аддиктивного поведения в подростковой среде // Наука и мир: научный журнал. Волгоград, Издательство «Научное обозрение», 2017. — № 1 (41) январь. — С. 83–85.
14. Харевич Т.В., Пиунова Н.А., Чухлей Г.Л. Основные психолого-педагогические подходы к проведению профилактической работы по предупреждению компьютерной зависимости у подростков в учреждениях образования // Психологическое сопровождение образовательного процесса. 2014. Т. 1. № 4–2. С. 362–370.
15. Рожков М.И., Ковальчук М.А. Профилактика наркомании у подростков: учеб.-метод. пособие. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. — 144 с.
16. Глебова М.В. Формирование антинаркотической устойчивости у школьников с нарушением слуха // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 129. С. 157–164.
17. Рогаль-Левицкая О.Ф. Психологические особенности процесса адаптации подростков с девиантным поведением к профессиональной деятельности: дис. ... кандидата психологических наук / О.Ф. Рогаль-Левицкая. — Астрахань, 2014. — 144 с.

© Иванов Дмитрий Викторович (avatary@yandex.ru), Краснова Анна Александровна (yugaj@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Самара

ВЛИЯНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ НА ДИНАМИКУ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ МГТУ ИМ. Н. Э. БАУМАНА В ГРУППАХ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ ПО ПЛАВАНИЮ

THE EFFECT OF POSITIVE MOTIVATION ON THE DYNAMICS OF INDEXES OF PHYSICAL FITNESS BMSTU STUDENTS IN GROUPS OF SPORTS TRAININGS IN SWIMMING

**O. Markova
Y. Khomyakova
S. Bogatyreva
M. Bulavenko
T. Vasyuschenkova**

Summary. this article deals with the current problems of modern students arising from insufficient physical activity, as well as the importance of physical culture and sport in the preparation of specialists for professional activities. The increase of study load and stress inevitably leads to a deterioration of the health of young people, increase psychological stress, exacerbation of chronic and infectious diseases and cardiovascular pathologies. However, drawing the attention of students to regular sports activities, the negative aspects associated with extreme study loads should disappear. That is why the problem of studying the motivation to engage in physical culture and sports is very relevant. To solve this problem, the authors set a goal — to prove experimentally the correlation between the motivation for regular physical training and the dynamics of physical fitness indicators of students. In the furtherance of this goal the authors have been identified the task was to develop and experimentally validate a methodology for motivation for regular physical training and competitive activities for the improvement of indexes of physical fitness of students. The following research methods were used: analysis of special literature on the subject of research, pedagogical observation, questioning, standard methods of mathematical statistics. The research allowed identifying the essential aspects of motivation that influence the dynamics of indexes of physical fitness in groups of competitive swimming of Bauman Moscow State Technical University (BMSTU). The authors also presented the developed and adopted in the course of study table of mass swimming classes "I can swim", as a method of increasing motivation for training and competitive activity of students.

Keywords: sports motivation, evaluation funds, methods of motivation, healthy lifestyle, physical culture, sports, swimming, student sports.

Маркова Ольга Александровна

Преподаватель, Московский Государственный
Технический Университет им. Н. Э. Баумана
markova075@mail.ru

Хомякова Юлия Юрьевна

Преподаватель, Московский Государственный
Технический Университет им. Н. Э. Баумана

Богатырева Светлана Сергеевна

Старший преподаватель, Московский
Государственный Технический Университет
им. Н. Э. Баумана

Булавенко Марина Григорьевна

Преподаватель, Московский Государственный
Технический Университет им. Н. Э. Баумана

Васющенкова Татьяна Стефановна

К.п.н., доцент, Московский Государственный
Технический Университет им. Н. Э. Баумана

Аннотация. в данной статье рассмотрены актуальные проблемы современных студентов, возникающие при недостаточной физической нагрузке, а также значение физической культуры и вида спорта при подготовке специалистов к профессиональной деятельности. Увеличение учебной нагрузки и стрессовых ситуаций неизбежно приводит к ухудшению здоровья молодёжи, росту психологического напряжения, обострению хронических и инфекционных заболеваний, сердечно — сосудистых патологий. Однако если привлечь внимание студентов к регулярным занятиям спортом, негативные моменты, связанные с чрезмерными учебными нагрузками, должны исчезнуть. Именно поэтому проблема изучения мотивации к занятиям физической культурой и спортом весьма актуальна.

Для решения этой проблемы авторами была поставлена цель — экспериментально обосновать взаимосвязь между мотивацией к регулярным занятиям физической культурой и динамикой показателей физической подготовленности студентов.

Для решения поставленной цели авторами была определена задача — разработать и экспериментально обосновать методику повышения мотивации к регулярным занятиям физической культурой и соревновательной деятельностью в ВУЗе для улучшения показателей физической подготовленности студентов. В работе применялись следующие методы исследования: анализ специальной литературы по теме исследования, педагогическое наблюдение, анкетирование, стандартные методы математической статистики. Проведенное исследование позволило выявить необходимые аспекты мотивации, влияющие на динамику показателей физической подготовленности студентов МГТУ им. Н. Э. Баумана в группах спортивной подготовки по плаванию. Также авторами была представлена разработанная и внедренная в учебную программу таблица массовых разрядов по плаванию

Выпускники МГТУ им. Баумана высоко востребованы на рынке труда, поэтому качество подготовки специалистов играет ключевую роль в будущем успехе и развитии молодого выпускника. Но современный малоподвижный образ жизни студенчества неизбежно приводит к ухудшению здоровья молодёжи. Именно поэтому проблема изучения мотивации к занятиям физической культурой и спортом весьма **актуальна**.

Цель исследования — экспериментально обосновать взаимосвязь между мотивацией к регулярным занятиям физической культурой и динамикой показателей физической подготовленности студентов.

Для решения поставленной цели нами была определена **задача** — разработать и экспериментально обосновать методику повышения мотивации к регулярным занятиям физической культурой и соревновательной деятельностью в ВУЗе для улучшения показателей физической подготовленности студентов.

В работе применялись следующие **методы исследования**: 1. Анализ специальной литературы по теме исследования; 2. Педагогическое наблюдение; 3. Анкетирование; 4. Стандартные методы математической статистики.

Процесс физического воспитания в МГТУ им. Н.Э. Баумана непрерывно совершенствуется. Новая учебная программа и нормативные документы регламентируют не только деятельность преподавателей, но и способствуют проведению мониторинга физического развития и физической подготовленности студентов. Эффективность такой системы происходит благодаря созданию высокого уровня мотивации у студента на каждом этапе спортивной подготовки.

На первом этапе приоритетными становятся мотивы, включающие осознанное желание к занятию плаванием, потребность в движении и физическом самосовершенствовании. Право заниматься выбранным по желанию видом спорта в группах спортивного подготовительного отделения получают студенты на втором курсе, но при выполнении контрольных нормативов по физической подготовленности во втором семестре первого курса на оценку не ниже «хорошо» и «отлично», [13, с. 2].

«Умею плавать» МГТУ им Н.Э. Баумана, как метод повышения мотивации к тренировочной и соревновательной активности студентов.

Ключевые слова: спортивная мотивация, фонд оценочных средств, методы мотивации, здоровый образ жизни, физическая культура, спорт, плавание, студенческий спорт.

Исследователями замечено, что физкультурная деятельность становится значимой, если связывать ее с возможностями самореализации, [9, с. 148–170, 17, с. 112, 20, с. 86–89]. Следовательно, важную роль в формировании дальнейшей мотивации имеет результат. А способность к самореализации в избранном виде спорта, проявлению своих потенциальных возможностей заложена в соревновательной деятельности. Поэтому на втором этапе, т.е. в процессе обучения, планируются спортивные мероприятия, которые способствуют проявлению такого успеха, [3, с. 272, 4, с. 62–64, 10, с. 35–40, 11, с. 170, 14, с. 10–12, 15, с. 51, 16, с. 112, 18, с. 82, 19, с. 124–184]. Один из немногих путей, где студенты могут добиться определенных результатов, становятся соревнования в избранном виде спорта. Именно поэтому им уделяется особенное внимание.

Однако, согласно статистике соревнований МГТУ им. Н.Э. Баумана по плаванию за 2012–2014 учебные года, динамика количества участников свидетельствовала о низкой активности студентов. Это и стало актуальной проблемой исследования.

На первом этапе исследования нами был проведен анализ протоколов соревнований по плаванию МГТУ им. Н.Э. Баумана на самой популярной дистанции 50 м вольным стилем у юношей за последние три года (таблица 1).

Данные в таблице свидетельствуют о том, что несмотря на увеличение количества студентов в группах спортивной подготовки, процент участников в соревнованиях становится ниже (2012 уч. год — 121 участник, 16,6% от числа занимающихся; 2013 уч. год — 102 уч. (13,2%); 2014 уч. год — 84 уч. (9,9%)). Проводя анализ результатов выполнения квалификационных разрядов, было замечено, что количество студентов, выполнивших норматив 1 и 2 разрядов, практически не снизился (2012 г.— I разряд — 5чел, II разряд — 23чел; 2013 г.— I разр-9чел, II разряд — 25чел; 2014г- I разряд- 7чел, II разряд- 24чел). Однако, берем во внимание, что в соревнованиях принимают участие члены сборной команды МГТУ, и стабильность результатов принадлежит им. А вот показатель выполнения требований 3 разряда значительно снизился с 37,2% от общего числа участников соревнований до 28,5%. Количество студентов, оставшихся без разряда при участии в соревнованиях, также снизилось

Таблица 1. Сравнительные данные участия студентов спортивно-подготовительного отделения в соревнованиях МГТУ им. Н.Э. Баумана по плаванию с 2012 по 2014 уч. год

год исследования	кол-во студентов на отделении	кол-во участников соревнований	1 разряд и выше	2 разряд	3 разряд	без разряда
2012	727 (100%)	121 (16,6%)	5(4,13%)	23(19,01%)	45(37,2%)	48(39,6%)
2013	775 (100%)	102 (13,2%)	9(8,82%)	25(24,51%)	41(40,2%)	27(26,7%)
2014	846 (100%)	84 (9,9%)	7(8,33%)	24(28,57%)	24(28,5%)	29(34,5%)

Таблица 2. Таблица массовых разрядов «Умею плавать» МГТУ им. Н.Э. Баумана по плаванию

Дистанция	1 ступень МГТУ Умею плавать		2 ступень МГТУ Умею плавать		3 ступень МГТУ Умею плавать	
	М	Ж	М	Ж	м	Ж
Вольный стиль 50м	36,00	40,50	46,00	50,50	56,00	1:00,00
Вольный стиль 100м	1:25,00	1:35,00	1:45,00	1:55,00	2:05,00	2:14,00
На спине 50м	42,50	48,00	52,50	58,00	1:02,50	1:08,00
На спине 100м	1:35,50	1:47,00	1:58,00	2:10,00	2:18,00	2:30,00
Брасс 50м	46,00	52,50	56,00	1:02,50	1:06,00	1:12,50
Брасс 100м	1:46,00	2:08,00	2:05,00	2:18,00	2:25,00	2:39,00
Баттерфляй 50м	39,00	44,50	49,00	54,50	59,00	1:04,50
Баттерфляй 100м	1:32,00	1:44,00	1,51,00	2:03,00	2:11,00	2:23,00

Таблица 3. Сравнительные данные участия студентов спортивно-подготовительного отделения в соревнованиях МГТУ им. Н.Э. Баумана по плаванию с 2015 по 2017 уч. год

год исследования	кол-во студентов на отделении	кол-во участников соревнований	1 разряд и выше	2 Разряд	3 разряд	ступени МГТУ
2015	921(100%)	134 (14,5%)	6(4,5%)	32(23,9%)	32(23,9%)	64(47,7%)
2016	865(100%)	138(15,9%)	4(2,8%)	31(22,4%)	37(26,8%)	66(47,8%)
2017	942(100%)	206(21,8%)	6(2,9%)	33(16%)	36(17,4%)	131(63,5%)

с 48 до 29 человек. Исследования показали, что количество участников в соревнованиях по плаванию резко снижается. На фоне полученных данных обозначилась проблема, почему это происходит?

С целью выявления причин низкой мотивации студентов было проведено письменное анкетирование. Выявлено, что отказ от участия в соревнованиях связан с отрицательными эмоциями — переживаниями и неуверенностью в собственных силах, а также сложностью выполнения требований разрядных нормативов по плаванию. Как следствие, низкий уровень мотивации снижает уровень двигательной активности. Таким образом, выявлена взаимосвязь между мотивацией и динамикой спортивных результатов.

Чтобы не потерять значимость занятий в избранном виде спорта — необходимо было предпринимать меры

в данном направлении, [1, с. 179, 2, с. 272, 5, с. 512, 6, с. 352, 7, с. 287, 8, с. 24–41, 12, с. 256].

Для этого в 2014 году была разработана таблица массовых разрядов «Умею плавать» МГТУ им. Н.Э. Баумана по плаванию, которая позволила расширить диапазон выполнения разрядных нормативов на отделении плавания (таблица 2).

Введение ступеней МГТУ им. Н.Э. Баумана способствовало активному росту соревновательной деятельности у студентов. Процент участников соревнований с 2015 года к 2017 году увеличился с 14,5% до 21,8% от общего количества обучающихся на отделении (таблица 3). А уровень потенциально способных студентов выполнить разрядные нормативы по плаванию в соревнованиях повысился с 57 человек (42,5% от общего числа участников) до 109 (52,9%) человек.

ВЫВОДЫ

Разработанная нами система мотивации и внедрение в учебную программу по плаванию массовых разрядов «Умею плавать» МГТУ им. Н.Э. Баумана активизирует студентов к регулярным занятиям избранным видом спорта. Проведенное исследование позволило выявить необходимые аспекты мотивации, влияющие на динамику показателей физической подготовленности студентов МГТУ им. Н.Э. Баумана в группах спортивной подготовки по плаванию. Нам удалось повы-

сить процент участников соревнований с 2015 года к 2017 на 7,3% от общего количества обучающихся на отделении спортивно-подготовительного плавания. А уровень потенциально способных студентов выполнить разрядные нормативы по плаванию повысился на 10,4%. Полученные данные необходимо учитывать при создании учебной программы в спортивно-подготовительных группах, так как это поможет эффективно реализовать процесс физического воспитания в ВУЗе и формировать у студентов осознанную мотивацию к занятиям физкультурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин, Г. Д. Формирование спортивной мотивации: моногр. / Г. Д. Бабушкин Е. Г. Бабушкин. — Омск, 2000. — 179 с.
2. Горбунов, Г. Д. Мотивация спортсмена в тренировочном процессе: учебное пособие / Г. Д. Горбунов. — М.: Физкультура и спорт, 1989. — 45 с.
3. Додонов, Б. И. Эмоция как ценность. М., Политиздат, 1978. 272 с.
4. Иванников, В. А., Шляпников, В. Н. Волевая регуляция и здоровый образ жизни // Материалы научно-практических конгрессов IV Всероссийского форума «Здоровье нации — основа процветания России». Том 2. Раздел «Здоровье нации и образование». М., 2008. С. 62–64.
5. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.
6. Ильин, Е. П. Психология спорта. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
7. Ильин, Е. П. Психология физического воспитания / Е. П. Ильин. — М.: Просвещение, 1987. — 287 с.
8. Ильин, Е. П. Сущность и структура мотива / Е. П. Ильин // Психологический журнал. — 1995. — № 2. — С. 27–41.
9. Ильинич, В. И. «Физическая культура студента» Учебник для Вузов. М.: Гардарики, 2007. — 380 с.
10. Крикунова, М. А., Саламатова, Е. Г., Корсакова, Т. В. Мотивация занятий физической культурой и спортом: метод. пособие. Саратов, 2010. — 180 с.
11. Леготкин, А. Н. Улучшение физического состояния студентов технического вуза в процессе занятий спортивно-ориентированной направленности / А. Н. Леготкин, Н. И. Медведкова. — Пермь.: Перм. гос. техн. ун-т, 2006. — 170 с.
12. Методики психодиагностики в спорте / В. Л. Марищук, Ю. М. Блудов, В. А. Плахтиенко, Л. К. Серова. — М.: Просвещение, 1990. — 256 с.
13. Нечушкин, Ю. В., Захарова, Н. А. Рабочая программа дисциплины «Физическая культура» для направлений подготовки бакалавриата и специальностей специалитета. Москва, 2012–2017. — 18 с.
14. Панков, Д. Д. Состояние здоровья школьников выпускных классов (данные профилактических осмотров) / Д. Д. Панков, Т. Б. Панкова // Рос. педиатр. журн. — 2006. — № 6. — С. 10–12.
15. Румба, О. Г. Система педагогического регулирования двигательной активности студентов специальных медицинских групп: автореф. дис. д-ра пед. наук: 13.00.04 / О. Г. Румба — СПб., 2011. — 51 с.
16. Сизова, Н. В., Семиглазова Е. П. Мотивация студентов к занятиям физической культурой: Сборник научных трудов Перспективы развития науки в области педагогики и психологии/Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Челябинск, 2014. 65 с.
17. Пилюян, Р. А. Мотивация спортивной деятельности / Р. А. Пилюян. — М.: Физкультура и спорт, 1984. — 112 с.
18. Формирование мотивации к занятиям физической культурой и спортом: учеб. пособие / Е. Г. Бабушкин — Омск: Омский гос. ин-т сервиса, 2011. — 82 с.
19. Ханин, Ю. Л. Проблемы мотивации в спорте / Ю. Л. Ханин // Спорт в современном обществе / под ред. В. М. Выдрин. — М.: ФИС, 1980. — С. 124–184.
19. Ханин, Ю. Д. Психология общения в спорте / Ю. Д. Ханин. — М.: ФИС, 1980. — С. 86–89.

© Маркова Ольга Александровна (markovaoa75@mail.ru), Хомякова Юлия Юрьевна,
Богатырева Светлана Сергеевна, Булавенко Марина Григорьевна, Васющенкова Татьяна Стефановна.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИНАМИКА ЛИЧНОСТНЫХ КОМПОНЕНТОВ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА МУЖСКОГО ПОЛА, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

THE DYNAMICS OF PERSONAL
COMPONENTS OF THE STRUCTURE
OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL MATURITY
OF THE CONVICTED YOUTH AGED
MALE, SERVING SENTENCES IN
CORRECTIONAL COLONIES

O. Teteukhina

Summary. the article presents a study of the dynamics of the psychological components of the structure of socio-psychological maturity of young male convicts serving sentences in correctional colonies, taking into account the duration of their stay in prison. The presented empirical data indicate that the conditions of serving the sentence do not contribute to the increase of socio-psychological maturity of young male convicts, forming their conformist-adaptive patterns of behavior that do not allow to build constructive and Mature relationships with others. According to the results of our study, it can be concluded that the adaptation and adaptation to the conditions of the correctional institution takes up to 5 years of serving the sentence, after which irreversible personal and behavioral changes begin. Thus, the main function-correction-after 5 years is performed less effectively, and punishment in the form of imprisonment ceases to be perceived as punishment. At the same time, convicts of the age group of 18–25 years are more prone to subcultural deformation than convicts of the age group of 26–30 years.

Keywords: convicts, youth age, socio-psychological maturity, penal institution, term of sentence, self control, psychological protection.

Тетеухина Ольга Владимировна

Старший психолог, УФСИН России по Ярославской области, майор внутренней службы, адъюнкт,

Академия ФСИН России

nemo80@list.ru

Аннотация. В статье представлено исследование динамики психологических компонентов структуры социально-психологической зрелости осужденных молодежного возраста мужского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях, с учетом длительности их нахождения в местах лишения свободы. Представленные эмпирические данные указывают на то, что условия отбывания наказания не способствуют повышению социально-психологической зрелости у осужденных молодежного возраста мужского пола, формируя у них конформистско-приспособленческие образцы поведения, не позволяющие строить конструктивные и зрелые отношения с окружающими. По результатам проведенного нами исследования можно сделать вывод о том, что адаптация и приспособление к условиям исправительного учреждения проходит вплоть до 5 лет отбывания наказания, после чего начинаются необратимые личностные и поведенческие изменения. Таким образом, основная функция — исправление — после 5 лет выполняется все менее эффективно, а наказание в виде лишения свободы перестает восприниматься как наказание. При этом осужденные возрастной группы 18–25 лет более подвержены субкультурной деформации, нежели осужденные возрастной группы 26–30 лет.

Ключевые слова: осужденные, молодежный возраст, социально-психологическая зрелость, исправительное учреждение, срок отбывания наказания, самоконтроль, психологические защиты.

Одной из приоритетных задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой на современном этапе реформирования, руководители ФСИН определяют сокращение рецидивной преступности [3]. Залогом успешной работы в данном направлении может служить оказание адресной психокоррекционной и психопрофилактической помощи осужденным, опирающейся на использование в работе информации о глубинных изменениях, происходящих под влиянием среды, которую можно охарактеризовать как «экстремальные условия жизнедеятельности» [9, с. 12]. Этот факт обусловил выбор тематики нашего исследования — изучение динамики индивидуально-личностных особенностей осужденных в возрасте 18–30 лет (относя-

щихся к возрастной категории молодежи), отбывающих наказание в исправительных колониях общего и строгого режимов содержания, в зависимости от срока нахождения лиц в исправительных учреждениях.

Нами не случайно избрана категория осужденных, относящихся к молодежи — в местах лишения свободы данные лица представляют собой самую многочисленную категорию, а, согласно статистических данных судебного департамента РФ, за последний год наблюдается рост их числа. Так, в 2017 году доля осужденных рассматриваемой нами категории составила 44% (2015 г. — 37%, 2016 г. — 34%) [4]. Таким образом, люди, представляющие огромный творческий, духовный, ин-

теллектуальный, экономический потенциал для нашей страны, находясь в местах лишения свободы, наносят огромный ущерб нашему государству.

К молодежи принято относить возрастную категорию 18–30 лет [8, с. 188]. Ввиду того, что довольно сложно рассматривать такой широкий возрастной диапазон как целостный объект, Б.А. Ручкин [6, с. 91] предлагает разделять его на два периода: 18–24 года (молодежь) и 25–30 лет (молодые взрослые). В данный период активно происходят процессы семейной, профессиональной и иных видов социализации. Однако данный процесс не всегда протекает успешно, порождая возникновение различных девиаций, а также такое негативное социальное явление как преступность.

Согласно А.Л. Журавлеву (2011), в связи с коренными преобразованиями в постсоветской России актуальным является изучение феномена социально-психологической зрелости молодежи, т.к. он характеризует особенности как социализированности (конструктивности отношений и взаимодействия с другими людьми и группами людей), так и индивидуализированности личности (автономности, самодостаточности, рефлексии, независимости) [1, с. 44–45].

При этом нахождение в условиях изоляции может блокировать просоциальное развитие личности, т.к. обрываются связи с родственниками и друзьями, формируются преимущественно конформистские или субкультурно-криминальные образцы поведения. В результате осужденные после длительного нахождения в колонии и освобождения из нее не готовы к активной просоциальной жизни на свободе, что часто и выступает одной из детерминант рецидивной преступности. Для разработки программ развития социально-психологической зрелости осужденных молодежного возраста необходимо рассмотрение данного феномена с целью определения особенностей изменения ее компонентов в зависимости от длительности отбывания наказания. Стоит отметить, что проблема социально-психологической зрелости в современной юридической психологии на монографическом уровне еще не изучалась. Учеными-пенитенциаристами (Ю.М. Антонян, А.В. Быков, В.Г. Деев, Д.В. Сочивко, Г.В. Щербakov, Н.А. Полянин, А.В. Наприс, А.А. Истомин и др.) рассматривались отдельные компоненты изучаемого нами феномена, однако этих сведений недостаточно для оказания адресной психологической помощи и поддержки в целях обеспечения в конечном итоге эффективной ресоциализации. Работа по развитию социально-психологической зрелости осужденных имеет важное значение для профилактики рецидивной преступности и является гуманистичной по ее содержанию.

Проведенное нами исследование позволило выявить специфику изменений личностных особенностей, которые необходимо учитывать при планировании и проведении психопрофилактических и психокоррекционных мероприятий в целях повышения у осужденных молодежного возраста социально-психологической зрелости. Эмпирическим объектом стали 228 осужденных молодежного возраста, отбывающие наказание в исправительных колониях общего и строгого режимов содержания УФСИН России по Ярославской области. Основной контингент представляют лица в возрасте от 26 до 30 лет (56%), несколько меньше опрошенных в возрасте от 18 до 25 лет (44%). С целью всестороннего изучения психодинамики социально-психологической зрелости осужденных было сформировано 8 групп осужденных таким образом, чтобы была возможность дифференциации не только по двум возрастным категориям (18–25 лет, 26–30 лет), но и по времени отбывания наказания. С этой целью были определены следующие периоды отбывания наказания: до 1 года (период адаптации к условиям исправительного учреждения), от 1 года до 3 лет (малый срок отбывания наказания), от 3 до 5 лет (средний срок отбывания наказания), свыше 5 лет (длительный срок). Психодинамика социально-психологической зрелости осужденных данной возрастной категории отслеживалась также в выборке осужденных, отбывающих наказание впервые, и в выборке рецидивистов (осужденных, имеющих 2 и более судимостей).

Таким образом, мы имеем возможность проследить изменение личностных параметров социально-психологической зрелости на каждом этапе отбывания наказания в каждой возрастной группе, а также сравнить характер этих изменений не только между двумя возрастными группами, но и между группами с разным криминальным опытом.

Для изучения специфики изменения личностных особенностей под влиянием экстремальных условий жизнедеятельности мы использовали комплекс методик:

1. Методика «16-факторный личностный опросник», 16-PF (форма С Р. Кеттелла) [2]. Опросник предназначен для изучения личностной сферы.
2. Методика «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчека, Г. Келлермана, Г. Конте в адаптации Е.С. Романовой и Л.Р. Гребенникова (LSI) [5]. Методика предназначена для определения жизненного стиля человека на основе выявления особенностей функционирования его механизмов психологической защиты.
3. Индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик (ИТО) [7, с. 44–55]. Методика предназначена для определения индивидуального профиля личности, выделения ее ведущих тенденций, раскрывающих особенности когнитив-

Таблица 1. Средние величины компонентов социально-психологической зрелости осужденных-мужчин 18–25 лет в разные периоды отбывания наказаний

Методика	Шкалы	Период отбывания наказания				Значимость различий
		До 1 года	От 1 до 3 лет	От 3 до 5 лет	Свыше 5 лет	
16 PF C	Е (подчиненность-доминантность)	4,73	4,96	4,21	7,1	***
	G (нормативность)	7,43	8,62	7,0	9,7	***
	H (робость-смелость)	7,0	6,73	7,71	9,35	***
	Q4(расслабленность-напряженность)	4,93	4,54	5,25	2,15	***
LSI	Отрицание	7,67	6,96	7,21	8,55	**
	Регрессия	4,93	4,35	4,75	2,55	**
	Компенсация	5,1	4,31	3,75	3,8	**
	Проекция	7,57	7,31	6,04	6,25	*
	Замещение	4,9	4,08	4,25	2,7	*
	Рационализация	6,73	7,15	6,75	4,85	***
	Реактивные образования	4,87	4,35	3,92	3,05	*
	Общий уровень психозащитного поведения	46,53	43,38	40,88	35,35	***
ИТО	Спонтанность	5,0	5,77	6,13	6,25	**
	Тревожность	4,53	5,0	3,75	4,0	*
	Лидерство	11,07	11,69	13,0	13,5	**
	Зависимость	8,93	9,08	7,88	7,25	*
	Конфликтность	9,2	8,92	7,88	7,25	*
	Компромиссность	9,93	10,0	9,13	8,5	*

Примечание: *- $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; *** - $p < 0,001$

но-стилевых и индивидуально-типологических особенностей.

Для обработки полученных эмпирических данных применялись методы математической статистики с применением статистического пакета Statistica 10.0. При интерпретации результатов эмпирического исследования для сравнения групп применялся непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

Анализ результатов психодиагностического обследования начнем с рассмотрения данных, полученных по методике 16 PF (C) — 16-факторного личностного опросника Р. Кеттелла (форма C). Результаты эмпирического исследования возрастной группы осужденных 18–25 лет представлены в Таблице 1.

Как видно из таблицы 1, не все факторы подвержены изменениям в зависимости от этапа отбывания наказания. В динамике в зависимости от срока отбывания наказаний статистически значимых различий таких факторах как А, В, С, F, I, L, M, N, O, Q1, Q2, Q3 не выявлено. Это характеризует осужденных 18–25 лет на всех этапах отбывания наказания как открытых к общению, склонных к колебаниям настроения в течение дня. Уровень интел-

лекта общей массы — ниже среднего, что может свидетельствовать о конкретности, ригидности мышления, недостаточном уровне вербальной культуры, снижении интеллектуальных интересов, неорганизованности, бедности суждений. Независимо от периода отбывания наказания, осужденные вынуждены сдерживать чувства и эмоции, вести себя спокойно и стабильно. Также можно охарактеризовать осужденных как в меру прямолинейных, практичных, ориентированных на внешнюю реальность, при доминировании конкретного типа мышления. Это можно объяснить тем, что они сосредоточены на решении постоянно возникающих трудных бытовых ситуаций. Стабильно высокий самоконтроль связан с тем, что условия отбывания наказания являются экстремальными, осужденным приходится контролировать свои эмоции и поведение, иметь свои четкие принципы, учитывать общественное мнение, соответствовать групповым стандартам.

Некоторая динамика наблюдается в факторе «Е» (подчиненность — доминантность) — $p < 0,001$. Оставаясь на среднем уровне в течение первых пяти лет (4–5 стенов), наблюдается резкий статистически значимый рост доминантности после 5 лет (7 стенов). Возможно, это говорит о том, что осужденные, длительное время

находясь в условиях лишения свободы, начинают проявлять склонность к авторитарному поведению, демонстрировать отказ от признания внешней власти, независимость, самостоятельность, иногда конфликтность, агрессивность.

Наибольшим колебаниям подвержен параметр нормативности поведения (фактор G) — с 7 до 9,7 стенов: небольшой рост наблюдается в период от 1 до 3 лет отбывания наказания, затем его возвращение на прежний уровень после 3 лет отбывания наказания и вновь его значительный рост после 5 лет ($p < 0,01$). Таким образом, можно предположить, что после 5 лет отбывания наказания у осужденных формируется способность жить по предписанным правилам (формальным и неформальным). И если в исправительных учреждениях за осужденных решают, что правильно, что неправильно, как надо себя вести, а как не следует (т.е. присутствует внешний ориентир в лице представителей администрации и других осужденных), который невозможно игнорировать и которого легко придерживаться), то на свободе такого внешнего ориентира нет, приходится самостоятельно решать, как надо поступать, а это значительно затрудняет адаптацию к условиям на свободе.

Значительные изменения происходят в факторе «Н»: начиная постепенный рост от 7 стенов, к периоду после 5 лет параметр достигает своего пика, достигая отметки 9,4 стена. Можно сказать, что такие особенности, как смелость, решительность, низкая восприимчивость к социальной угрозе возрастают в зависимости от периода отбывания наказания. Вероятно, это можно объяснить тем, что условия исправительных учреждений требуют от осужденных указанных выше качеств для преодоления трудных ситуаций.

Значительное снижение уровня фрустрированности (фактор Q4) наблюдается после 5 лет отбывания наказания (с 5 до 2 стенов), что говорит о том, что уровень психического напряжения у лиц данной возрастной категории падает, и осужденные начинают чувствовать себя в местах лишения свободы довольно расслабленно.

Таким образом, анализируя динамику личностных качеств по методике 16 PF C в возрастной группе 18–25 лет, можно сказать, что наиболее значимые изменения происходят в период после 5 лет отбывания наказания. Осужденные становятся более независимыми, самостоятельными, смелыми, все больше их поведение подчинено принятым нормам, напряженность значительно снижается.

Необходимо также отметить динамику в области психозащитного поведения. Результаты эмпирического исследования осужденных возрастной группы 18–25 лет

по методике LSI («Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х.Р. Конте в адаптации Е.Б. Клубовой) представлены в таблице 1. Как видно из таблицы, обнаружено статистически значимое снижение общего уровня психозащитного поведения ($p < 0,001$) в возрастной группе 18–25 лет в целом, и динамика изменений по всем способам психологической защиты, за исключением подавления. Доминирующими психологическими защитами в данной возрастной группе являются «Отрицание» и «Проекция», которые могут быть отнесены к незрелым формам, при этом, на общем фоне снижения всех видов психологической защиты, механизм «Отрицание» растет. Посредством данного механизма личность отрицает и игнорирует обстоятельства окружающей действительности, вызывающие тревогу и фрустрацию. Действие данного механизма проявляется в том, что обстоятельства, очевидные для окружающих, личностью не принимаются и не признаются. Иными словами, информация, которая может привести к конфликту, не воспринимается и не осознается. В данном случае, под конфликтом подразумевается появление мотивов, противоречащих основным установкам личности, или информация, которая угрожает ее самосохранению, самоуважению и социальному престижу. Такой рост отрицания может говорить о незрелой форме адаптации к условиям исправительного учреждения. Также о незрелой форме адаптации может говорить высокий уровень проекции, под которой понимается приписывание социально неодобряемых качеств окружающим в целях сохранения самоуважения, целостности собственного Я, благодаря чему личность достигает самооправдания.

Общее снижение уровня психозащит в данной возрастной группе возможно говорит о том, необходимость их использования становится нецелесообразным, происходит неосознанное снижение угрозы собственному «Я», личность в данной среде не чувствует необходимости защищаться и отстаивать чувство самоуважения и достоинства с помощью энергозатрат на психозащитное поведение.

Некоторое изменение показателей по методике ИТО Л.Н. Собчик наблюдается в возрастной группе 18–25 лет. Статистически значимый стабильный рост показателя спонтанности ($p < 0,01$) и снижение тревожности ($p < 0,05$) вероятно могут свидетельствовать о том, что длительное нахождение в исправительном учреждении повышает социальную созвучность среде, отношение к окружению становится менее осторожным, поведение становится более раскованным, наступательным, открытым, местами агрессивным, то есть речь идет «сильном» типе поведения.

Перейдем к рассмотрению психодинамики личностных параметров у возрастной категории осужденных

Таблица 2. Средние величины компонентов социально-психологической зрелости осужденных-мужчин 26–30 лет в разные периоды отбывания наказаний

Методика	Шкалы	Период отбывания наказания				Значимость различий
		До 1 года	От 1 до 3 лет	От 3 до 5 лет	Свыше 5 лет	
LSI	Проекция	7,67	6,96	7,21	8,55	*
	Замещение	4,93	4,35	4,75	2,55	*

Примечание: *- $p < 0,05$

молодежного возраста 26–30 лет. Результаты эмпирического исследования данной возрастной группы представлены в Таблице 2.

Как видно из рисунка 2, ни один фактор по методике 16 PF C не подвержен изменениям в зависимости от этапа отбывания наказания, т.е. достоверных различий в динамике не обнаружено ни по одному параметру.

Осужденных возрастной категории 26–30 лет можно охарактеризовать как подверженных аффективным переживаниям, склонных к колебаниям настроения в течение дня. Низкие показатели по шкале интеллекта говорят о конкретности, ригидности мышления, недостаточном уровне вербальной культуры, снижении интеллектуальных интересов, неорганизованности, бедности суждений. Независимо от периода отбывания наказания, осужденные вынуждены «держаться в руках», сдерживать чувства и эмоции, вести себя спокойно и стабильно. Нельзя также не упомянуть о довольно высокой приверженности общепринятым нормам. Для осужденных 26–30 лет характерны такие особенности, как смелость, прямолинейность, решительность, низкая восприимчивость к социальной угрозе. Это можно объяснить тем, что условия исправительных учреждений требуют от осужденных указанных выше качеств для преодоления трудных ситуаций. Также осужденных данной возрастной категории можно охарактеризовать как осторожную личность, которая ориентируется при решении проблем на себя, при этом проявляя к окружающим разумное доверие. Осужденные 26–30 лет в меру практичны, ориентированы на внешнюю реальность, при доминировании конкретного типа мышления. Это можно объяснить тем, что они сосредоточены на решении постоянно возникающих трудных бытовых ситуаций. В зависимости от ситуации возможны проявления как самостоятельности и независимости мышления, так и ориентации на социальное одобрение. Стабильно высокий самоконтроль связан с тем, что условия отбывания наказания являются экстремальными, осужденным приходится контролировать свои эмоции и поведение, иметь свои четкие принципы, учитывать общественное мнение, соответствовать групповым стандартам.

В возрастной группе 26–30 лет отмечены изменения только в росте механизма проекции ($p < 0,05$) и снижении механизма замещения ($p < 0,05$).

Приписывая социально неодобряемые качества окружающим людям, личность сохраняет, таким образом, самоуважение и достигает самооправдания. В беседах с осужденными часто можно услышать, что они оказались в местах лишения свободы, так как им не повезло в отличие от тех людей, которые на свободе до сих пор лишь потому, что не «попались». Механизм «Замещение» используется личностью под влиянием фрустрирующей ситуации и заключается в «разрядке» подавленных негативных переживаний на субъектах, не представляющих опасности. Примером такого поведения может быть разрядка агрессивных импульсов на низкостатусных осужденных, родственниках, нарушении правил внутреннего распорядка. Неадекватность и бессмысленность подобных форм поведения не приводит к решению ситуации, поэтому данная форма психологической защиты снижается, как неэффективная.

В возрастной группе осужденных-мужчин 26–30 лет статистически значимых различий по методике ИТО Л. Собчик также не выявлено (см. Табл. 2).

Таким образом, можно отметить, что наибольшим изменениям подвержена группа осужденных 18–25 лет, и эти изменения особенно очевидными становятся после 5 лет отбывания наказания. Так, осужденные становятся более приспособленными к условиям лишения свободы и начинают чувствовать себя в исправительном учреждении более комфортно, занимая активную жизненную позицию, о чем свидетельствует снижение таких показателей, как тревожность, напряженность, уровень практически всех психологических защит, и повышение таких показателей, как доминантность, смелость, самоконтроль, эмоциональная насыщенность жизни, самомотивация, спонтанность.

В результате анализа динамики личностных качеств в зависимости от длительности отбывания наказания, статистически значимых различий в возрастной группе 26–30 практически не выявлено, в отличие от группы

Таблица 3. Средние величины компонентов социально-психологической зрелости осужденных-мужчин, отбывающих наказание в виде лишения свободы второй и более раз, в разные периоды отбывания наказаний

Методика	Шкалы	Период отбывания наказания				Значимость различий
		До 1 года	От 1 до 3 лет	От 3 до 5 лет	Свыше 5 лет	
16 PF C	G (нормативность)	6,83	7,18	6,7	8,84	***
	H (робость-смелость)	6,65	7,05	7,25	8,13	**
	Q3 (самоконтроль)	6,69	6,59	7,2	7,76	*
	Q4(расслабленность-напряженность)	4,96	5,55	5,48	3,26	***
LSI	Подавление	5,06	4,82	4,52	3,68	*
	Регрессия	5,23	5,34	5,32	2,89	***
	Компенсация	4,88	4,45	4,05	3,53	**
	Проекция	7,15	6,5	5,45	6,53	**
	Замещение	4,9	4,91	5,02	2,61	***
	Общий уровень психозащитного поведения	45,15	43,59	40,95	35,55	***
ИТО	Спонтанность	4,52	5,09	5,75	5,58	**
	Сензитивность	5,04	4,16	4,2	4,05	*
	Тревожность	4,83	4,73	4,11	4,34	*
	Лидерство	9,67	10,5	11,43	11,74	**
	Неконформность	9,15	9,91	10,59	10,34	*
	Конформность	9,88	8,89	8,32	8,39	*
	Компромиссность	9,75	10,05	9,23	8,84	*

Примечание: *- $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; *** - $p < 0,001$

18–25 лет. Это говорит о том, что, будучи незрелыми, молодежь в возрасте до 25 лет попадает под сильное влияние внешних экстремальных условий, присущих исправительным учреждениям, а также влиянию субкультуры. Не найдя себе место на свободе, молодежь старается занять достойную нишу в местах лишения свободы, чувствуя себя после 5 лет отбывания наказания в колонии достаточно комфортно. У молодежи 26–30 лет достаточно внутренних ресурсов для противостояния внешним условиям.

Далее представляется интересным рассмотреть психодинамику личностных особенностей в зависимости от того, к какой категории отнесен обследуемый: отбывающий наказание в исправительном учреждении первый раз, так называемый «первоход», или отбывающий

наказание второй и более раз, так называемый «рецидивист».

Наибольшее количество изменений наблюдается в выборке рецидивистов, результаты эмпирического исследования которой представлены в Таблице 3.

По методике 16 PF C у рецидивистов обнаружены статистически значимые различия в росте параметров G (нормативность поведения), H (смелость) и Q3 (высокий самоконтроль) и снижение параметра Q4 (расслабленность-напряженность). Можно предположить, что с увеличением срока отбывания наказания осужденные-рецидивисты начинают себя чувствовать более комфортно в условиях исправительного учреждения, подчинение своего поведения требованиям норм, по которым функ-

Таблица 4. Средние величины компонентов социально-психологической зрелости осужденных-мужчин, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, в разные периоды отбывания наказаний

Методика	Шкалы	Период отбывания наказания				Значимость различий
		До 1 года	От 1 до 3 лет	От 3 до 5 лет	Свыше 5 лет	
ИТО	Спонтанность	4,83	5,92	3,0	5,5	**
	Тревожность	4,17	4,88	4,2	4,0	*
	Лидерство	10,7	12,17	10,2	12,0	**
	Зависимость	9,26	9,67	9,8	7,5	*
	Конформность	8,78	9,46	9,8	9,0	*
	Компромиссность	9,22	10,0	10,0	9,0	*

Примечание: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$

ционирует колония, не вызывает протеста, а наоборот, принимается. При этом не важно, о каких нормах идет речь — порядке, установленном администрацией учреждения или субкультурными нормами.

О том, что ситуация в исправительном учреждении перестает восприниматься как угрожающая, говорит снижение общего показателя психозащитного поведения (см. Табл. 3), в целом, и уровня отдельных защит, таких как регрессия, компенсация, замещение, в частности. Наблюдается статистически значимый рост показателя «Проекция», под которой понимается приписывание социально неодобряемых качеств окружающим с целью сохранения самоуважения, достигая таким образом самооправдания.

Наибольшая динамика в данной выборке наблюдается по методике ИТО Л.Н. Собчик. Как видно из таблицы 3, наблюдается стабильный рост показателей по шкалам «Спонтанность» ($p < 0,01$), «Лидерство» ($p < 0,01$) и «Неконформность» ($p < 0,05$), при этом констатируется снижение после 5 лет отбывания наказания по шкалам «Зависимость», «Компромиссность», стабильно снижаются показатели «Конформность» ($p < 0,05$) и «Сензитивность» ($p < 0,05$) уже после 1 года отбывания наказания (т.е. после периода адаптации).

Согласно полученным данным, с увеличением срока отбывания наказания, у рецидивистов становится более выраженным «сильный» (гипертимный) тип реагирования, начинает возрастать раскованное самоутверждение, стремление к лидированию, рост тенденции к отвержению устаревших норм и общепринятых канон, что может привести к проявлению антисоциальных форм поведения. У осужденных данной категории

повышается уверенность в себе, снижается ориентация на общепринятые нормы поведения и авторитеты более сильной личности, повышается устойчивость по отношению к средовым воздействиям. Если в период отбывания наказания до 5 лет поведение было направлено на избегание конфликтов и поиск наиболее щадящей социальной ниши, то после 5 лет у осужденных-рецидивистов вырабатывается устойчивая уверенная позиция, где он, чувствуя собственную автономию (один из критериев социально-психологической зрелости), может смело заявить о себе, однако это автономия носит субкультурную направленность и говорит о том, что осужденный занял определенную нишу в субкультурном обществе, где чувствует себя уверенно.

Результаты исследования в выборке осужденных, отбывающих наказание впервые, представлены в таблице 4.

В выборке осужденных, впервые отбывающих наказание, после окончания периода адаптации (после 1 года отбывания наказания) растут такие показатели, как «Спонтанность» и «Тревожность», затем «Тревожность» стабильно снижается, что может говорить об успешной адаптации к условиям исправительного учреждения, а «Спонтанность» возрастает после 5 лет отбывания наказания. Также интересная динамика наблюдается в показателях «Зависимость», «Конформность» и «Компромиссность» на уровне значимости $p < 0,05$: данные показатели стабильно растут вплоть до периода 3–5 лет, а затем, после 5 лет отбывания наказания наблюдается их снижение.

Показатели по шкале «Лидерство» начинают расти после 1 года отбывания наказания, затем снижаются

в период 3–5 лет и снова возрастают в период после 5 лет отбывания наказания. Такая динамика в данной выборке, вероятно, может говорить о том, что механизм адаптации к условиям исправительного учреждения выглядит несколько иначе: до 5 лет отбывания наказания у осужденных, впервые отбывающих наказание, тревожность и неуверенность все же снижается за счет привязанности к объектам окружающей среды, зависимости от них, поиска щадящей социальной ниши, избегания конфликтов. При этом есть два периода, когда возрастают лидерские тенденции: в период 1–3 года отбывания наказания, что может быть связано с попыткой выражения высокой активности в социуме и потребностью занять «ведущее» положение как выборе способа существования в колонии после прохождения периода адаптации, сохраняя при этом зависимость от референтной группы, и после 5 лет отбывания наказания, где подобный всплеск социальной активности может быть связан с тем, что осужденные более смело и осознанно заявляют о своих лидерских претензиях как попытке занять определенную нишу в субкультульном обществе.

Обобщая анализ психодинамики личностных качеств социально-психологической зрелости, можно сказать, те изменения, о которых идет речь (снижение таких показателей, как тревожность, напряженность, уровень практически всех психологических защит, и повышение таких показателей, как доминантность, смелость, самоконтроль, эмоциональная насыщенность жизни, самомотивация, спонтанность) говорит, вероятно, о том, что

уголовное наказание перестает быть наказанием как таковым.

Осужденный начинает успешно встраиваться в структуру действующих отношений, норм и правил, устанавливаемых, с одной стороны администрацией учреждения, с другой стороны сообществом осужденных. Одни осужденные начинают приспосабливаться благодаря занятию определенной ниши в криминальном сообществе, которая придает им статус, права, наполняет жизнь определенным смыслом, другие находят свои плюсы пребывания в исправительном учреждении благодаря тому, что у них всегда есть крыша над головой, питание, чистая постель, а при желании еще и работа. При этом осужденные не сталкиваются с такими трудностями, с которыми неизбежно приходится сталкиваться на свободе — поиск работы, зарабатывание денег, где ответственность за успешность выполнения этих задач полностью ложиться на самого индивида. В исправительном учреждении эти вопросы уже изначально решены. Строгая регламентация правил со стороны осужденных и администрации делает жизнь в колонии для осужденных вполне понятной и организованной. Как показало наше исследование, адаптация и приспособление к подобным условиям проходит вплоть до 5 лет отбывания наказания, после чего начинаются необратимые изменения. Таким образом, основная функция — исправление — после 5 лет выполняется все менее эффективно, а наказание в виде лишения свободы перестает восприниматься как наказание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлев, А. Л. Социально-психологическая зрелость: обоснование понятия // Психологический журнал. — 2007. — том 28. — № 2. — С. 45–54.
2. Капустина, А. Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. — СПб.: Речь, 2001. — 112 с. — (Практикум по психодиагностике)
3. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Собрание законодательства Рос. Федерации. — 2010. — № 43. — Ст. 5544.
4. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации / Данные судебной статистики / <http://www.cdep.ru>
5. Романова, Е. С., Гребенников, Л. Р. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. — Мытищи: «Талант», 1996 г. — 144 с.
6. Ручкин, Б. А. Молодежь и становление новой России // СОЦИС — 1998. — № 5. — С. 90–98.
7. Собчик, Л. Н. Введение в психологию индивидуальности: Теория и практика психодиагностики / Л. Н. Собчик. — [2-е изд.] — Москва: Институт прикл. психологии, 1998. — 512 с.
8. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор РАН Г. В. Осипов. — М.: Издательство НОРМА, 2000. — 488 с.
9. Сочивко, Д. В. Расколотый мир. Опыт анализа психодинамики человека в экстремальных условиях жизнедеятельности. — М.: ПЕР СЭ, 2002. — 302 с.

© Тетеухина Ольга Владимировна (nemo80@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПЛАТОНА И ГУССЕРЛЯ

EPISTEMOLOGICAL STRATEGIES OF PLATO AND HUSSERL

T. Artemev

Summary. The epistemologies of Plato and E. Husserl are compared. Despite the huge historical period dividing traditions from the ancient Greek to the German philosopher and different semantic contexts of the concepts chosen for comparison, it is revealed that for knowledge of true knowledge both philosophers suggest to begin with clearing and contemplative, and to finish speech acts. The difference in philosophers' approaches to the problem of knowledge of the truth is highlighted. The article uses dialectical and phenomenological methods of research, historical-philosophical and comparative analysis of texts.

Keywords: Husserl, dialogue, description of logical concepts, intentional experience, Plato, knowledge of truth.

Артемов Тимур Мурманович

К.ф.н., доцент, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова (Санкт-Петербург)
grantem@ya.ru

Аннотация. Сопоставляются гносеологии Платона и Э. Гуссерля. Несмотря на огромный исторический период, разделяющий традиции от древнегреческого до немецкого философа и разные смысловые контексты выбранных для сравнения понятий, выявляется, что для познания истинного знания оба философа предлагают начинать с очистительных и созерцательных, а заканчивать речевыми актами. Выделяется различие в подходах философов к проблеме познания истины. В статье применены диалектический и феноменологический методы исследования, историко-философский и сравнительный анализ текстов.

Ключевые слова: Гуссерль, диалог, дескрипция логических понятий, интенциональное переживание, Платон, познание истины.

Введение

В предисловии книги А. Н. Уайтхеда «Приключения идей» С. С. Неретина пишет, что автор считал всю философию комментариями к Платону [13, с. 18]. Действительно, количество интерпретаций текстов родоначальника идеализма бесчисленное множество. Есть конвенционально признанные интерпретации платонизма. Так, в советской традиции ссылаются на А. Ф. Лосева, А. Ф. Асмуса, С. С. Аверинцева и других. Сегодня платоноведомы можно полагать Р. В. Светлова, И. А. Протопопову, Т. Робинсона и других российских и зарубежных исследователей. Одним из показателей актуальности античных текстов Платона являются ежегодные международные конференции, организованные Петербургским Платоновским Философским Обществом. Произведения, полностью посвященного исключительно проблемам гносеологии, у Платона нет. Рассуждать об этой теме можно исследовав все труды Платона. В числе прочих существует интерпретация о том, что способ выявить подлинное знание по Платону — это воспоминание (анамнезис) идей. Пример такого рассуждения есть в исследовании проблемы созерцания у Платона и Гуссерля [4, с. 164]. Иная интерпретация у основателя и председателя петербургского Платоновского Общества Р. В. Светлова: «Философское познание начинается с удивления. Удивление же философское — это осознание того, что понятие может мыслиться антиномически. Это удивление стимулирует наставник. А потому так важна форма диалога. Именно в процессе беседы наставляемый начинает «припоминать» то, что в нем заложено априор-

но — как мальчик-раб в «Меноне». Это припоминание в высшей своей форме равно созерцанию. То, что узрели становится предметом нового обсуждения-логоса» [11]. Так, согласно Светлову, познание начинается с удивления, далее этап диалога и потом созерцание с припоминанием. Следует оговорить, что во всех приведенных выше интерпретациях указаны «промежуточные ступени к знанию» наиболее значимые по мнению авторов. Нет сомнения, что, указывая только лишь воспоминание, Иванова-Георгиевская предполагала и другие познавательные акты в гносеологии Платона, но выделила воспоминание как самый важный. При этом, несомненно, есть и другие промежуточные ступени к знанию [12, с. 273]. При этом, важность тех или иных познавательных актов и их последовательность, ведущей к истинному знанию и составляет интерпретацию обширного смыслового поля, имплицитно содержащегося в текстах Платона. Приведем нашу интерпретацию, которая в теории познания Платона по иному расставляет последовательность познавательных актов. Философскому познанию, согласно Платону, предшествуют предварительные очистительные упражнения [8, с. 21]. Платоновед Р. В. Светлов также согласен, что катарсис безусловно необходим — «косматая душа» не способна к удивлению; оттого Сократ так любит общаться с юношеством — те еще чисты. После катарсиса в нашем прочтении Платона следует процесс созерцания, предоставляющий возможность состояться воспоминаниям, а уже потом наступает очередь для размышлений и обсуждения созерцаний в диалоге. Мы указываем на предварительные очистительные упражнения до созерцания и на процесс про-

говаривания, обсуждения истин в диалоговой дискуссии после акта созерцания и воспоминания, а не до него. Итак, обосновывается, что комплекс условий, ведущих к целостному познанию истины по Платону, обобщенно включает в себя три важных последовательных акта:

- α. Совершенствование ума и тела (катарсис).
- β. Созерцание идей (анамнезис).
- γ. Диалог (диалогос).

У Э. Гуссерля вопросы истины раскрываются в его труде «Логические исследования» и в произведении «Идеи», где истина абсолютна и репрезентируется объективным коррелятом очевидности. Смысл познания истины у Гуссерля рассматривается в контексте проблемы чистого сознания. Предмет познания у Гуссерля — это смысловые конструируемые, описывающие трансцендентальный мир, очищенный от естественной установки материального мира. Естественной является ориентация субъекта сознания на внешние по отношению к нему объекты. Гуссерль призывает отказаться от такой установки и утверждает единственный путь на внутреннюю ориентацию сознания в вопросе истины. Вышеназванные смысловые конструируемые у Гуссерля подчинены логическим законам и описывают интенциональные акты сознания, состоящие из переживаний субъекта. Основой для интенциональных переживаний служит непосредственное или интуитивное созерцание, актуализируемое из очищенного феноменологической редукцией сознания. Феномены, трактуемые как истинные, обусловлены четырьмя трансцендентальными актами познания истины:

- a. Феноменологическая редукция.
- b. Интуитивное созерцание.
- c. Интенциональное переживание.
- d. Дескрипция логических понятий.

Приведем некоторые аспекты перечисленных актов познания истины в гносеологии Платона и Гуссерля и сравним их сходства и различия.

1. Катарсис и феноменологическая редукция

Самосовершенствование по Платону состоит из образовательных и аскетических упражнений и в качестве результата таких упражнений — очищение, катарсис разума от не истинных мнений и страстей. Идея катарсиса имеет древнюю историю. Полагая, что с самого начала философу необходимо очиститься от незнания и пороков, затуманивающих разум, Платон следует пифагорейской традиции. Он считал, что от ложных мнений очищает научение, а от таких пороков как бесстыдство, несправедливость, трусость очищает наказание. Научиться можно, перестав приписывать себе, знание того, чего не знаешь, заняться образованием и таким образом

избавиться от невежества. Образованность достигается или через наставление, или через обличение, которое Платон в «Софисте» (227d-231b) называет «благородной софистикой» [8, с. 294]. Обличение, посредством очищения от незнания как такового, способствует научению обличенного и обретению качеств наибольшей чистоты, красоты и счастья [8, с. 293].

Аскетические упражнения по Платону подразумевают упражнения ума и тела — например, знание геометрических начал, атлетические упражнения и другие. Платон классифицирует очищения на два вида: для души в мистическом смысле и для тела в бытовом. По Платону следование аскетическим упражнениям — предпосылка катарсиса, духовного очищения. Согласно диалогу «Федон» (67c-d), использовать упражнения очищения и аскезы нужно для того, «чтобы как можно тщательнее отрешить душу от тела, приучать её собираться из всех его частей, сосредоточиваться самой по себе и жить, насколько возможно, — сейчас и в будущем — наедине с собой, освободившись от тела» [8, с. 18–19] и, таким образом, приблизиться к истинному знанию. Очищению от не истинных мнений способствуют средства очищения: это «и благоразумие, и справедливость, и мужество, и само разумение» [8, с. 21], лишённое чувственного.

Как и Платон, Гуссерль использует очистительный акт. Так, введенное им новое понятие редукции — это детальное описание феноменологическим словарем понятия катарсиса. Феноменологическая редукция Гуссерля сокращает, уменьшает и очищает ментальное от всего, что не имеет онтологического статуса. Феноменология, как наука, начинается с акта редукции, который направляет феноменолога только к сознанию и не рассматривает взаимодействия исследователя с независимой от него, внешней ему реальностью [10]. Гуссерль методично прорабатывает новое понятие, в результате чего выделяет в редукции несколько ступеней. Первая ступень — подготовительное эпохе, затем фаза очищения феноменов сознания от эмпирического содержания, обозначенная Гуссерлем как эйдетическая редукция. Завершает феноменологическую иерархию очищений трансцендентальная редукция, цель которой растворить субъекта в чистом сознании или чистой субъективности «Я». Гуссерль полагал, что именно благодаря трансцендентально-феноменологической редукции становится возможным появление трансцендентальной философии как строгой науки. Так, он писал: «И только вместе с разработкой трансцендентально-феноменологической редукции могло возникнуть понимание того, что трансцендентальная субъективность сознания есть не пустой метафизический постулат, но данность собственного трансцендентального опыта и бесконечная область многообразных отдельных опытов и, тем самым, бесконечных дескрипций и анализов» [2, с. 336].

Платон и Гуссерль используют концепцию очищения в своих теоретических системах. И, несмотря на то, что античное понятие катарсиса не тождественно феноменологическому понятию редукции, философы используют акты с одинаковым содержанием — очищение.

2. Непосредственное созерцание и интуитивное созерцание

Непосредственное созерцание воспоминаний по Платону подразумевает способность немногих к философствованию. По причине недоступности этого акта для всех, Платон описывал его как гносеологический аристократизм. Начало созерцания актуализируется обращением к памяти. Здесь можно выделить два обобщающих момента. Во-первых: припоминанию (анамнезису) предшествуют доступные для созерцания образы идей, открывающиеся только в акте непосредственного интеллектуального созерцания. И, второе: анамнезис содержит воспоминания души об идеях. Душа созерцала идеи в идеальном плане бытия. Концептуально это описывается в «Меноне» (81b-86b), «Федоне» (72e-76e) и «Федре» (250b-d). Знание от сверхчувственного чувственному миру согласно Платону передается так: пребывая в мире идей, душа наблюдает идеи, которые припоминаются.

В философской системе Платона истинное знание не производится в результате процесса познания. Знать можно лишь то, что было всегда, при этом источник знания не находится в чувственном познании. Платон считал непосредственно созерцаемое знание врожденным и воспроизводимым через воспоминание. Он сформулировал космологию, в которой наивысшую ценность имеет идеальный, интеллигибельный мир. Способность человека к воспоминаниям зависит от того, насколько активно он способен созерцать. Поэтому получается, что знание не конструируется заново, это осознается при воспоминании. Вследствие ограниченности, фрагментарное, неосознанное знание ведет к заблуждению.

Созерцание, как сверхчувственное наблюдение идей, важно с познавательной точки зрения, поскольку истина в идеальном мире постигается непосредственно. Как известно, непосредственное познание характеризуется интуицией. Для разграничения философской интуиции от фантазии Платон воспользовался математикой. Геометрия, неотделимая в античности от математики, было знанием онтологическим и, в этом смысле, его истинность и точность выявляется с помощью созерцания. Исходя из этого подобия, акт воспроизведения знания Платон основывал на пифагорейских принципах числовых пропорций и начал в геометрических фигурах (треугольник, куб, додекаэдр и др.). Непосредственно созерцая идеи, философствующий открывает для себя вроде как новое знание, но оно оказывается уже известным.

Особенность этого явления в том, что полученное таким образом знание логически не следует из чувственного опыта, а предшествует ему. Так, в «Меноне» интуиция направляет мышление мальчика раба, не обладающего знанием геометрии, но правильно отвечающего на наводящие вопросы Сократа. Мальчик, не владея законами геометрии, выводит геометрическую теорему. В итоге («Менон» 85c) Сократ риторически вопрошает: «Получается, что в человеке, который не знает чего-то, живут верные мнения о том, чего он не знает?»

Платоновское понимание основ гносеологии, находит своё продолжение в феноменологическом анализе и дескрипции познавательных актов. Во введении к «Ежегоднику феноменологии и феноменологических исследований» 1913 года Гуссерль писал, что для того, чтобы сохранить и обновить традиции в философии нужно вернуться к источникам созерцания и почерпнутым из них усмотрениям. Родоначальник феноменологии, Гуссерль подробнейшим образом разбирает понятие «созерцание», выделяя в нем целостные и частичные, а так же общие и индивидуальные созерцания. Он объяснил, что феноменология стремится привести чистые формы познания к ясности и отчетливости, возвращаясь к адекватно осуществляющему созерцанию. То, что доступно созерцающему исследованию — это интуиции, из которых рождается онтология феноменологии, основанная на познаваемости трансцендентального сознания, наделяющее данности в виде феноменов различными смыслами. Интуитивное созерцание, по Гуссерлю способствует субъекту в познании сущности вещей посредством восприятия их целостного образа.

Размышляя над структурой созерцания, Гуссерль все-сторонне демонстрирует, как именно происходит познание единичных вещей. Поскольку иерархия сущностей устроена по принципу взаимопроникновения высшего в низшее, постольку любая вещь, обладая своими сущностными характеристиками, подвержена усмотрению своей сущности на базе чувственного созерцания. Он отрицает сверхчувственный характер созерцания. Созерцание, лишаясь в феноменологии способности к выявлению сверхчувственных объектов, становится чувственно фундированным познанием и является аргументом для обоснования феноменологии как науки. Истинность полученного знания при этом ставится в зависимость от установки, в соответствии с которой «сфера абсолютных истоков — доступно созерцающему исследованию и несет на себе бесконечную полноту доступных ясному усмотрению познаний, отмеченных величайшим научным достоинством» [2, с. 281].

Обосновывая своё убеждение в отрицании сверхчувственного характера созерцания, Гуссерль писал: «Априорные истины не так легко получить, как казалось

в прежние времена. Как подлинные сущностные истины, они появляются в аподиктическом усмотрении только из изначальных источников созерцания. Эти источники, однако, должны быть раскрыты правильно. Они могут стать плодотворными только благодаря методическому подходу» [2, с. 302]. Мэтр феноменологии указывает, что бывают случаи неверного отнесения актов к созерцанию: «не каждый акт, в котором нечто подразумевается, есть созерцание, и не каждое созерцание есть адекватное созерцание, т.е. заключающее в себе свой предмет всецело и без остатка» [3, с. 125]. При этом он убеждает философов в том, что случаи, когда к созерцанию могут относиться опосредованное познание, хотя созерцание как таковое не состоялось, нужно считать ошибкой.

Выделим сходство трактовки созерцания по Платону и по Гуссерлю. Оба философа в своих трудах утверждали, что перед философией стоит одна главная задача — это постижение истины. Сходство концепта «созерцание» заключается в его использовании для выявления основы истинного знания непосредственным образом, используя математические основания, как древним, так и современным философом. Так, Платон выразил идею истинного знания, следуя известным геометрическим пропорциям. Гуссерль дополнил Платона в том, что не все разнообразные формы созерцаемых данностей следует признать точными и их нельзя сравнивать и путать с математическими [3, с. 227]. Основатель феноменологии при поисках основания всеобщего и необходимого знания предписывает исходить из ясных и очевидных данных сознания, соответствующих его принципу всех принципов: «любое дающее из самого первоисточника созерцание есть правовой источник познания, и все, что предлагается нам в «интуиции» из самого первоисточника...» [1, с. 46].

3. Диалог и интенциональное переживание с дескрипцией

Условия познания истины по Платону лежат не только в способностях отвлечения мышления от телесных ощущений и в созерцании, но и, как сказано в «Филебе» (39с), в выраженности речью. При этом для нас, очевидно, что «философствование и философствование посредством диалогов для Платона тождественны» [14, с. 228]. Озарение, полученное в непосредственном созерцании философу необходимо обсудить. Для того, чтобы не ошибаться в следовании истине, следует поговорить с другими и получить согласие от них в том, что знание истинное. Поскольку наша речь обладает двойной референцией — к вещам и к идеям, важнейшей проблемой является тема мимесиса [9]. Интуитивно кажется, что существуют «миметические отношения между языком и реальностью» [12, с. 274]. Однако, для Платона акт проговаривания истинного знания в диалоге перекидывает

мост между чувственным миром и сверхчувственным идеальным бытием. Диалог способствует тому, чтобы к предшествующему созерцанию души образа истинной идеи присоединяются понятия. Таким образом, осознанию истины способствует речевой акт именованной истинной идеи в диалоге. Так, в «Кратиле», имена отражают суть вещей, как материальных, так и идеальных. Однако, только именованная недостаточно, акты именованная Платон объединяет с актами познания, понимания. Согласно его диалогам то, что невозможно назвать непознаваемо в принципе. Платон писал в «Пармениде» об одномоментности этих процессов. В том случае, когда к проблеме ставится осмысленный вопрос, понимание как таковое уже состоялось и остается его лишь проговорить. Аргументом в пользу последнего утверждения является тот факт, который демонстрирует нам, что на выявление истины через форму диалога с вопросами и ответами направлены все без исключения тексты Платона. Там, где существует сформулированный вопрос и ответ, в философии Платона и создаются уже достаточные условия для выявления и познания истины. В результате совмещения таких перечисленных актов как очищение, созерцание образа идеи, её именованная через диалоговую речь и возникает феномен познания истинного знания.

Перейдем к стратегии Гуссерля. Интенциональное переживание Гуссерль трактует как концентрацию внимания на потоке модусов и способов данности коррелятов сознания. Акт основан на скрытых механизмах чистого сознания и проявляет глубинные субъективные переживания. Он является промежуточным между феноменологической редукцией и созерцанием как предваряющими и необходимыми начальными условиями для истинного познания и дескрипцией логических понятий как завершающим феноменологическим актом познания истинного знания.

Выделим некоторые аспекты понятий «переживание» и «интенция». Поскольку любой опыт переживается, можно ухватить саму доподлинность, анализируя переживания через восприятие. Субъект направляет внимание на собственные восприятия, образы, радости и печали, надежды и страхи, воления и желания и тому подобные реально происходящие в сознании события. При этом мышление тоже рассматривается Гуссерлем как переживание [3, с. 139]. Интенцией Гуссерль обозначает представления в виде модуса сознания. Анализируя интенциональное сознание, Гуссерль объяснил, как именно смысл истины и познания связан с актами сознания. Для примера он указывал на очевидность математических аксиом. Для постижения математических истин, нам необходимо обладать ясным сознанием, с помощью которого мы схватываем суть аксиом. Для полной ясности сознание оборачивает интенцию на себя,

только в этом случае достигается истинное положение дел. Интенциональное переживание — это обобщенное понятие, подразумевающее под собой акт нахождения истины через описание дескриптивным анализом понятий сущности переживания интенции. При восприятии слов наше внимание всегда направлено на выражаемый смысл. Если размышлять о смысле интенционального акта, то вместо познаваемого предмета можно усмотреть саму истину. Для познания этой истины и предназначено интенциональное переживание. При этом под интенциональными переживаниями Гуссерль понимает такие переживания, которые не связаны с эмпирической реальностью [7, с. 444]. Следует учитывать, что интенциональное переживание эффективно, только если сознание обрабатывает такую чувственную способность как восприятие. Переживания ощущений отмечается Гуссерлем как вид, не ведущий к истинному познанию вследствие того, что ощущения (в отличие от восприятий) нагружены естественной установкой.

Последним пунктом в программе поиска истины у Гуссерля значится феноменологическая дескрипция. Ей предшествуют феноменологическая редукция, созерцание и интенциональное переживание. Феноменологическая дескрипция логических понятий характеризует «реконструкцию феноменологического метода в целом» [10, с. 294]. Гуссерль писал, что методы: «трансцендентальной редукции, интенционального самоистолкования раскрытого посредством этой редукции трансцендентального Его, неотделимы от систематической дескрипции в логической форме интуитивной эйдетики» [2, с. 439]. В дескрипции логических понятий феноменология предлагает описания определений родов и видов. Кроме того, предлагаются описания восприятий и суждений как таковых и присущие им а priori всеобщности [3, с. 28–29]. Дескриптивное, но не эмпирически-психологическое понимание переживаний придает логическим понятиям твердые значения, отображает суть происходящих процессов и актов сознания [3, с. 18]. В этом акте выявления истины феноменолог описывает феномены сознания как понятия. В дескрипцию включено описание таких логических понятий как знак, значение, смысл, содержание, единство и множество, часть и целое, переживание, представление, суждение, чувство и т.п. Роль понятия трансцендентального Я, которое Гуссерль описывает как центр сознания заключается в том, чтобы стать центром идентификации, «позволяющим провести водораздел между мной и другим, между моими переживаниями и переживаниями другого» [5, с. 64]. Для взаимопонимания с другими используются такие дескриптивные свойства речи как символические звуковые или письменные знаки [3, с. 76].

Как и Платон, Гуссерль предлагает познавать истину, исследуя понятия, но уже с включением в свою систему

таких категорий субъективности как интенция и переживание и используя акт дескрипции логических понятий. Так, он пишет: «Логические понятия, как обладающие значимостью единицы мышления, должны иметь свой источник в созерцании; они должны вырастать благодаря абстракции на основе определенных переживаний» [3, с. 17]. Поток переживаний может изменять смысловое содержание воспринятого, при этом самотождественность и единство определений воспринятого в интенциональном акте сохраняется. Переживание по Гуссерлю всегда связано со смыслом, однако понятийно не описанный смысл переживания содержится в скрытом виде, а философ жаждет описать его и таким образом сделать истинным. Дескрипция есть предварительная ступень теории, её аксиома, которую нет нужды доказывать, но исходя из неё, можно развивать истинное знание. Поэтому, для Гуссерля описать актом дескрипции смысл логического понятия является научно обоснованным шагом к истине.

Среди последних трех предложенных для сравнения актов концептуальным сходством обладают диалог и дескрипция. Оба акта относятся к сфере языка и имеют одну задачу, а именно — озвучить или описать посредством языковых знаков истинное знание. Согласно Платону, полученные иррациональным путем образы идей, переводятся в рациональный вид через диалоговую речь. По Гуссерлю, феноменологическое описание разворачивается как подтверждение и прояснение истинного и ложного в области суждения посредством символических звуковых или письменных знаков [10, с. 301].

Однако, если Платон в диалоге, как финальном шаге к познанию истины, демонстрирует выраженную в речи диалектическую последовательность мысленных размышлений, то Гуссерль посредством дескрипции репрезентирует результат феноменологического опыта. Дескрипция по Гуссерлю — это описание реальности, а точнее опыта воспринимающего переживания и воспринятой реальности, выраженного в логических понятиях. При этом, между созерцательным актом и дескрипцией логических понятий располагается интенциональное переживание. Девиз Гуссерля «назад, к самим вещам» показывает суть различия подходов Платона и Гуссерля к основам познания. Если у Платона эта основа идеи, то у Гуссерля это субъективный мир предметности. Следует вспомнить тот факт, что Гуссерль разводит в разные стороны проблему вещей и проблему смысла [1, с. 29]. Ведь к одному и тому же предмету можно относиться с различными смыслами, но только при восприятии вещей происходит истинное совпадение предмета с самим собой [6]. При этом, мыслительная деятельность, хотя и является частной разновидностью переживания, не играет для него ведущей роли.

Заключение

Согласно Платону, истинность определяется по отношению к знанию благодаря очищению от неистинных мнений, созерцанию и разумному обсуждению в диалоге. По Платону, познавать и транслировать истину можно лишь в ситуации, когда собеседник согласен с адекватностью выводимых доказательств. Для него очевидно что, истина выражается через высказывания, формулируемые с помощью понятий. Гуссерль также конституирует язык, поскольку только в языке суждения имеют смысл. Поэтому, в поиске истины он описывает понятия актом дескрипции. По Гуссерлю, истина, так же как и по Платону, познаваема с помощью понятий, однако очевидность истины достижима посредством индивидуального внутреннего переживания феноменов. Гуссерль отвергает истинность ощущений и в этом он следует Платону. Чувственные способности человека помимо ощущений включают ещё восприятия и представления, а познание истинного знания основано у Гуссерля на восприятии и поэтому системы философов различны. При этом, феноменология становится критикой познания. Создать строго научную философию — вот задача, которую старался решить Гуссерль построив систему

феноменологии. Для этого он предложил такой акт очищающего характера как феноменологическая редукция. Мы подчеркиваем концептуальное сходство актов катарсиса и феноменологической редукции ($\alpha = \alpha'$). Затем, феноменолог в пространстве чистого сознания из интуитивного созерцания выявляет первые метаданные. Подчеркиваем концептуальное сходство актов ($\beta = \beta'$). Далее, Гуссерль открывает новый познавательный акт, способствующий познанию истины — интенциональное переживание.

Финальные акты познавательной программы Платона и Гуссерля кардинально различаются ($\gamma \neq \gamma' + d'$), хотя и имеют общую цель — сформулировать истину с помощью понятий. Платон привлекает язык в качестве средства для выражения истинной мысли. Гуссерль действует иначе, он создает научный словарь и синтезирует чувственную способность интенционального переживания с дескрипцией логических понятий. Поскольку научная истина, руководствуясь логикой, опирается и на рациональное мышление, и на чувственный опыт, основатель феноменологии успешно решает задачу обновления теоретико-познавательной традиции до научной философии трансцендентализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. I. Общее введение в чистую феноменологию. М.: ДИК, 1999. 336 с.
2. Гуссерль, Э. Избранные работы / Сост. В. А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 464 с.
3. Гуссерль, Э. Собрание сочинений. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1). М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001. 471 с.
4. Иванова-Георгиевская, Н. А. Феноменология Э. Гуссерля в свете учения Платона о роли созерцания разума в познании // *Доξα/Докса*. Т. 1. Вып. 8: Греческая традиция в современной культуре. Одесса: ОНУ, 2005. С. 160–170.
5. Крюков, А. Н. Единство сознания: трансцендентальное Я и/или интенциональное самосознание // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*, 2015. Т. 157, кн. 1. С. 58–65.
6. Молчанов, В. И. Проблема культуры с точки зрения феноменологии сознания // *Вестник Самарского государственного университета*, 2001. № 3. С. 5–16.
7. Мотрошилова, Н. И. Идеи I Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: «Феноменология — Герменевтика», 2003. 720 с.
8. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид / Пер. с древнегреч. Общ. ред. А. Ф. 10. Лосев, В. Ф. Асмус, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1999. 528 с.
9. Протопопова, И. А. «Государство» Платона — идеальный мимесис? // *Логос*, № 4 (83), 2011. С. 89–100.
10. Серкова, В. А. Феноменологическая дескрипция. СПб. Изд-во СПбГУ, 2003. 320 с.
11. Светлов, Р. В. Эпистемологические парадоксы в античной философии. — лекция 1. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=3&v=CN0bB0vXJz0 — (дата обращения 11.12.2018).
12. Трушина, М. А. О парадигмах и парадигмальности у Платона // *Универсум Платоновской мысли: Платон и современность. Материалы XXIV научной конференции*. СПб. 2016. С. 267–276.
13. Уайтхед, А. Н. Приключения идей / А. Н. Уайтхед; перевод с англ. Л. Б. Тумановой; / Науч. ред. С. С. Неретина. — М.: ИФРАН, 2009. — 383 с.
14. Gutschmidt, H. Plato and Gadamer. On the concept of the philosophical dialogue // *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*. 2017. т. 33. Вып. 3. С. 282–288. URL: <https://philosophyjournal.spbu.ru/article/view/423/375> (дата обращения 11.12.2018).

© Артемьев Тимур Мурманович (grantem@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗАКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО И ТИРАНИЯ

CLOSED SOCIETY AND TYRANNY

**E. Erokhina
A. Markova**

Summary. the article: deals with the essence, background, process of formation and features of a closed society, as well as its political system. The closeness of a society means closeness to one, several or many types of its environment. Accordingly, the degree of closure changes. The desire to achieve autarky can be both the root cause of the "closure" of society, and the result of the actions of other States (sanctions, cold war, and the like). The desire to achieve autarky concerns all aspects of society: economic, political, cultural, ideological. The result of the attainment of self-sufficiency is the aggressiveness of the external and (or) internal policies, as a closed society cannot obtain the necessary resources in a civilized manner. Once closed, society loses the possibility of self-organization and, as a rule, becomes organized by the state. Closed societies with their political system have either authoritarianism or (more often) tyranny. The organization of a closed society by the state makes possible the complete or partial monopolization of all aspects of public life, including political and economic, and it, in turn, leads to bureaucracy, which is expressed in the fact that bureaucracy substitutes its functions with the goals of bureaucrats.

Keywords: closed society, autarky, tyranny, totalitarianism, authoritarianism, Plato.

Ерохина Елена Анатольевна

*Д.э.н., профессор, Томский государственный педагогический университет
erohina_ea@mail.ru*

Маркова Анна Владимировна

*К.э.н., доцент, Томский государственный педагогический университет
mavl106@mail.ru*

Аннотация. в статье рассматриваются сущность, предпосылки, процесс формирования и особенности закрытого общества, а также его политический строй. Под закрытостью общества понимается закрытость по отношению к одному, нескольким или многим видам его среды. Соответственно, меняется и степень закрытости. Стремление к достижению автаркии может быть как первопричиной «закрытости» общества, так и следствием действий других государств (санкции, холодная война и тому подобное). Стремление к достижению автаркии касается всех аспектов жизни общества: экономического, политического, культурного, идеологического. Следствием стремления к достижению автаркии является агрессивность внешней и (или) внутренней политики, т.к. закрытое общество не может получить необходимые ему ресурсы цивилизованным путем. Став закрытым, общество теряет возможности самоорганизации и, как правило, становится организованным со стороны государства. Закрытые общества своим политическим строем имеют либо авторитаризм, либо (чаще) тиранию. Организуемость закрытого общества со стороны государства делает возможной полную или частичную монополизацию всех сторон общественной жизни, включая политическую и экономическую, а она, в свою очередь, приводит к бюрократизму, который выражается в том, что бюрократия подменяет свои функции целями бюрократов.

Ключевые слова: закрытое общество, автаркия, тирания, тоталитаризм, авторитаризм, Платон.

Некотрые общества в мире является «закрытыми». Полагаем, что термин «закрытость» в отношении социальных систем можно применять только в кавычках, так как совершенно закрытым социум не бывает. Общество может быть открытым по отношению к одному или нескольким видам среды, а к другим видам среды — закрытым. Следовательно, открытость или закрытость социальных систем можно рассматривать исключительно относительно определенного вида среды.

«Закрытые» общества можно встретить намного реже, чем открытые. Тем не менее, история знает множество закрытых обществ. Так, К. Поппер считает закрытыми обществами племенное и коллективистское общество, Й. Шумпетер считал закрытым социалистическое общество (разумеется, в тех примерах, которые были ему известны). Закрытыми обществами являются восточные деспотии, называемые К. Марксом азиатским способом производства, в том числе и Япония до рево-

люции Мэйдзи, а также милитаристская Япония с 30 гг. XX века до конца Второй Мировой войны. «Закрытыми» обществами были также: фашистские Германия и Италия; СССР, Кампучия (ныне Камбоджа), Вьетнам и т.д. К. Поппер среди закрытых социальных систем особенно выделял магические общества [6, С. 218], однако это корректно лишь отчасти. Это связано с тем, что магические общества в небольшой мере закрыты в информационном аспекте относительно остального социума (который служит средой магического общества), однако они, если не являются тоталитарными сектами, открыты к остальным видам среды: так, желающие могут свободно становиться их членами и выбывать из состава магического общества, они могут делиться своими познаниями с окружающими и т.п.

С точки зрения системного анализа и концепций самоорганизации закрытые общества обладают следующими чертами:

- ◆ сужение параметров обмена с внешней средой по входам и выходам;
- ◆ закрытые общества организуемы государством (а не самоорганизуемы);
- ◆ закрытые общества сохраняют основные характеристики своей структуры и функционирования длительное время;
- ◆ «закрытые» общества стремятся к автаркии, однако полностью достигнуть ее не могут, поскольку часть товаров они импортируют, часть — экспортируют;
- ◆ закрытые общества имеют низкие темпы развития, хотя темпы экономического роста могут быть достаточно высокими (например, темпы экономического роста послевоенного СССР);
- ◆ закрытые общества имеют консервативные общественную структуру и социальные нормы.

Рассмотрим данные свойства «закрытых» обществ подробно.

«Закрытым» общество становится вследствие двух возможных причин: стремление других государств с помощью политических, идеологических и экономических действий по той или иной причине (чаще — идеологической или политической) отстраниться от государства, которое является политической надстройкой будущего закрытого общества, а также стремление государства по тем или иным причинам (также чаще идеологическим или политическим) к автаркии. Поэтому низкая доля внешней торговли является характерной чертой и для восточных деспотий, и для современных закрытых социумов. Стремление к достижению автаркии характерно для многих сторон жизни «закрытых» обществ.

Открытое общество может получить многие товары и услуги посредством обмена с другими странами, а «закрытое» общество производит само, часто с большими затратами ресурсов. В случае, если у «закрытого» общества есть ресурсы для производства всего, что ему нужно, попытка достижения автаркии приведет к экстенсивности экономического роста (часто — и к замедлению темпов экономического роста) и к торможению научно-технического прогресса

«Закрытость» общества, по какой бы причине она ни была достигнута) приводит к тому, что сначала внешняя, а затем часто и внутренняя политика таких обществ становится агрессивной, что может иметь следствием войну с внешним и/или внутренним врагом, что объясняется тем, что они не могут получить нужные товары или ресурсы цивилизованным путем.

Л. Мизес полагал, что СССР не мог пожаловаться на бедность ресурсами [3, С. 130–131], однако это не со-

всем так: СССР в течение становления закрытости общества (конец 1920-х — начало 1930-х годов) и, тем более, ранее, был преимущественно сельскохозяйственной страной, что явилось наследием царской России. Поставленная властью цель индустриализации экономики требовала привлечения больших денежных средств и миграции большей части населения. У СССР были природные ресурсы, но не было новой техники, новых технологий (и их не откуда было взять из-за «закрытости» общества), квалифицированных рабочих.

Формой политического устройства «закрытого» общества является либо авторитаризм, либо тирания (деспотизм) в том понимании, которое вкладывал в эти термины Платон. Какими же чертами обладает тирания?

Во-первых, тиран поднимает восстание против тех, кто имеет собственность [5, С. 384]. Во-вторых, обладая властью над послушной толпой, он не может воздержаться от пролития крови соплеменников, он привлекает их к суду по несправедливым обвинениям и убивать их [5, С. 384]. В-третьих, тиран стремится вовлечь своих сограждан в войны, чтобы они чувствовали нужду в предводителе [5, С. 385]. В-четвертых, людей, заподозренных в инакомыслии, тиран уничтожает под предлогом того, что они служат врагу [5, С. 386] (и здесь ведение войны выгодно тирану). «Чтобы сохранить за собою власть, тирану придется их всех уничтожить, так что в конце концов не останется никого ни из друзей, ни из врагов, кто бы на что-то годился» [5, С. 386].

Государство в «закрытом» обществе является внешней по отношению к нему силой (в той части, в которой оно диктует правила игры — законы, подзаконные акты и т.д.). Социальные связи и отношения в «закрытом» обществе являются большей долей опосредованными государством. Нередко мотивом поведения индивида в «закрытом» обществе является страх, так как хотя предприятий много, но их собственником или заказчиком выступает государство, которое и является истинным и единственным работодателем. Чтобы выжить в «закрытом» обществе, индивиды, не согласные с идеологией и/или политикой государства, вынуждены скрывать свои убеждения, поскольку государство в «закрытом» обществе считает правильным принцип: «Кто не подчиняется, тот не ест» [7, Р. 67]. Политический режим «закрытых» обществ имеет характер либо тоталитаризма, либо авторитаризма.

Тоталитаризм представляет собой внедрение государства в сферы общества, которые в открытом обществе обычно либо не регулируются вообще, либо подвержены мягкому и ненавязчивому регулированию [3, С. 20–21]. В «закрытом» обществе наблюдается вмешательство государства не только в экономику и поли-

тику (которое в открытых обществах ограничивается законодательным регулированием и регулированием экономики), но и культуру, и идеологию. Совершенно верной представляется мысль Ф. Хайека, который писал, что в «закрытых» обществах все вопросы трансформируются в политические, а также, с нашей точки зрения, идеологические.

Закрытое общество основано преимущественно на прямых связях, обратные связи, особенно между производителями и потребителями крайне затруднены. Следовательно, закрытое общество является более упрощенным, чем открытое.

Коммунизм, который К. Марксу виделся ассоциацией свободных товаропроизводителей, по сути, не состоялся, а попытки его построить «стараниями» руководителей социалистических государств превратили идею К. Маркса в ее противоположность на практике.

В «закрытом» обществе произошла подмена функции удовлетворения потребностей индивидов целями государства. В результате дифференциация населения по денежному, материальному положению, а также культурная дифференциация сглаживались, что очень неплохо, имея в виду, что высокий уровень дифференциации (особенно по денежному и материальному положению), наблюдаемый в постсоветской России, препятствует увеличению темпов экономического роста.

Неизбежным следствием «закрытости» социума является увеличение управленческого аппарата и бюрократизм. Например, в начале 1920-х гг. в СССР было 59 органов управления и планирования, в 1970–1980-м гг. в СССР было 150 министерств [2, С. 77; 1, С. 258], а количество управляющих достигло 17 млн. человек. Бюрократия в «закрытом» обществе подменяет свои функции собственными целями (что и является бюрократизмом). Преимущественным видом связей в «закрытом» обществе является административный вид связи (который известный экономист Янош Корнаи называл бюрократическим), который характеризуется тем, что имеют вертикальный (так как осуществляются между субъектами разных уровней) и регламентированный вертикальный характер, могут быть как опосредованы деньгами, так и не опосредованы.

Можно согласиться с мнением Л. Мизеса, утверждавшего, что борьба с бюрократизмом в «закрытом» обществе невозможна, так как бюрократизм — это последствие закрытости общества.

Подавляющая часть «закрытых» обществ, как в прошлом, так и в настоящем, основывались на государственной собственности. Тем не менее, собственность была

огосударственной не во всех закрытых социумах. В фашистской Германии, Италии и Японии 1930-х — 1940 гг. собственность формально была частной, но бизнес мог использовать средства производства с ограничениями. Так, в Германии 1930–1940-х гг. государство лимитировало сумму прибыли; диктовало кадровую политику фирм; вмешивалось в процесс ценообразования и установления процентных ставок частными банками и т.д. [3, С. 55–60; 4, С. 117].

Огосударствление экономики в «закрытом» обществе является **монополизацией экономики**. Некоторые авторы (например, Вальтер Ойкен) считают, что монополизация экономики приводит к «закрытости» общества. Мы не можем с этим согласиться, поскольку:

- ◆ “после — не значит вследствие”; кроме того, известны случаи «закрытых» обществ с низким уровнем монополизации;
- ◆ есть примеры обществ, которые имели высокий уровень монополизации, которые не стали «закрытыми» (США).

Тем не менее, каким образом высокий уровень монополизации экономики способствовал формированию «закрытых» обществ? Монополии повышали устойчивость национальной экономики, подавляли возникающие в экономике флуктуации, однако монополии провоцировали появление дефицита товаров. Следствием этого было удаление «закрытого» общества от состояния равновесия. Если удаленность от равновесия становится критической по своим показателям, наступает бифуркационный период, который сопровождается хаосом (пример — «великая депрессия» [1]). В бифуркационном периоде и в течение некоторого времени после его окончания либо формируется новая траектория развития общества, и оно становится либо открытым (и, следовательно, выбирает траекторию своего развития из возможных по уровню его развития), либо общество становится «закрытым».

Возникает вопрос, имеются ли предпосылки формирования «закрытости» общества, и оказывается, что их существует несколько видов.

1. Экономические предпосылки «закрытости» общества:

- ◆ экономическая подсистема общества находится в фазе кризиса среднесрочного экономического цикла (которая характеризуется снижением объема производства, уменьшением номинальной и реальной заработной платы, высоким уровнем безработицы, массовыми банкротствами);
- ◆ монополистический характер экономики;
- ◆ высокий уровень огосударствления экономики;
- ◆ увеличение налогов на доходы физических лиц;

- ◆ низкие социальные расходы и, при этом, широкие льготы товаропроизводителям;
- ◆ низкий уровень индустриализации или модернизации экономики.

Экономические предпосылки закрытости социума имеют следующий механизм действия: они приводят к увеличению «спроса» на сильную власть. Наиболее силен этот «спрос» в России с ее большой территорией, протяженными границами и большим количеством народов, ее населяющих. В таких странах государство является едва ли не единственной связующей общество силой. В современной России предпосылки закрытости сохраняются, поэтому не исключена возможность формирования «закрытого» общества и пользоваться популярностью авторитарные правители.

2. Политические, идеологические, культурные предпосылки закрытости общества:

- ◆ социалистические или националистические лозунги;
- ◆ высокая плотность населения при небольшом пространстве или наоборот, низкая плотность населения при большом пространстве, порождающая потребность в «ежовых рукавицах» власти;
- ◆ особенности менталитета;
- ◆ действия политических структур других государств (так, современную Россию пытаются сделать закрытой при помощи санкций, также как СССР после Второй Мировой войны стал закрытым из-за действий стран Запада, особенно Великобритании и США — стоит вспомнить хотя бы знаменитую речь Черчилля в американском Фултоне, после которого началась «холодная война» и СССР снова стал закрытым).
- ◆ высокая доля и роль бюрократии;
- ◆ в прошлом имелся опыт закрытости общества.

Отличительной чертой, относящейся как непосредственно к «закрытому» обществу, так и к его предпосылкам, является тирания или автаркия. Платон считал, что тирания берет начало в демократии. Механизм превращения в тиранию он описывает так: поскольку «все чрезмерное обычно вызывает резкое изменение в противоположную сторону» [5, С. 381], то чрезмерное стремление к свободе, характерное для демократии, приводит к тирании. Демократия, в конечном счете, приводит к тому, что народ перестает считаться с законами [5, С. 381].

Платон полагал, что в условиях демократии существуют три социальных слоя: трутни (находящиеся у власти и приближенные к ним), богатые и малоимущие люди [5, С. 382–383]. Возмущение малоимущих своим положением приводит к тому, что власти перераспределяют средства у богатых людей и распределяют их среди

малоимущих, оставляя большую часть себе, а имущие защищают себя: «И хотя бы они и не стремились к перевороту, кое-кто все равно обвинит их в кознях против народа и в стремлении к олигархии. ... В конце концов, когда они видят, что народ, обманутый клеветниками, готов не со зла, а по неведению расправиться с ними, тогда они волей-неволей становятся уже действительными приверженцами олигархии. ... Начинаются обвинения, судебные разбирательства, тяжбы» [5, С. 383]. Поскольку народ привык возвеличивать кого-то одного, то тиран вырастает именно из этого корня, как ставленник народа [5, С. 383–384]. Действительно, во всех будущих «закрытых» обществах наблюдались подобные процессы.

Тогда возникает еще один вопрос — какой же политический строй влечет за собой тирания? Платон полагал, что различные виды государств возникают друг из друга в определенной последовательности [5, С. 243–284, С. 355–420]:

- ◆ из аристократического (идеального) правления возникает тимократия,
- ◆ из тимократии — олигархия,
- ◆ из олигархии — демократия,
- ◆ из демократии — тирания.

Поскольку других видов государственного устройства Платоном не описано, то, руководствуясь его словами о том, что смена политического устройства происходит циклично [5, С. 358], можно предположить, что тирания должна приводить к созданию аристократического (идеального) государства, чтобы цикл завершился. Однако в действительности этого не происходит. Данный факт можно объяснить тем, что в чистом виде типы государства встречаются редко, а отклонения и нелепые сочетания [1, с. 359–547;] черт государственных устройств разных видов мешают установлению идеального государства и общества.

Многие общества, которые ранее были закрытыми (например, Россия, Германия), с помощью «демократических» государств переходят к так называемому «демократическому» правлению, которое на самом деле (как и у государств, которые помогают им в этом переходе) есть ни что иное, как тимократия (по терминологии Платона), т.е. власть честолюбцев, власть богатых. Даже если нет имущественного ценза для попадания в органы власти, у человека необеспеченного практически нет шансов даже для прохождения в олицетворяющий демократию институт — парламент. Тогда как демократия подразумевает не только равенство гражданских прав, но и равенство замещения государственных должностей [5, С. 360]. Так что демократическая природа большинства современных «демократических» государств, включая США и большинство развитых стран Европы, в свете учения Платона о типах государственного устройства, вызывает серьезные сомнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. — М.: Владос, 1994. — с. 336.
2. Мау В. Бюрократизм и плановое хозяйство: исследования первого послереволюционного десятилетия //Вопросы экономики. 1989. — № 12. — С. 75–86.
3. Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность: Пер. с англ. — М.: Дело, 1993. — с. 240.
4. Ойкен В. Основные принципы экономической политики: Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1995. — с. 496.
5. Платон. Государство // Платон. Сочинения: Пер. с древнегреческого /Под общ. ред А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. В 3-х томах. Т. 3. Ч. 1. — М.: Мысль, 1971. — с. 687.
6. Поппер К. Открытое общество и его враги: Пер с англ.: В 2-х тт. Т. 1. — М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — с. 448.
7. Gray J. Liberalism. — Bristol, 1986. — X1, с. 106.

© Ерохина Елена Анатольевна (erohina_ea@mail.ru), Маркова Анна Владимировна (mavi106@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Томский государственный педагогический университет

МУНИЦИПАЛЬНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

MUNICIPAL SELF-GOVERNMENT IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS AND SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS

L. Kleshneva

Summary. the article deals with the socio-philosophical aspects of the phenomenon of local self-government in Russia, which has a long history and theoretical developments in its development. The main problems of formation of modern municipal self-government in the country are revealed on the basis of the analysis of the basic political and legal documents: the Basic Law of the Russian Federation, Federal law No. 131, etc.

Keywords: municipal self-government, social and philosophical aspects of management, powers of local self-government, efficiency of municipal service.

Клешнева Любовь Ильинична

*Санкт-Петербургский Государственный Аграрный
Университет
uliunuchna@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются социально-философские аспекты феномена местного самоуправления в России, которое имеет в своем развитии длительную историю и теоретические наработки. Основные проблемы становления современного муниципального самоуправления в стране выявляются на основе анализа основополагающих политико-правовых документов: Основного Закона РФ, Федерального закона № 131 и др.

Ключевые слова: муниципальное самоуправление, социально-философские аспекты управления, полномочия местного самоуправления, эффективность муниципальной службы.

Во всем мире развитие местного самоуправления в основном определяется экономическими, культурными, психологическими, социальными ценностями, которые складываются на протяжении длительного времени. Поэтому аксиологический подход к анализу управления на местном уровне является оправданным, он выступает основополагающим в социальной философии. Накопление ценностных предпочтений было характерно для традиций европейского самоуправления, оно отразилось в исторической практике российского самоуправления. Достаточно вспомнить древнеславянское вечевое управление, самоуправление сельских (деревенских) общин, практику Земских Соборов и деятельности земств.

Существует определённая связь между теоретическими обобщениями и практикой местного управления, которая становится предметом исследования со стороны социальной философии. Муниципальному управлению предшествовало самоуправление местным обществом. В истории России это коллегиальное управление в губерниях и городах при Петре Великом и Екатерине II, земское самоуправление при Александре II и др. Земское самоуправление реализует себя в контроле над деятельностью местных органов власти, осуществляя тем самым основы представительной демократии. Особое место в местном самоуправлении занимала деятельность русских сельских общин в Отечестве в целом. Все они проникнуты были духом самоорганизации и самодеятельности, началами творческими и созидательными,

а организационную форму всем этим жизненно важным явлениям придавало российское самоуправление [1,63]. Авторы книги «Культура российского самоуправления» пишут, что общинные и артельные формы народной жизни, зачастую тесно переплетенные, составляли существенную особенность уклада жизни россиян.

Муниципальное самоуправление представляет собой сообщество людей, объединение которых связано с общими бытовыми, культурными и экономическими интересами. Объединение людей предполагает не только учет общих интересов, но так же решение социальных и финансовых проблем. При организации муниципального управления могут возникнуть сложности связанные с системным характером и общественной самодеятельностью. Политический и социальный характер муниципального самоуправления влияет на институт самоуправления, тем самым придавая ему конкретные формы. Основным субъектом муниципального управления выступают граждане, которые участвуют в выборах в органы местного самоуправления. Самодеятельность и самоорганизация людей как феномен — исследуется социальной философией. Как пишет сибирский автор, «современная наука управления делает вывод, что развитие человечества не может быть однолинейно: оно многолинейно. Признание многолинейности развития повышает качество управления... Коммуникации самоорганизации и самоуправления обеспечивают приоритеты равнозначности и равноответственности системы социального» [2, 66–67].

Местное самоуправление решает одну из наиболее важных философских проблем, такую как социализацию личности с помощью удовлетворения потребностей человека в обществе [3]. Другими существенными социально-философскими основаниями феномена муниципального самоуправления являются ценность свободы в обществе и ценность властных полномочий и власти. Муниципальное самоуправление — это и есть местная власть. Граждане принимают участие в деятельности местного самоуправления руководствуясь мнением своим личным и мнением коллектива. Как показывают исследования, личностные характеристики управленческих кадров оказывают существенное влияние на складывающийся психологический климат в решении местных задач [4].

Местное самоуправление носит формализованный характер, так как действует на основе закона. В настоящее время муниципальное самоуправление в результате законотворческой деятельности представляет собой одну из форм народовластия, управленческую деятельность населения, систему организации деятельности населения и способность граждан управлять делами местного значения. Органы муниципального управления обладают определенными компетенциями, представляющими собой совокупность прав и обязанностей, необходимых для выполнения функций управления на местах. Делегирование полномочий между государственной и муниципальной властью связано, прежде всего, с более эффективным решением вопросов на местах с наименьшими затратами. Согласно ст. 1 Конституции РФ в России демократическое правовое государство. Местное самоуправление необходимо как одна из форм осуществления политических прав и свобод гражданина. Согласно Европейской хартии местного самоуправления признается, что право граждан участвовать в управлении государственными делами относится к демократическим принципам [5].

Муниципальное самоуправление — одно из учреждений демократичного характера, представляющего институт народовластия. Муниципальное управление подчеркивает демократизацию общественного устройства и позволяет решать вопросы местного значения. Становление муниципального самоуправления в Российской Федерации — начало его функционирования в сложный для нашей страны период — реформы 90-х годов XX столетия, которые сопровождались политическими и экономическими изменениями. В гл. 8 Конституции Российской Федерации закреплены наиболее важные положения, определяющие основные цели и задачи муниципального управления, роль местного самоуправления в механизме осуществления демократии и основы деятельности населения по решению задач местного значения. Муниципальное управление осуществляется с учётом исторических и других условий, которые при-

званы обеспечить гражданам на территории муниципального образования их права и участие в решении местных вопросов.

Согласно ст. 12 Конституции Российской Федерации она гарантирует местному самоуправлению осуществление полномочий в её пределах. Полномочия муниципального управления закреплены нормами муниципального права и включают в себя:

- ◆ непосредственные полномочия местного самоуправления;
- ◆ отдельные государственные полномочия, реализация которых подконтрольна государству. При этом наделение полномочий происходит в соответствии с Конституцией РФ и осуществляется только в соответствии с законом, который обладает соответствующей юридической силой.

Муниципальное управление основано на принципах, которые отражены в Конституции Российской Федерации и ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». К основным принципам местного самоуправления относят:

- ◆ принцип социальной справедливости;
- ◆ принцип демократизма;
- ◆ принцип гуманизма;
- ◆ принцип равноправия (равенства всех перед законом);
- ◆ принцип единства юридических прав и обязанностей;
- ◆ принцип ответственности за вину;
- ◆ принцип законности [6, 217–218].

Выше перечисленные принципы являются характерными для демократии местного самоуправления, соблюдения которых являются обязательными для всех федеральных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, населения и органов местного самоуправления. Становление системы муниципального самоуправления основано на 46 общих принципах [7, 49–54]. В исследовательских целях социального характера следует выделить основные и наиболее значимые из них:

- ◆ самостоятельность решения всех вопросов местного значения населением. В основе самостоятельности лежит участие граждан в местных референдумах и выборах на основе равного и прямого избирательного права и волеизъявления при тайном голосовании. А также компетентность муниципальных служащих при равном доступе граждан к муниципальной службе, важна также правовая и социальная защищенность муниципальных служащих;
- ◆ самостоятельность муниципальных образований в рамках закона. Это самостоятельность выра-

жается в экономической основе муниципально-го самоуправления, которая выражается в наличии феномена муниципальной собственности. Согласно Конституции Российской Федерации (ст. 130), местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов владения, пользования и распоряжения муниципальной собственностью. Укрепление экономической и финансовой базы муниципального управления позволяет улучшать качество жизни населения и быть одним из гарантов реализации конституционных прав и свобод граждан.

Органы местного самоуправления осуществляют свою деятельность через институты прямого волеизъявления населения, выборные и другие муниципальные органы, которые представляют собой территориальные, правовые и финансово-экономические основы. Как мы уже отмечали в социально-философском аспекте это именно властные полномочия муниципального самоуправления. Организационно-правовые формы местного самоуправления осуществляются с помощью:

- ◆ населения через проведение референдумов, выборов, собраний и конференций граждан по месту их жительства;
- ◆ выборных и иных органов муниципального управления;
- ◆ органов территориального общественного самоуправления.

Для Российской Федерации характерно многообразие форм организации и осуществление муниципального самоуправления и причины этому следующие:

- ◆ федеральное устройство Российской Федерации;
- ◆ многонациональность нашей страны отличает регионы России самобытностью, своими историческими особенностями и другими местными традициями. Отметим также и такую особенность регионов Российской Федерации как наличие различных религиозных конфессий, а следовательно и межконфессиональные отношения, что значимо в культурно-историческом плане;
- ◆ разнообразие основных типов поселений;
- ◆ население имеет возможность выбрать одну из форм организационной модели местного самоуправления.

Эффективность муниципального управления зависит от представительного органа, местной администрации и высшего выборного должностного лица. Все это представляет собой систему муниципального управления, которая, к сожалению не совершенна, а стоит на стадии развития и своего улучшения. Теория муниципального управления, основанная на знании социальных зако-

номерностей и способна стать основой этого развития. В процессе совершенствования теории и практики муниципального управления можно выявить общественно-значимые проблемы:

- ◆ законодательство о местном самоуправлении является недостаточно систематизированным, а значит, нуждается в дальнейшей разработке;
- ◆ законодательное регулирование в вопросах, касающихся организации и деятельности местного самоуправления является неполным;
- ◆ существует определенная нестыкованность органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов муниципального самоуправления;
- ◆ правовое разграничение полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления нуждается в корректировке, что является одной из наиболее сложных проблем становления муниципального самоуправления;
- ◆ муниципальные образования недостаточно самостоятельны в финансово-экономических вопросах. Экономика является базой жизнедеятельности общества, на ней сосредоточены интересы граждан и поэтому насущно требование об экономической обоснованности местного самоуправления в нашей стране;
- ◆ механизмы судебной защиты местного самоуправления несовершенны, и вытекающая из этого проблема несовершенства системы подготовки судебных кадров и повышения квалификации судей в сфере муниципального права;
- ◆ нехватка квалифицированных муниципальных кадров.

Муниципальная служба — это профессиональная деятельность граждан, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (контракта). Нанимателем для муниципального служащего является муниципальное образование, от имени которого полномочия нанимателя осуществляет представитель нанимателя. Представителем нанимателя может быть глава муниципального образования, руководитель органа местного самоуправления, председатель избирательной комиссии муниципального образования или иное лицо, уполномоченное исполнять обязанности представителя нанимателя.

Выделяются специфические черты муниципальной службы, обусловленные системой управленческих связей и отношений в местном сообществе:

- ◆ муниципальная служба выполняет функции по удовлетворению публично-правовых интересов местного сообщества, решает задачи органов

власти субъекта Российской Федерации, а также федеральных органов государственной власти;

- ◆ является частью публичной службы;
- ◆ служащие муниципальной службы при выполнении своих полномочий в пределах установленной компетенции независимы от органов государственной власти;
- ◆ результаты деятельности муниципального служащего «всегда конкретны, осязаемы для местного населения»;
- ◆ муниципальная служба — это эффективная структура социального обслуживания потребностей местного сообщества, возможность социального лифта для служащих.

Развитие кадровой политики на местном уровне является одним из основных средств повышения эффективности системы органов местного самоуправления. Она реализуется путем формирования и эффективности использования кадрового состава, обладающего необходимыми качествами и способного ответить требованиям современному уровню развития этих органов власти. Одна из проблем недостаточной профессиональной компетентности муниципальных служащих заключается

и в относительно низком престиже самой службы в органах местного самоуправления, в результате чего профессиональные экономисты, юристы, социологи и другие специалисты выбирают работу в коммерческом секторе. Сложность системы управления кадрами муниципальной службы обусловлена специфическим положением местного самоуправления в системе государственного управления. Деятельность местной администрации напрямую зависит от экономической, политической, социальной системы в стране. Необходимо обоснованное оптимальное кадровое обновление органов местного самоуправления.

В качестве вывода отметим, что теория и практика современного муниципального самоуправления в России имеет достаточно длительную историческую традицию. Сегодня развитие и совершенствование муниципального самоуправления нацелено на перспективу. Несомненно, и то, что теория самоуправления нуждается в улучшении и дальнейшей разработке. Нам представляется, что именно социальная философия наряду с правоведением может служить основным источником совершенствования теории отечественного самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арефьев М.А., Осипов И. Д. Культура российского самоуправления. — СПб.: ИПП (Санкт-Петербург), 2004. — 201 с.
2. Салохин Н. П. Действительность самоуправления: вклад К. Маркса в развитие теории самоорганизации общества // Шестая международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества». — СПб.: ГУАП, 2018. — С. 64–67.
3. Давыденкова А.Г., Стельмашук Г. В. Человек и его потребности. — СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007.
4. Давыденкова А. Г. Философия личности и культурно-институциональные процессы: монография. — СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкин, 2005. — 220 с.
5. Европейская хартия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.coe.int/en> (Дата обращения — 03 ноября 2018 года).
6. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. — М.: МП «ДТД», 1995. — 384 с.
7. Шеремет К. Ф. Становление правовой базы местного самоуправления в Российской Федерации // Местное самоуправление: современный российский опыт законодательного регулирования. — М.: Акад. прав. ун-т, 1998.

© Клешнева Любовь Ильинична (uliunuchna@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА ТЕЛЕВИЗИОННОГО СЕРИАЛА В КОНТЕКСТЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОБЛЕМАТИКИ TECHNOLOGY STUDIES: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

THE SPECIFICS OF THE TELEVISION SERIES IN THE CONTEXT OF THE REPRESENTATION OF THE PROBLEMS OF TECHNOLOGY STUDIES: THE PHILOSOPHICAL ASPECT

*A. Klyuev
E. Sukhanova*

Summary. In the article the analysis of the series as the most accessible mass method of transmission ideas and images of our technological reality is presented. The theories of J. Campbell about hero development in the narrative, of A. Badiou about art and philosophy relationships and their relation with the category of truth, the critical theory of myth of R. Barthes are used as the methodological setting in the article. Also the authors raise the problem of gamification as a modern media-philosophy social practice. The possibility of building a gamified society is considered on the example of the series called Black Mirror. This society is cut off from the rest of the world and included the substituted values of «virtual consumption». The findings make a conclusion on the necessity to study the series as the culture phenomena for the purpose to identify some ideas and concepts that resonate in the public perception.

Keywords: series, technologies, myth, gamification, art, narrative.

Клюев Артем Андреевич

*Преподаватель, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
artemklyuev1@gmail.com*

Суханова Елена Вадимовна

*Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
elena_stupishina@mail.ru*

Аннотация. В статье проводится анализ сериала как наиболее доступного, массового способа трансляции идей и образов нашей технологической действительности. В качестве методологической установки в статье используется теория Дж. Кэмпбелла о развитии героя в нарративе, критическая теория мифа Р. Барта, теория А. Бадью об отношениях искусства и философии и их связи с категорией истины, а также затрагивается проблема геймификации как социальной практики в современной медиафилософии. На примере сериала «Чёрное зеркало» (Black Mirror) рассматривается возможность построения геймифицированного общества. Проводятся параллели между сюжетом сериала и теориями Дж. Кэмпбелла и А. Бадью. В завершении статьи делается вывод о необходимости исследования сериала как феномена культуры с целью выявления идей и концепций, резонирующих в общественном восприятии.

Ключевые слова: сериал, технологии, миф, геймификация, искусство, нарратив.

Введение

Технологическое развитие мира, непрекращающиеся новации и прогресс технической сферы ставят перед человеком как новые вопросы, так и требуют пересмотра ряда устоявшихся позиций относительно рекуррентного осмысления технического. В то время, как науки о технике, философия техники и медиафилософия активно осуществляют анализ и поиск таких ответов и практик понимания, создавая специфическую междисциплинарную область исследования, называемую technology studies, культурные механизмы осмысления проблематичных зон, лакун в картине проекта человек-техника, не остаются в стороне. Специфическим в этом контексте является то, каким образом, через призму культуры проблемы, поставляемые technology studies транслируются и осмысляются в рамках массовой культуры, а именно в специфическом и необычайно популярном в последнем десятилетии жанре «телевизионного сериала». Несмотря на свое название

«телевизионный сериал» или «TV series» не имеет в современном своем состоянии прямой связи с телевидением, во всяком случае, он способен существовать вне рамок телевизионных механизмов распространения, в частности распространяясь через глобальную сеть Интернет. Глобальность охвата аудитории гарантирует идеям и образам сериала распространение вне обусловленности границами и языками, а также, зачастую, и при полном пренебрежении лицензионными ограничениями распространения. Кроме глобального характера распространения сериалов и внедрения их в тело массовой культуры, как полноценного инструмента выражения смыслов и переживаний, хоть и весьма упрощенных, уплощенных, необходимо отметить и специфическое для последнего времени смещение фокуса интереса производителей сериальной продукции. Так в поле популярной, массовой культуры как легитимные темы входят теперь проблемы власти, социума, гендерная проблематика, технологии и идея прогресса. Все это подвергается специфическому художественному осмыс-

лению. Необходимо, таким образом, провести деконструкцию нарратива и формы современного сериала, взяв за основу наиболее современные и претендующие на художественное высказывание примеры. В качестве таких примеров на наш взгляд может выступать сериал «Чёрное зеркало» (Black mirror).

Обзор литературы

Сериал, который мы собираемся рассмотреть, — особый род повествования, включающий в себя развернутый нарратив, в ходе которого зритель может наблюдать развитие персонажа, героя или героев сериала; определенную темпоральную структуру, которая упорядочивает события соответственно некоторой временной линии; идею, которая тем или иным образом собирает происходящее воедино и является непосредственно высказыванием автора, относительно внешнего по отношению к самому сериалу событию. Поскольку, как было отмечено выше, сериал — это продукт массовой культуры, он необходимо несет в себе черты упрощения, которые проявляются как в форме, так и содержательно. С точки зрения рассмотрения нарратива, как развития и эволюции главного героя, сериал следует классической схеме описанной Кэмпбеллом в «Герое с тысячей лицами» [9]. Такое следование схеме может быть рассмотрено нами с двух позиций: во-первых, это классическая форма повествования, которая предельно конкретно и точно воспринимается зрителем, не требуя дополнительных усилий по дешифровке авторского послания, а потому является удобным способом донесения этого самого послания; во-вторых, если в рамках сериала, задача высказывания автора направлена вовне самого сериала, то есть относит нас к смыслам находящимся вне произведения, то форма эпического повествования, в центре которой находится классический герой, переживающий базовую эволюцию, есть условие гарантирующее четкость и успешность доставки этого сообщения. Итак, классическая форма, в которой разворачивается развитие героя в ходе общего нарратива, преследует на наш взгляд две цели: обеспечение простоты формы для восприятия зрителем и простоты формы для облегчения авторского высказывания относительно внешней проблемы.

Прояснение соотношения означаемого и означающего, символических значений зашифрованных в выразительных средствах и сценарных решениях возможно с помощью обращения к классической работе Р. Барта «Мифологии» [3], где не только наглядно представляются механики подобного прояснения, но и объясняется логическая понятийная взаимосвязь. В практическом плане «Мифологии» Барта могут выступать наглядным руководством к действию по деконструкции образов и поступков персонажей сериалов, событий и иных

фактов, происходящих в ходе нарратива с тем, чтобы проникнуть в суть идеи того «мифа», который на самом деле предстает перед зрителем. Категория мифа, взятая нами из работ французского философа, является одной из ключевых при анализе выбранных нами объектов современной культуры.

Немаловажным аспектом в рассмотрении выбранных нами эмпирических примеров является контекст, сложившийся в современной исследовательской литературе относительно проблем game studies и, в частности, геймификации, как особой проблемы, вызывающей интерес исследователей как с практической, так и с теоретической стороны. Стоит обратить внимание, что вне контекста репрезентации в современной культуре существует два основных подхода к геймификации как социальной практике: первый — «оптимистический», наиболее ярким представителем этого подхода выступает Дж. МакГонигл, которая в книге «Reality is Broken: Why Games Make Us Better and How They Can Change the World» [21] выступает апологетом не только игр, как специфического способа взаимодействия с реальностью, но и геймификации, как процесса способствующего переходу к этому особому виду отношений. Второй подход — «пессимистический», его главным «фронтменом» можно по праву считать Й. Богоста в своих работах и выступлениях, посвященных проблемам геймификации он неоднократно выступал с провокационными заявлениями утверждая в частности, что геймификация есть не что иное как «маркетинговая чушь» [12, 13]. В целом же спектр мнений относительно геймификации или шире внедрения игровых механизмов в практики реальности укладываются в границы спектра ограниченного этими двумя радикальными представлениями и склоняются либо в одну, либо в другую сторону, выделяя разные проблемные зоны, будь то: внутренняя противоречивость [12, 13] и парадоксальность, недостаточность теоретической проработки понятия [17, 18, 19, 20], трудности с реализацией проектов геймификации на практике [13, 19, 23].

Материалы и методы

В качестве методологической установки помимо синтеза указанных выше теорий: развития героя в нарративе Кэмпбелла, критической теории мифа Барта, а также принятия во внимание проблематизации геймификации как социальной практики в современной медиафилософии, необходимо обратиться к пониманию искусства и взаимосвязи высказываний искусства и философии в работе А. Бадью «Малое руководство по инэстетике». В «Руководстве» Бадью обращается к основополагающей проблеме для всякого анализа культурных феноменов, в первую очередь его интересует эстетический анализ, но позволим себе расширить поле рассмотрения

проблемы и распространим вопрос шире, сформулировав его следующим образом: «Как возможно с позиции философии обращаться к высказываниям в контексте произведений искусства?».

Итак, Бадью производит таксономическое разделение всех возможных подходов к осмыслению эстетического, а как мы оговорились вообще всякого высказывания, искусства на три основных направления. Само это разделение основывается на базовом отношении философии и искусства к категории истины. Первая схема отношений философии и искусства — дидактическая, где, как пишет Бадью, «искусство не обладает способностью к истине или, что всякая истина внеположна искусству» [2]. Искусство, обладая «чистым очарованием истины», в контексте дидактического подхода, имитирует эффект истины, а, следовательно: «Искусство должно быть либо осуждено, либо рассмотрено с сугубо инструментальной точки зрения» [2]. Пафос дидактической схемы приводит нас к необходимости рассматривать всякое высказывание в искусстве и, шире, в культуре с позиции их влияния на социальные процессы, а именно, воспитание и формирование норм и ценностей, акцент здесь, безусловно, смещается в сторону утилитарной этики.

Вторая схема противоречит дидактической в исходном посыле, а именно в утверждении непреложной истинности самого искусства, самодостаточного и не требующего легитимации со стороны внешнего Господина в виде философии или теории. Романтическая схема, чей основной тезис: «Одно лишь искусство способно свидетельствовать об истине. И в этом смысле оно воплощает то, на что философия лишь косвенно указывает» [2], понимает высказывания искусства как воплощения истины в мире, они сами по себе гораздо ближе к истине, чем любое философское рассуждение, поскольку воплощают истину в мир: «В этом смысле само искусство воспитывает, оно учит заключать бесконечную мощь в жестко связанную форму» [2]. В романтической схеме философия, или шире — всякая аналитическая мысль, необходимо должны обращаться к высказываниям искусства с тем, чтобы прояснять себя самих, поскольку в отношении истины, ни философия, ни какая бы то ни было аналитика не могут претендовать на причастность большую, чем имеет искусство, а значит — и всякое его высказывание.

Очевидно, что в рамках дидактической и романтической схем происходит аксиоматическое расхождение, которое, в свою очередь, выливается в спор об установках, выходящих за пределы всякого возможного опытного подтверждения или опровержения. В некоторой степени примирению дидактической и романтической схемы должна служить схема классическая, которая разграничивает понятия истины и правдоподобия, наделяя философию первой, а искусству оставляя второе. Искус-

ство, таким образом, становится целиком и полностью принадлежащим области воображаемого, лишается возможности претендовать на возможность высказываний истинностного характера: «Строго говоря, в классической схеме искусство не мыслит. Оно целиком сосредоточено на своем воздействии, на публичном процессе. Можно даже сказать, что с классической точки зрения искусство — это публичная услуга» [2]. Коммодификация искусства, превращение его в товар, услугу, во многом находит свое отражение в том, что мы привыкли понимать под массовой культурой, которая в действительности в полной мере реализует в себе всю полноту классической установки. Но не только сам факт коммодификации, но и способность произведений, порожденных в формах массовой культуры, частным случаем которых является сериал, «способность нравиться», а также, успокаивать и очищать наиболее отчетливо являет себя как вписанный в классическую схему феномен.

В качестве исходного, эмпирического материала мы будем ссылаться на сериал «Черное зеркало» (Black mirror), в котором нарратив тесно сопряжен с переосмысливанием и переживанием ситуации технологической новации относительно реального мира в его нынешнем виде. Они представляют собой разные по форме высказывания. В случае «Черным зеркалом» мы имеем дело с формой альманаха, где каждая отдельная серия отсылает зрителя к специфическому и ограниченному в ней самом нарративе, и каждое новое повествование разворачивается вне какого-то бы ни было общего повествовательного контекста. Объединяющим для всех отдельных эпизодов «Черного зеркала» будет не общий связанный нарратив, но «метатема», которая в открытую заявляется авторами и относительно которой, как полагается, авторы производят высказывание в художественной форме.

Результаты исследования

Поскольку как мы отметили, что сериал «Черное зеркало» (Black Mirror) является по своей форме альманахом, уместным на наш взгляд будет включить в оптику рассмотрения только одну его серию, анализ которой, тем не менее, позволит оценить все отдельные эпизоды сериала, не вдаваясь в излишнюю детализацию, но выявляя только важные, ключевые моменты. Сосредоточить свое внимание, на наш взгляд, стоит на второй серии первого сезона под названием «Fifteen Million Merits». Реальность действующих персонажей данного эпизода сериала редуцирована, сведена к физиологическим процедурам, сам окружающий мир полностью лишен живой составляющей, все воплощает наивысшую точку механизации процесса — что в своей идее пересекается с механиками игры как принципом организации процесса в видеоиграх. Иными словами, список

действий в мире, предстающем перед нами, ограничен очень узким набором вариантов, которые как бы вписаны в социальный код, выход за границы этого набора невозможен, поскольку регулируется внутренними правилами общества. Люди, предстающие перед нами в качестве окружающих главного героя персонажей, ограничены очень узкой сферой интересов, практически лишены возможности коммуницировать вне контекста «работы». Отдельно стоит отметить наличие запрета в таком обществе на личные вещи, вообще материальные вещи являются областью запретного для персонажей этого мира, что выражается в той привязанности, с которой главный герой относится к бумажной фигурке достоящейся ему от его знакомой, в которую, как можно предположить, он влюбляется из-за ее «естественной чистоты». Единственным способом социальной мобильности в изображаемом обществе является «шоу талантов», которое само по себе представляет собой одновременно продукт механики и то, что несет в себе потенцию непредсказуемого, недетерминированного механикой. Его декларируемая цель — выявлять особые таланты членов этого сообщества и распределять их на более высокие уровни в иерархии производства. Отметим, что основная деятельность, которой занимаются все персонажи эпизода — это уборка помещений (самый низший социальный статус), кручение педалей велотренажеров (возможно для выработки энергии, но это так и остается необъясненным), производство развлекательного контента (эротические, юмористические шоу, которые транслируются всем членам сообщества в их свободное время). Знакомая главного героя, по его настоянию, решает принять участие в этом шоу, что становится тем событием, которое заставляет главного героя впасть в отчаяние, поскольку результатом этого участия становится не донесение чистого и непорочного содержания, а включение девушки в индустрию эротического производства. Идея «Шоу талантов», как возможности преодолеть предопределенность и ограниченность социальных механик общества, дискредитируется, явствуя себя герою как очередной механизм со своими собственными правилами, которые обеспечивают работу всей системы производства — потребления. Герой, переживая падение в отчаяние, «смерть» своего прежнего состояния пробуждается и решает взломать систему изнутри как трикстер, «шпильбрехер» [10], ему необходимо нарушить правила, чтобы вырваться из системы, из игры, быть исключенным из нее. Он участвует в новом «Шоу талантов», высказывая во время своего выступления предельную личную правду, о том какова есть система и что она делает с людьми, но в конечном итоге соглашается на предложение стать частью этой системы с более высоким социальным статусом.

Через все развитие линии сюжета главного героя, который, к слову, прекрасно вписывается в классическую

схему эпического героя Кэмпбелла, прослеживается пессимизм послания авторов. В том, что герой соглашается на увеличение социального статуса при сохранении всеобщего социального «статус кво», выражается невозможность побороть существующую систему, в которой человек, становится слишком слаб сам по себе, лишенный и оторванный от всяких ценностных и социальных ориентиров. Герой в рамках всего повествования проходит через стадии героя Кэмпбелла от изначального «статуса кво» до «путешествия» (подготовка к конкурсу), «смерти» (разочарование в системе, потеря смысла) и, наконец, обретения нового «статуса кво». В то же время, существенным отличием от классической схемы, не по форме, но по посылу, становится финал, то есть новый «статус кво» — герой не обретает свободы или нового качественного состояния, но лишь слегка изменяет свое социальное положение, становясь частью системы, с которой боролся, дегероизируется, профанируется.

В целом, все это указывает на пессимистический взгляд на возможность построения геймифицированного общества, общества оторванного от реального мира, с подмененными ценностями «виртуального потребления». С одной стороны, весь нарратив сериала может относить нас к метафоре на современное общество, но одной этой метафоры недостаточно для того чтобы вместить в себя всю совокупность смыслов, затрагиваемых авторами. Стоит отметить, что весьма точно и образно воспроизводится тоталитарная природа игровых механизмов, вышедших за пределы игры и вошедших в ткань социального на полных правах. Игра, подчинившая себе реальность, порождает ситуацию дегуманизованного социального строя, способного воспроизводить только механизмы получения удовольствия ради увеличения производства, но не своего собственного, самоценного смысла. Иными словами, такое общество, будучи предельно геймифицированным, лишается в своей деятельности внутреннего содержания и ценности этой деятельности, подменяя ее внешним смыслом, так что человек утрачивает ощущение подлинности и сопричастности, становясь предельно отчужденным от этой деятельности. Деэстетизация всякой деятельности, в том числе повседневности, присутствующий запрет на всякое даже потенциально возможное эстетическое, являет собой основной признак такого общества.

Данный эпизод сериала представляет собой образное воплощение мифологии технологического скепсиса, и в более частном смысле, скепсиса геймификационного. В эпизоде производится попытка воссоздания ситуации геймификационной антиутопии, где деятельность ради смысла подменена деятельностью ради иллюзорного вознаграждения, то есть оправдание деятельности не соотносится с ее внутренним, имма-

нентным смыслом, но только с внешним по отношению к ней коррелятом. Если мы обратимся к схемам, предоставленным нам А. Бадью, то сможем выстроить некоторый механизм, при помощи которого могут быть выработаны отношения между самим произведением в виде отдельного эпизода и зрителем. Так дидактическая схема укажет нам, что содержание и посыл этого сериала будут являться ни чем иным как предостерегающим и в целом опасным знаком, который в своей выразительности может увлечь человека и отдалить его от правильного идеала. С этой точки зрения сериал будет являться негативным феноменом, поскольку не конструирует положительного образа, а, следовательно, отрицательно влияет на воспитание. С другой стороны, романтическая схема сообщит нам, что сериал будет являться воплощением потенциального, воображаемого в реальном. Такое воплощение позволяет в контексте искусства пережить и понять те смыслы, которые недостижимы ввиду своей нереализуемости в действительном мире. С позиции романтической схемы данный эпизод — расширение границ возможного, прозрение в потенциальное, соприкосновение с истинной, а значит прояснение вопросов философии медиа. Классическая же схема сконцентрирует наше внимание на специфическом механизме получения удовольствия от просмотра и осмысления сериала. Сериал в классической схеме будет предстать перед нами как продукт, утешающий человека в его страхе перед наступающими технологиями и теми новациями, которым он не в силах противостоять. Привлекательная простота формы, нарратива и доступное визуальное воплощение выявляется в рамках классической схемы как инстру-

менты донесения до зрителя спокойного ощущения разрешения от беспокойства. Все три схемы, собранные воедино позволяют нам более четко произвести сборку сериала как феномена культуры вообще и сериала, посвященного проблемам технологии в частности.

Обсуждение и заключения

Сериал, являясь наиболее популярной и доступной формой репрезентации идей культуры (и философии, в частности), посредством художественных выразительных средств, является легитимным объектом исследования. Исследование сериала может позволить не только углубить понимание феноменов популярной культуры, но и прояснить содержание философских вопрошаний, резонирующих в общественном восприятии. Сериал, являясь частью массовой культуры, несет на себе отпечаток упрощения, заимствуя классические формы повествования, тем не менее, пытается ответить на вопросы, актуальные и тревожащие человека в современном мире. Попытка ответа на такие вопросы может быть рассмотрена в рамках трех схем: дидактической, романтической, классической. Каждая из трех схем высвечивает особое содержание и демонстрирует отношения между сериалом как художественным произведением и теми идеями, которые легли в основу его конструкции. Выявляется три основных магистрали осмысления сериала: как воспитательного нарратива, иллюстрирующего должное; как равноценное философскому высказывание относительно проблемы; как утешение и очищение от тревоги и переживаний по поводу технологической неопределенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева А. В., Ключев А. А. Особенности геймификации при работе с трудовыми ресурсами: философский аспект // Вестник Мининского университета. — 2017. — № 4. — URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/708/637> (Дата обращения 13/03/2018).
2. Бадью, А. Малое руководство по инэстетике / А. Бадью; [пер. с фр. Д. Ардамацкой, А. Магуна]. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. — 156 с. — (Эстетика и политика; вып. 3).
3. Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. — 3-е изд. — М.: Академический проект, 2014. — 351 с. — (Философские технологии).
4. Богост Я. Видеоигры — это бардак // Медиафилософия X. Компьютерные игры: стратегии и исследования. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2014. С. 292–319.
5. Бодрый Ж. Общество потребления / М.: Республика; Культурная революция, 2006. — 269 с. — (Мыслители XX века).
6. Бодрый Ж. Симулякры и симуляция [Текст] / — Перевод О. А. Печенкина. — Тула, 2013. — 204 с.
7. Дебор Г. Общество спектакля. Пер. с фр. / Перевод С. Офертаса и М. Якубович. М.: Издательство «Логос» 1999. — 224 с.
8. Кайуа, Р. Игры и люди [Текст]: Статьи и эссе по социологии культуры / Р. Кайуа; сост., Пер. с фр. И вступ. ст. С. Н. Зенкина. — М.: ОГИ, 2007. — 304 с.
9. Кэмпбелл Д. Герой с тысячью лицами: Миф. Архетип. Бессознательное = The Hero with thousand faces / ред. И. Старых; пер. с англ. К. Семёнов. — СПб.: София, 1997. — 336 с.
10. Титова В. Н. Геймификация в медиа: признаки геймифицированного продукта // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 170–173.
11. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. 416 с.
12. Bogost I. Gamification is Bullshit. My Position Statement at the Wharton Gamification Symposium. Bogost.com, August 8. 2011. Available at: http://bogost.com/blog/gamification_is_bullshit/ (accessed: 31.10.2017).
13. Bogost I. Why Gamification Is Bullshit. The Gameful World: Approaches, Issues, Applications. MIT Press, Cambridge, 2015.

14. Deterding S., Dan D., Rilla K., Lennart N. From Game Design Elements to Gamefulness: Defining Gamification. Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference: Envisioning Future Media Environments. New York: ACM, 2011. Pp. 9–15.
15. Fuchs M., Fizek S., Ruffino P., Schrap N. Rethinking Gamification. Meson Press, Lüneburg, 2014.
16. Juul J. The Magic Circle and the Puzzle Piece Conference Proceedings of the Philosophy of Computer Games / ed. by S. Gunzel, M. Liebe, D. Mersch. Potsdam: Potsdam University Press, 2008. P. 56–69.
17. Hamari J., Koivisto J., Sarsa H. Does gamification Work? — A literature review of empirical studies on gamification // Proceeding of the 47th Hawaii International conference on System sciences. 2014. Available at: https://people.uta.fi/~kljuham/2014-hamari_et_al-does_gamification_work.pdf (accessed: 10.11.2017).
18. Hamari J., Koivisto J. Why do people use gamification services? // International Journal of Information Management. 2015. Vol. 35(4). Pp. 419–431.
19. Huotari K., Hamari J. Defining Gamification — A Service Marketing Perspective Available at: <http://www.hubscher.org/roland/courses/hf765/readings/p17-huotari.pdf> (accessed: 10.11.2017).
20. Landers R. N. Developing a Theory of Gamified Learning: Linking Serious Games and Gamification of Learning // Simulation & Gaming. 2015. Vol. 45(6). Pp. 752–768.
21. McGonigal J. Reality is Broken: Why Games Make Us Better and How They Can Change the World. New York: Penguin Press, 2011.
22. Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier, rev. ed. Cambridge: MIT Press, 2000. 480 p.
23. Seaborn K., Fels D. I. Gamification in Theory and Action: A Survey // Internatoinal Journal of HumanComputer Studies. 2004. Vol. 74. Pp. 14–31.

© Ключев Артем Андреевич (artemklyuev1@gmail.com), Суханова Елена Вадимовна (elena_stupishina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

РОЛЬ «ИНФОРМАЦИИ» В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

THE ROLE OF «INFORMATION» IN THE FORMATION OF THE MODERN POSTINDUSTRIAL SOCIETY

A. Luginina

Summary. The article analyzes the current post-industrial «information society» in terms of different approaches to the very phenomenon of «information». We consider the relationship between the emergence of «information» and the development of man and humanity. The feature of the fact that «information» is a property of «living matter» is emphasized.

Keywords: postindustrial society, information society, information, communicative space, virtually, virtualization, social space, individual, dynamism, convergence, social processes.

Лугинина Анна Григорьевна

*К.ф.н., доцент, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия
luginina.anna8@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется современное постиндустриальное «информационное общество» с точки зрения различных подходов к самому феномену «информации». Рассматривается взаимосвязь между возникновением «информации» и развитием человека и человечества. Подчеркивается особенность того, что «информация» является свойством «живой материи».

Ключевые слова: постиндустриальное общество, информационное общество, информация, коммуникативное пространство, виртуальность, виртуализация, социальное пространство, индивид, динамизм, конвергенция, социальные процессы.

В настоящее время представители многих философских школ и направлений анализируют современное «информационное общество». Информационное общество, как пишут многие из исследователей, формируется при господстве «знания», цифровой форме представления социальных объектов, динамизме и конвергенции социальных процессов, виртуализации современного производства и т.д.

Основные характеристики современного «информационного общества»:

- ◆ «информация» является в настоящее время одним из самых важных ресурсов, без наличия необходимой «информации» невозможно развитие крупных компаний и транснациональных корпораций;
- ◆ создаются практически во всех государствах и странах современного мира условия для обеспечения универсального доступа к «информационным услугам» (например, в Российской Федерации общедоступный портал «Госуслуги»). В этом случае обеспечивается равенство всех граждан страны при получении разного рода «информации»;
- ◆ естественно, общедоступность «информации» формирует справедливую конкуренцию в экономической сфере;
- ◆ «информация» в настоящее время становится объектом потребления людей. Парадокс: чем

больше «информации» слышит, видит современный человек, тем больше ему необходимо данной «информации».

Термин «информационное общество» первый раз был использован в Японии в 1966 году в докладе специальной группы по научно-техническим достижениям. В этом докладе утверждалось, господство «информации» в «информационном обществе» и возможности современного человека «потреблять» данные объемы «информационных потоков».

В настоящее время можно с уверенностью говорить, что «информационное общество» во многом является «технократическим обществом», то есть возрастает влияние «техники» на современного человека.

Во-первых, в обществе растет популярность различных средств коммуникации между людьми (социальные сети, мессенджеры и т.д.); во-вторых, популярность ноутбуков, нетбуков, электронных средств передачи информации (электронных книг); в-третьих, IT-рынок растет быстрее других сфер экономики в целом; в-четвертых, количество пользователей ПК (по прогнозам) к 2015 году достигнет 1 млрд. человек.

Обратимся к мнению профессора У. Мартина, анализирующего современное «информационное общество». У. Мартин писал, что в современном «информационном

обществе» выделяются четыре важных критерия: «технологический», «социальный», «экономический», «политический», «культурный».

В информационном обществе главную роль играет «информация». В данном случае необходимо обратиться к теории информации.

Первая «концепция информационного взаимодействия» С.Я. Янковского поясняет, что «информация» не может существовать вне самих объектов, предметов информационного взаимодействия. «Информация» появляется в момент информационного взаимодействия и исчезает в момент прекращения информационного взаимодействия. Говоря строгим языком онтологии, у «информации» нет собственного «бытийного статуса», бытие информации невозможно без бытия конкретных предметов или объектов материального мира [9].

Вторая точка зрения на феномен «информации» связана с «телеологическим подходом» к информации. Данный подход изучался в трудах Н.Н. Моисеева. Моисеев Н.Н. пытается объяснить, что развитие человеческого целеполагания во многом связано с развитием «информации». Вначале, достижение какой-либо цели определялось интуитивными предпосылками, но с развитием человечества целеполагание во многом усложнилось и стало предопределяться «информационными предпосылками» [7].

Третья точка зрения рассматривает «информацию» как живую материю. Урсула А.Д. отмечает, что «информация» является атрибутом только «живой материи», так как возникает вместе с живыми материальными объектами, предметами и исчезает также вместе с исчезновением живых материальных объектов или предметов [8].

Четвертая точка зрения представляет информацию как своеобразный процесс адаптации и развития материальных объектов и предметов окружающего мира. Лоренц К. рассуждает, что человечество в процессе «естественного отбора» сформировало способность воспринимать, понимать и передавать различную «информацию» в большей степени для своего собственного выживания в живой природе. По мнению К. Лоренца такая способность свойственная только «живым организмам» и невозможна для «неживых организмов» [6].

Пятая точка зрения связана с «общей стратегией жизни» К. Гробстайна, утверждающей постоянное изменение живой материи, постоянное приспособление живой материи и противоборство «живой материи» с «неживой материей» [3].

Шестая точка зрения основывается на «энергоинформационной теории». Согласно данной теории у каждой человеческого существа (человек, животное, насекомое и т.д.) существует своя «энергоинформационная структура», без которой живое существо не сможет существовать, воспринимать, понимать и передавать «информацию».

Но сама по себе «информация» практически ничего не значит, пока она не становится «социальной информацией», то есть необходимой и нужной для определенного количества людей. Процесс формирования «социальной информации» в науке принято называть «информатизацией».

К.Д. Урсул пишет, что процесс «информатизации», то есть появления «социальной информации», явился, по его мнению, предпосылкой формирования современного «информационного общества» [8].

В настоящее время под «информатизацией» понимается процесс интенсификации передачи информации с помощью различных информационно-коммуникационных средств.

Например, Робертсон Д.С. сопоставил развитие «цивилизации» и изменение «информации». По его мнению, «цивилизационный поток» и «информационный поток» во многом влияют и определяют развитие друг друга.

Можно подчеркнуть, что в современной философской науке выделяют два подхода к «информатизации» современного общества: технократический и гуманитарный.

Технократический подход базируется на превосходстве «знания» в жизни современного человека, на том постулате, что именно «информационные технологии» в настоящее время являются средством повышения производительности труда современного человека.

Гуманитарный подход объясняет, что любая «информационная технология» являются частью человеческой культуры, без которой невозможно развитие современного человека и человечества.

Современное «информационное общество» характеризуют как «постиндустриальное общества», в котором в большей мере развита сфера услуг. Благодаря все более усиливающейся роли информационно-коммуникационных средств в современном обществе происходят глобальные социально-экономические изменения. Во многом изменяется «общественное сознание» большинства людей, формируя «общество потребления».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. Диалектика прогрессивной линии развития как гуманная общечеловеческая философия для 21 века. — М.: Владос, 1994. — С. 9. 10.
2. Бехман Г. Общество знания — краткий обзор теоретических поисков // Вопросы философии. — 2010. — № 2. — С. 113–127. 3.
3. Гробстайн К. Стратегия жизни. Пер. с английского И. Б. Бухвалова / Под ред. А. А. Нейфаха, М., 1968, с. 119.
4. Касумова Г. К. Социокультурная реальность глобализирующегося мира // Вестник Моск. ун-та. Сер.7. Философия. — 2011. — № 3. — С. 87–98. 8.
5. Кочетков В. В., Кочеткова Л. Н. К вопросу о генезисе постиндустриального общества // Вопросы философии. — 2010. — № 2. — С. 23–33. 4.
6. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. Пер. с нем. / Под ред А. В. Гладкого. М.: Изд-во Республика, 1998, сс.5, 263, 286.
7. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990, с. 31.
8. Урсул А. Д. Проблема информации в современной науке. М.: Наука, 1975, с. 25.
9. Янковский Я. С. Концепция общей теории информации. М.: Бета- Издат., 2000.

© Лугинина Анна Григорьевна (luginina.anna8@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

К ПРОБЛЕМЕ МНОГООБРАЗИЯ ДРУГОГО В СТАНОВЯЩЕМСЯ ПРОСТРАНСТВЕ ИНКЛЮЗИИ

ON THE PROBLEM OF THE VARIETY OF THE OTHER IN THE EMERGING SPACE OF INCLUSION

N. Sudakova

Summary. The paper is devoted to the cultural and philosophical analysis of the diversity of the Other's images, presented in the context of the inclusion culture formation in the modern world, asserting the value of each person for the entire human community. The problem of Other's, primarily disabled, gifted, ethnically different person's integration into society is actualized. The authors actualize the issues related to the fact that the problem of man's alienation in the modern society, where a significant place is given to the marginalised, including gender one, is really urgent. The author emphasizes the dialogical grounds of the inclusion phenomenon, where any "drop out" of society impoverishes both the isolated person and the society itself, since the comprehension of the existence of the Other allows each person to discover additional possibilities of "extrability" reality. The importance of promoting inclusive morality for the entire human community is explained.

Keywords: culture, inclusion, Other, complicit being, people with disabilities, gifted, marginality, gender.

Прежде чем вынести взгляд, не отражающий в себе образа нашего «Я», «Я» должно закалить свой взор созерцанием «ты». Другой человек является связующим звеном между мною и миром. Я завишу от мира и сознаю эту зависимость, ибо сперва я чувствую свою зависимость от другого человека.

Л. Фейербах

Реальность Complexity (С. Хокинг) постоянно трансформируется, что наиболее заметно в социокультурной жизни общества. Устойчивые ценностные основания, вступая в противоречие с «нетрадиционными ценностями постцивилизационного глобального мира» [9, с. 65], требуют от человека возвращения способности к непрекращающемуся личностному развитию, в ходе которого необходимость воспринимать себя частью «более широкого множества» [2, с. 7] значимо актуализируется.

Серьёзно обостряются межличностные и межцивилизационные конфликты, в первую очередь социокультурные, в которых возрастающая оппозиционность

Судакова Наталья Евгеньевна

К.п.н., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
sovetnik.imtp@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена культурфилософскому анализу многообразия образов Другого, рассматриваемых в контексте становления в современном мире культуры инклюзии, которая утверждает ценность каждого человека для всего человеческого сообщества. Актуализируется проблема встраивания в социум Другого как человека с ограниченными возможностями здоровья, одарённого, этнически Другого. Проводится осмысление вопросов, связанных с актуализацией в современном обществе проблемы отчуждения человека, причём значимое место отводится маргинальности, в том числе гендерной. Акцентируются диалогические основания феномена инклюзии, связанные с тем, что любое «выпадение» из социума обедняет как выпадающего, так и сам социум, поскольку постижение бытия Другого позволяет каждому человеку открыть для себя дополнительные возможности реальности «экстрабилити». Делается вывод о важности утверждения инклюзивной морали для всего человеческого сообщества.

Ключевые слова: культура, инклюзия, Другой, соучастное бытие, люди с ОВЗ, одарённый, маргинальность, гендер.

повышает спрос на выработку механизмов её преодоления. В данном контексте всё активнее проявляет себя одна из самых значительных проблем философии — важность постижения сущности Другого для гармоничного включения в социальный контекст. Сегодня данная проблема поворачивается к исследователю новыми гранями при осмыслении феномена инклюзии.

Инклюзия в её первоначальном понимании явилась ответом на осознание дискриминационных тенденций социального существования личности. В первую очередь данные тенденции были обращены к людям с какими-либо нарушениями в области здоровья. Сегодня мы наблюдаем изменение общественного сознания в сторону понимания негативного характера социальной эксклюзии, имеющей отрицательное влияние не только на жизнедеятельность людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), но и на развитие общества в целом. Но данные характеристики применимы далеко не ко всем сообществам; отношение к людям с ОВЗ в разных странах и в разных культурах по-прежнему остается крайне неоднородным. Именно аксиологическая составляющая человеческого бытия в разных сообще-

ствах, обусловленная их социокультурными ориентирами, и сегодня определяет степень социальной включённости любого человека, в том числе человека с ОВЗ.

Понимая пространство инклюзии как пространство соучастного Бытия [14, с. 60], «где каждый из членов социума, являя миру свою уникальную сущность, становится неотъемлемой частью общего целого» [13, с. 34], мы неотвратно устремляемся к постижению диалогичных миров М. Бубера, в которых торжествует гуманизм, выражая себя потребностью слушать и слышать любого Другого, в которых есть место и человеку, и Богу, в которых творческая потенциальность человека проявляет себя наиболее полно, в том числе поэтически [4]. Мы углубляемся в мыслетворчество М. М. Бахтина, развёртывающего перед нами Бытие в Другом, и «доверие к чужому слову, благоговейное приятие (авторитетное слово), ученичество, поиски и вынуждение глубинного смысла, согласие, его бесконечные градации и оттенки (но не логические ограничения и не чисто предметные оговорки), наслаивание смысла на смысл, голоса на голос, усиление путем слияния (но не отождествление), сочетание многих голосов (коридор голосов), дополняющее понимание и т.п.» [3, с. 300] рождает, очевидно, новое пространство диалогопотенцирующей реальности инклюзии. Эта реальность формировалась ещё со времен Диалогов Платона, в которых человек, встречаясь с сущностью самого себя в Другом, присваивает себе ценности инклюзии.

Традиционность бинарной оппозиции Я — Другой обусловлена двоичностью человеческой природы, в том числе, гендерной. Лишь в совместном существовании мужчины и женщины возможно воплощение человека. Совместность есть базовая категория бытия человека, однако врождённая оппозиционность настолько же безусловна, а потребность в их дополнительной порождает движение, которое стимулирует развитие человеческой цивилизации.

Мир не совершенен, а потому в процессе его развития всегда находится тот, кто «выпадает». Обедняет ли этот факт само пространство бытийствования? Сужает ли рамки постижения человеческой реальности? На этот вопрос вполне конкретно отвечает Л. Фейрбах: «Между мною и другим, — а другой есть представитель рода, и, даже будучи один, он заменяет мне потребность во многих других, имеет для меня универсальное значение, является как бы уполномоченным человечества и говорит мне, одинокому, как бы от его имени, поэтому я даже в обществе одного лица веду общественную, человеческую жизнь, — между мною и другим имеется существенное, качественное различие. Другое есть мое “Ты” — хотя это относится к обеим сторонам — мое второе “Я”, объективированный для

меня человек, мое вскрытое внутреннее “Я”, око, видящее самого себя» [15, с. 151]. Очевидно, что процесс постижения Другого способствует обретению картины мира человека завершённости. А потому, несомненно, любое выключение человека из социального контекста делает беднее как его самого, так и социум, поскольку только в процессе диалога рождается и обретает свою индивидуальность сам человек, а, значит, происходит становление всего человеческого сообщества.

Термин «инклюзия», достаточно долго отождествлявшийся с преодолением дискриминации в области образования людей с ОВЗ, презентует нам сегодня Другого в разнообразных контекстах. Понятие инклюзии постепенно преодолевает свою устоявшуюся коннотацию в сторону признания значимости каждого, в том числе любого Другого человека, для развития всего человеческого сообщества. При этом проблема Другого как человека с ОВЗ с каждым её обсуждением всё более актуализируется. Рассуждая о Другости человека с ОВЗ, мы говорим о безусловно Другом, о другой форме бытия, обусловленной разными формами ограничения даже физиологически. Исключение человека с ОВЗ из общественной жизни, его обесценивание ограничивает человеческое сознание, поскольку лишь встречаясь с его сущностью, человек познаёт ценность своего воплощения, полного безграничной красочной реальности. Об этом очень точно говорит Э. Гуссерль: «“Своеобразный опыт Другого”, децентрируя Я субъекта, открывает ему не только Другого, но и самого себя как Другого по отношению к другому субъекту» [5, с. 255–256]. В данном контексте философ напоминает нам о том, что собственная культура является приоритетом для любого человека, а осмысление опыта культурной жизни Другого позволяет ему глубже проникнуть «в чуждое для меня культурное человеческое сообщество и в его культуру» [Там же].

Только в ходе встречи с такого рода Другим, в процессе проявления собственной душевной чуткости, человек ощущает глубинную потребность в поддержке как себя, так и Другого, раскрывает в себе способности к развёртыванию «экстрабилити» (О. Б. Колпащиков) [7], позволяющей ему погрузиться в «мир дополнительной реальности». В данном контексте по-новому осмысливается результат торжества гуманистических ценностей, состоящий в становлении инклюзивной культуры в современном мире и в появлении значимых изменений в жизни человека с какими-либо нарушениями в развитии — человека, которому на протяжении тысячелетий была уготована весьма незавидная судьба. В результате «впервые в истории человеческой цивилизации можно констатировать, что политики и государственные деятели, учёные, писатели, пред-

ставители родительской и педагогической общественности ведут открытый диалог о проблемах инвалидов, о нуждах людей с ОВЗ, о том, что каждый человек — это «врата» к пониманию себя и Вселенной» [12, с. 92].

Начав осознавать значимость инклюзивных ценностей Бытия, человечество по-новому трактует предназначение личности, открывая для себя новые смыслы её воплощения. Именно постижение реальности человека с ОВЗ позволяет современному обществу расширить границы понимания возможностей человека. Сегодня, когда нашему пониманию открываются перспективы развития людей с ОВЗ, когда уже можно рефлексировать как событие результат устремлённости к соучастному Бытию широкого круга неравнодушных людей — воплощённую, в том числе творческую, жизнь таких людей, как наш выдающийся современник Александр Васильевич Суворов¹, потерявший слух и зрение до достижения им девятилетнего возраста, но сумевший реализовать своё поистине инклюзивное предназначение, в том числе как учёный,— мы можем констатировать духовное взросление человечества, осознающего ценность каждого. Отзываясь глубоко внутри острой болью, пробуждая в нас истинно человеческое, звучат в инклюзивном пространстве соучастного Бытия стихи А. В. Суворова, которым, родившись он веком раньше, не суждено было бы «быть»:

*Вновь клонюсь, как неваляшка, набок.
Снова — нечем крыть.
Господи, прости меня за слабость,
Нежеланье жить.
Я брезглив. Кругом — вонючий мусор.
Хоть бы — за черту...
Господи, прости меня за трусость
И за тошноту.
Восхищаются неумолимо
Мужеством моим...
Господи, прости меня за мнимость.
Нет огня — лишь дым.*

¹ Александр Суворов — выпускник факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор, Почётный международный доктор гуманитарных наук Саскуаханского университета (штат Пенсильвания, США), действительный член Международной академии информатизации при ООН. Рыцарь Свердловского областного Детского ордена милосердия (1993), лауреат Всероссийского конкурса «Добрая дюжина» (1994), кавалер Золотой медали имени Льва Толстого Международной ассоциации детских фондов (1997). Награждён памятной медалью, посвященной международному году добровольцев, учрежденному Генеральной Ассамблеей ООН (2002). В 2004 году в связи с девяностолетним юбилеем Психологического института РАО награждён медалью I степени имени Г. И. Челпанова. В 2009 году по ходатайству некоммерческого благотворительного просветительского фонда содействия реабилитации детей с особенностями развития «ВИТА» награждён орденом Буратино «за верность идеалам детства, мужество, упорство и доброту, проявляемые на протяжении всей жизни...» // РИА Новости. 13.11.2009. <https://ria.ru/20091113/193205102.html>.

*Я сгорел. Горящим не по праву
Всё ещё слышу...
Господи, прости меня за славу.
Дай склонить главу.
Сколько до Голгофы мне осталось
Тяжкий крест нести?..
Господи, прости мою усталость
Посреди пути [11].*

Стихи написаны 5 января 2000 года, перед Рождеством, в храме Сретения Господня как исповедь отцу Владимиру Архипову после смерти горячо любимой матери автора. Обладая тонкой душевной организацией, потребностью помогать и сопереживать Другому, А. В. Суворов посвятил свою жизнь, полную титанического преодоления, созданию условий для диалога между слепоглухими и «зрячеслышашими».

Несомненно, осмысление многих аспектов проблемы бытия Другого как человека с ОВЗ ещё только предстоит осуществить. Но уже сегодня вполне очевидно, что застывшие в веках воззрения античных «гигантов человеческой мысли» о том, что люди с нарушениями развития не могут быть полноценными, актуальны до сих пор. И у взглядов Аристотеля о том, что «ни одного калеки ребёнка кормить не следует» [6, с. 7], есть современные приверженцы.

Действительно, античный мир оставил в столетиях не только свои достижения, не только великие открытия, но и жизнеописания Плутарха, содержащие подробности уничтожения больных детей сразу после рождения: «Воспитание ребёнка не зависело от жизни отца,— он приносил его в “лесху”, место, где сидели старейшие члены филы, которые осматривали ребёнка. ...Слабых и уродливых детей кидали в пропасть возле Тайгета» [10, с. 108]. Не менее дико звучат сегодня средневековые представления о сверхъестественной природе врождённых анатомио-физиологических нарушений человека. Данные стереотипы предопределили характер восприятия обществом человека с разными формами инвалидности на многие века. Тем ценнее сегодня тот факт, что современное общество повернулось лицом к проблемам людей, так долго исключённых из полноценной жизни. Тем ценнее появление инструментов инклюзии как высокотехнологического, так и социокультурного характера. Осмысление бытия человека с ОВЗ открывает нашему современнику многие неизведанные ранее грани его способностей, но говорить о том, что это осмысление уже состоялось, пока не приходится.

Не менее значим для общества образ Другого, который обладает выдающимися способностями,— образ одарённого человека как творца, являющего нам свои уникальные мысли по преобразованию мира.

Его взгляд на мир априори «особливый», а значит полный инклюзивной сущности. Но репрезентация этого взгляда миру не всегда адекватно воспринимается современниками одарённого человека, что способствует становлению разных форм конфликтности, в том числе внутренней. Его потенциальные способности к преобразованию действительности и воспитание в нём ответственности перед социумом являются значимыми вопросами становления инклюзивной культуры. На передний край инклюзии выходят проблемы Другого, который является одарённым человеком и одновременно имеет какие-либо ограничения в области здоровья.

Культура инклюзии предполагает также восприятие Другости человека, который выпадает из социокультурного контекста, — обладателя маргинальности. В ракурсе становления молодёжных субкультур проблематика отчуждения особенно актуализируется, чему способствует возможность субкультур влиять на умы подрастающего поколения и формировать у молодёжи потребность отвергать социальные нормы в разных, в том числе крайне агрессивных формах. Маргинальность подростка, очевидно, обусловлена становящейся у него потребностью осознавать себя отдельной социальной единицей, которая имеет право на своё Другое Я. Маргинальность значительно расширяет инклюзивный потенциал преодоления оппозиции Свой — Чужой, стремительно растущей в современном информационном пространстве.

В контексте становления принимающего общества, которое исповедует инклюзивные ценности, проблема поиска себя и своего места в нём человеком, находящимся на стыке устойчивых страт и утратившим способность «встроиться в социальный контекст», актуализирует новые вопросы. Так, например, перед нами оказывается гендерно Другой, проявленный в том числе маргинально [1]. Н.В. Антонова дефинирует его с позиции устойчивого неприятия своего биологически обусловленного гендера, как психического, так и социального характера. Осознание своей «инаковости» может вести личность как к попыткам соответствовать гендерным нормам, так и к их отторжению. Приятие или отвержение данного Другого обусловлено социокультурными особенностями общественного развития, в первую очередь тем, что культуры Запада и Востока проявляют себя в этом вопросе диаметрально противоположно. Так или иначе, данный научный дискурс значительно расширяет проблематику инклюзии, требуя от общества незамедлительной рефлексии обозначенных ракурсов.

Рассуждая об инклюзии, мы, несомненно, исследуем человека как носителя другой культуры, а, следовательно

но, этнически и лингвистически Другого. Понимание и приятие Другого каждым членом современного общества затруднено, но также очевидно следующее утверждение: «Другой — это не обязательно чужой, пришедший издалека. Другим оказывается и сам человек — для себя, надевающий маску для достижения определённых целей и нередко являющий кажимость личного бытия» [16, с. 7].

Полностью раскрыть образ Другого во всех обозначенных контекстах очень сложно даже в рамках масштабных научных исследований. Лики Другого многообразны, каждый контекст уникален, постижение их требует времени. Но данное исследование и не ставит перед собой такой задачи. Поскольку важен, как и в любом другом инклюзивном подтексте, не результат, который очень быстро выходит из употребления в современной реальности Complexity, а сам процесс данного развёртывания. Важен непрекращающийся диалог с Другим, который обусловлен стремлением к пестованию частного Бытия.

Намечая для себя дальнейшую перспективу рефлексии многообразия Другого, заметим, что потребность в развёртывании инклюзивной морали в современном обществе является результатом осознания того, что «будущее человечества возможно лишь в контексте утверждения ценностей и идей гуманизма, через преодоление как внутреннего дисбаланса личности, так и отсутствия равновесия между человеком и природой, в процессе социального взаимодействия, через осмысление и принятие “чужести”, “особливости”, непохожести и нестандартности бытия Другого» [12, с. 17]. Сегодня данное явление достигает своего апогея, поскольку «речь идёт об осознании человеком собственной принадлежности к определённой общности, пронизывающем все его индивидуальное и общественное бытие» [2, с. 13].

Именно человек как субъект инклюзии определяет собой всю полноту философской рефлексии. Акцентируя внимание на ценностных основаниях человеческой жизни, стоит задуматься о том, что человек когда-нибудь «может быть устранён как деструктивный элемент стройной космической цепи» [8, с. 313], где «целое Живого Мироздания отображается, воспроизводится, восстанавливается в параметрах живых частей, звеньев и нормирует их» [Там же, с. 310]. Данные выводы приводят нас к осознанию ценности воплощения человека как вида, которая становится ещё более очевидной с развитием человеческой цивилизации. Осознание значимости человека, очевидно, требует более глубокого осмысления проблематики встраивания в сообщество Другого во всём разнообразии контекстов, в которых происходит его репрезентация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова, Н.В. К определению понятия «гендерная маргинальность» [Текст] / Н. В. Антонова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 3 (31). С. 71–73.
2. Астафьева, О. Н. Многомерные конфигурации коллективных идентичностей: теоретические основания исследования [Текст] / О. Н. Астафьева // Национальная идентичность в северокавказском обществе: поиски путей укрепления: Коллективная монография / Под общ. ред. А. Ю. Шадже и Е. С. Куквы. М.: Российское философское общество. Майкоп: Изд-во АГУ, 2015. С. 4–26.
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. М.: Искусство, 1979. 423 с.
4. Бубер, М. Я и Ты [Текст] / М. Бубер. М.: Высшая школа, 1993. 175 с.
5. Гуссерль, Э. Картезианские размышления [Текст] / Э. Гуссерль. СПб.: Наука, 2001. 311 с.
6. Дьячков, А. И. Воспитание и обучение глухонемых детей: Историко-педагогическое исследование [Текст] / А. И. Дьячков. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. 348 с.
7. Колпащиков, О. Экстрабилити [Электронный ресурс] / О. Колпащиков. — Режим доступа: <http://extrability.org/about/extrability/> (дата обращения: 02.11.2018).
8. Малов, И.Ф., Фролов, В. А. Вокруг и в нас трепещет пульс Вселенной [Текст] / И. Ф. Малов, В. А. Фролов // Бюллетень Специальной астрофизической обсерватории РАН. 2006. Т. 60–61. С. 306–313.
9. Мишучков, А. А. Традиционные ценности в глобализирующемся мире [Текст] / А. А. Мишучков // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (178). С. 65–71.
10. Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2-х т. / Плутарх. М., 1987. Т. 1. 589с.
11. Суворов, А. В. Исповедь [Электронный ресурс] / А. В. Суворов. — 05 января 2000 г. В сб.: Достоинство в склепе. С. 160–161. Режим доступа: <http://avsuvorov.ru/erub/books/5.pdf> (дата обращения: 02.11.2018).
12. Судакова, Н. Е. Инклюзия в поле зрения философской антропологии: на пути к приятию Другого Себя как Другого [Текст] / Н. Е. Судакова // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. С. 91–93.
13. Судакова, Н. Е. Инклюзия в системе универсалий культуры: самоценность Другого в становлении Соучастного бытия [Текст] / Н. Е. Судакова // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 3(35). С. 32–38.
14. Судакова, Н.Е., Сапельников, Д.С., Попова, М. В. Творчество в контексте культурфилософского осмысления и педагогического моделирования мировоззрения личности: Монография [Текст] / Н. Е. Судакова, Д. С. Сапельников, М. В. Попова. М.: Буки Веди, 2016. 184 с.
15. Фейербах, Л. Сущность христианства [Текст] / Л. Фейербах // Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1995. Т. 2. 425 с.
16. Яковлева, Е. Л. Проникая в миры инклюзии [Текст] / Е. Л. Яковлева. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. 224 с.

© Судакова Наталия Евгеньевна (sovetnik.imtp@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

КУЛЬТУРФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ СОВРЕМЕННЫХ АКСИОРАЗРЫВОВ В УСЛОВИЯХ УСЛОЖНЯЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ

CULTURAL AND PHILOSOPHICAL REFLECTION OF THE MODERN AXIO-GAPS IN THE CONDITIONS OF COMPLEX REALITY

N. Sudakova

Summary. The paper reflects various aspects of the problem of axiological gaps of modernity caused by the anthropological crises' content updating. The main components of the crisis associated with the intergenerational gap, the birth of a new socio-cultural reality as a result of rapid technologization in the modern society are analyzed. The main tendencies of the modern society's value imperatives formation connected with formation of consumer culture, devaluation of traditional values, change of character, opportunities and axiological importance of modern practices of communicative interaction are revealed.

Keywords: antro-logic crisis, axiological challenges, intergenerational gap, the ideology of consumption, innovation, self-made man, increased consumption, Gadget.

Судакова Наталья Евгеньевна

*К.п.н., Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
sovetnik.imtp@mail.ru*

Аннотация. Статья отражает различные аспекты проблемы аксиологических разрывов современности, обусловленной обновлением содержания антропологических кризисов. Анализируются основные составляющие данного кризиса, связанные с межпоколенным разрывом, рождением новой социокультурной реальности как результата стремительной технологизации современного общества. Вскрываются основные тенденции становления ценностных императивов современного социума, связанные с формированием потребительской культуры, девальвацией традиционных ценностей, изменением характера, возможностей и аксиологической значимости современных практик коммуникативного взаимодействия.

Ключевые слова: антропологический кризис, аксиологические вызовы, межпоколенный разрыв, идеология потребления, инновации, self-made man, увеличение потребления, Gadget.

Проблематика кризисности современной реальности значительно расширяет гуманитарный дискурс, выводя на первый план новое смысловое содержание антропологического кризиса современности, обусловленное пониманием, что «никогда за всю историю развития человека не было столь всеобъемлющего заката духовности. Поскольку духовность есть синоним человечности, говоря о закате духовности, мы неотвратимо приходим к выводу о закате человека... сегодня с горечью приходится признать, что эволюция человека повернулась вспять, то, что происходит сегодня, можно назвать антропологической контрреволюцией» [2, с. 24]. Осмысление данного тезиса позволяет выработать стратегию социокультурного проектирования в контексте гуманизации и стабилизации будущего социального.

Уже сегодня можно констатировать рост размышлений о том, что «увеличивающийся разрыв по уровню развития развитых и развивающихся государств, увеличивающееся влияние «идеологии потребления», десоверенизация многих государств определяют не только миграционные потоки в мире, но и «миграцию идентичности» потребностей и целей, способностей и компетен-

ций, смыслов и ценностей внутри целостности индивидуального бытия человека» [3, с. 3]. Обозначенный тезис имеет значение и в ракурсе аксиологического межпоколенного разрыва.

Аксиологические вызовы межпоколенных разрывов: «отцы и дети» на новый лад

Непрерывная переструктуризация всех систем жизнедеятельности «в пределах одного поколения» [8, с. 13], символизирующая наше непростое время, способствует обесцениванию традиционных для наших смыслообразующих координат. Межпоколенный разрыв ещё никогда в истории человеческой цивилизации не достигал столь масштабных размеров.

Постепенно становится заурядной способностью детей осваивать существующие технологические инструменты гораздо быстрее и эффективнее чем старшее поколение. Данный факт, очевидно, вызван не только свойствами работы человеческого мозга, но и социокультурными особенностями, связанными с их устойчивым отторжением.

На протяжении тысячелетий человечество обучало младшее поколение навыкам выживания, выработанным их предками. Сегодня ситуация неотвратимо меняется. Мы наблюдаем стремление к доминированию молодого поколения в значимых областях нашей жизни, где ранее культивировался авторитет жизненного опыта старшего поколения, отрицать который никому не приходило в голову. Информационные технологии перестроили не только структуру всей нашей жизнедеятельности, но и систему ценностных координат. Мы свидетели изменений во всех сферах жизни человека, где именно человек выступает значимым звеном, поскольку «преобразуя окружающий мир, человек неизбежно изменяет самого себя» [1, с. 113].

В данной связи интересно обратиться к исследованию В.А. Федотовой, выявившей аксиологическую значимость отношений разных поколений россиян к инновациям. С точки зрения исследователя, инновации имеют определяющее значение для жизнедеятельности современного общества. Автор утверждает, что «самостоятельность в принятии решений, свобода в поступках, стремление к новизне и удовольствиям, толерантное отношение к лицам, отличающимся по каким-то признакам, стремление к доминированию и контролю над людьми и средствами связаны с позитивным отношением к новшествам различного рода и стимулируют инновации» [7, с. 119]. Данные ценностные характеристики, по результатам обозначенного исследования, поддерживаются современной молодёжью и потому вполне естественно стимулируют процессы становления новой аксиологической реальности. Пожилое поколение, радеющее за «сохранение репутации, социально одобряемое поведение, межличностный конформизм, заботу о других и соблюдение традиций» [Там же] с трудом принимая данные инновации, вступает в противоречие с новой аксиологической парадигмой.

В.А. Федотова обращает наше внимание на то, что пожилое поколение людей менее открыто к инновациям, что «ценности «безопасность: общественная», «конформизм: межличностный», «универсализм: забота о других» [7, с. 118], препятствуют принятию инноваций и вступают в противоречие с ценностями ««самостоятельность: мысли», «стимуляция», «достижение», «власть: доминирование»», свойственными молодому поколению россиян, где личность «не стремится к всеобщему одобрению и позитивной социальной рефлексии» [Там же]. С точки зрения В.А. Федотовой, инновационная реальность формируется личностью «стремящейся к новизне, достижению престижа, социального статуса, контроля над людьми и средствами», где данные ценности, как и стремление «приятно проводить время» являются неотъемлемой составляющей «пути к успеху» и коррелируют с ценностью «ориентация на будущее» [Там же].

Какие картины будущего рисует себе личность, живущая по принципу «риск ради успеха»? Очевидно, что само время диктует человеку условия, в которых ему приходится жить.

Социокультурная трансгрессия в новую цифровую реальность: вызовы и возможности

Сегодня актуализируются вопросы, связанные с будущим человеческого вида. Что ждёт человека, обожествившего образ «self-made man»? Сможет ли выжить человеческая цивилизация, если уже сейчас перестаёт быть чем-то экстраординарным вывод о том, что «манипуляция человеческим сознанием, свойственная современному социуму, приводит к ситуации, когда реализация личностного потенциала подменяется растратившимся образом жизненного «успеха», основным фактором достижения которого становится скорость получения вождельного результата, а также конвертация оного в «долларовый» эквивалент, приносящая человеку социальные бонусы в виде славы, власти и престижа» [5, с. 18].

Выстраивая собственную систему ценностных координат, новое поколение, во многом не придающее серьёзного значения своим действиям для будущего всего человечества, живущее по принципу «здесь и сейчас», незаметно для себя, безвозвратно теряет то истинно ценное, что определяло жизненные приоритеты многих поколений, живущих до него. Примеров данному факту сегодня достаточно. Большинство из них связаны с главными атрибутами культуры: ценностями, традициями, символами. Среди них как стремление к свободе от ответственности перед Другим, медленно убивающее социальные институты, в том числе институт семьи — основной институт традиционной культуры, так и менее масштабные преобразования, но влекущие за собой весьма серьёзные последствия: переход от бумажных книг к электронным, замена восприятия живого звука на восприятие посредством воспроизведения звука цифровыми устройствами, смена письменной культуры печатной, электронной и т.п.

Сколько положительных эффектов обещает сегодня человечеству замена бумажной книги на электронную? Не является секретом, что современный мир стремится к экологичному потреблению, приоритетом которого становится сохранение зелёных массивов планеты. Очевидно, переход к электронным носителям позволит сохранить значительное количество леса, но данная технология является экологичной лишь отчасти, поскольку не только вырубка деревьев представляет угрозу для природы. Можно ли увидеть все последствия перехода к полностью цифровому информаци-

онному миру? Наверное, это действительно сложно, но не вызывает сомнений факт, что и фабрики, создающие электронные устройства небезопасны. На повестке дня актуализация проблем утилизации и переработки устаревшего высокотехнологического оборудования, влияния электромагнитного излучения, исходящего от разного рода приборов на человека и животный мир. Мы наблюдаем за ситуацией, когда радиочастотное электромагнитное излучение изучается с точки зрения использования его военного потенциала. Конечно, вполне явно существует проблема эффективного использования природных ресурсов, но леса являются возобновляемым ресурсом, а потому их разумное использование не представляет угрозы для нашей планеты. В высокотехнологичном производстве используются ресурсы, восстановить которые не представляется возможным, потому вопрос их эффективного использования остаётся открытым.

Наверное, уже давно стоит бить в социокультурный набат, но замена бумажной книги на электронную уничтожает безусловную ценность бумажной книги как символа преемственности поколений. «Старые», зачитанные до дыр книги обладают таинственной притягательностью для молодого поколения, что иллюстрирует их неизменная популярность в современных музеях разной направленности. Человек как существо осязающее и обоняющее получает особое удовольствие от запаха, от ощущений, связанных с возможностью брать в руки книгу, которую читал ещё прадедушка. Вместе с бумажной книгой мы теряем что-то, очевидно, очень ценное, что не подлежит возврату.

Письменная культура, имевшая место в русской культуре на протяжении столетий постепенно утрачивает своё значение, уступив место культуре коротких сообщений — SMS (Short Message Service — «Служба коротких сообщений»), а также программам обмена данного рода сообщений для мобильных телефонов — Mobile messaging applications. Обозначенный формат искажил не только характер и возможности коммуникации, но изменил ценностную составляющую данного акта, уничтожив потребность в филигранном оттачивании навыков свободного языкового самовыражения, в сохранении и развитии языковой культуры современного поколения. Замена русского языка транслитерацией, так называемые американские акронимы, широко используемые молодёжью в переписки при помощи SMS, смешение языковых и цифровых символов, и многие другие лингвистические искажения языковых норм представляют собой угрозу утрате идентичности национальной культуры России. Конечно, все понимают, что язык — живой организм, и он постоянно преобразуется, но масштабы данных изменений сегодня достигли небывалых размеров, никем не контролируются и почти не рефлексируются,

а потому лишь предстоит осмыслить весь спектр их последствий.

Стоит обратить внимание и на проблему возрастающих киберугроз, где как личная информация, так и информация государственной важности постоянно подвергаются атакам, и создаваемые механизмы её защиты тут же порождают всё более изощрённые механизмы их обхода. Информация не представляет ценности без человека для которого она является значимой, а потому требует серьёзной рефлексии аксиологическая составляющая данной проблемы. В данном контексте становится ясно, что антропологический кризис всё сильнее заявляет о себе и требует разработки стратегии его преодоления.

Современное общество непрерывно стремится к увеличению потребления. Мы наблюдаем за тенденцией оставлять без внимания многие актуальные вопросы. Одной из маркетинговых ловушек является механизм «правильно» расставлять акценты с точки зрения экономической эффективности, принимая в расчёт лишь современное поколение людей, причём только тех, которые встраиваются в ценностную парадигму общества потребления. Вызывает недоумение факт, что множество продуктов инновационных технологий созданы с целью облегчения жизни современного человека, и ещё большее их количество для его развлечения, и лишь немногие продукты направлены на заботу о сохранении человека как вида.

Здесь же актуализируется проблема распределения ресурсов, где у одних представителей человеческого вида их с избытком, а у других нет даже самого необходимого. Данная проблема серьёзно рефлексировалась мыслителями разных эпох. А. Дж. Тойнби, обращает наше внимание на то, что «в обществе, которое открыло ноу-хау изготовления рога изобилия, несправедливость в распределении земных благ, перестав быть практической необходимостью, превратилась в чудовищное моральное преступление» [6, с. 35], но проходят десятилетия, а потом и столетия, но ничего не меняется. Проведённый выше анализ позволяет увидеть всю глубину современного антропологического кризиса. Остаётся напомнить, что возраст человечества уже давно не детский, пора научиться заботиться о завтрашнем дне, видеть мир не только через призму виртуальных игр, где в конце игрока ожидает лишь «Game Over».

Наша планета была и остаётся нашим единственным домом, нашим «Ковчегом», замены которому нет, и, судя по уникальности всего живого в этой Вселенной, быть не может. Это же касается и человека как вида, чья уникальность/видовая единичность не оспоримы. Только истинная забота о сохранении человечества, о сохране-

нии Земли в её первозданном виде позволит говорить о том, что мы, современное поколение людей, обладаем мудростью — бесценным даром единственного разумного вида на планете.

Но данная забота не рождается вместе с ребёнком, она впитывается посредством культуры и образования, а потому первоочередная задача современного общества создать условия для трансляции данных ценностей молодому поколению, тому, которое боготворит Gadget. Каким-то немислимым образом лингвокультура подшутила над современными любителями всего иннова-

ционного, поскольку впервые термин «The Gadget», используемый сегодня повсеместно, был употреблён как название первого ядерного заряда (ядерного устройства), взорванного в испытательных целях 16 июля 1945 года на полигоне Аламогордо [4, 10]. Очень к месту в данной ситуации слова советского поэта-песенника Игоря Шаферана из «Песни первоклассника»: «То ли ещё будет, то ли ещё будет, то ли ещё будет, ой-ёй-ёй...». Очевидно, что социокультурный взрыв уже произошёл, и обратного пути нет, но за его последствия придётся нести ответственность всем современным и будущим поколениям людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Былев А. Е. Антропологический кризис в современном мире: философско-методологическая постановка проблемы // *Философия права*. 2010. № 2. — С. 113–117.
2. Вальцев С. В. Отчуждение и закат человечности // *Проблемы современной науки и образования*. 2012. № 6 (6). — С. 20–24.
3. Герт В. А. Целостность и субъектность индивидуального бытия человека: Автореферат . . . дис. док. философ. наук. — Челябинск: УрГПУ, 2016. — 50 с.
4. Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать (Groves Leslie R. Now it can be Told. The story of Manhattan project / New York: Harper & Brothers, 1962) / Пер. с англ. О. П. Бегичева. — М.: Атомиздат, 1964. — 304 с.
5. Судакова Н. Е., Сапельников Д. С., Попова М. В. Творчество в контексте культурфилософского осмысления и педагогического моделирования мировоззрения личности: Монография: М.: Буки Веди, 2016. — 184 с.
6. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: [пер. с англ.]. — М.: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. — 318, [2] с.
7. Федотова В. А. Аксиологический аспект анализа отношений к инновациям у представителей разных поколений россиян // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2015. Т. 164. № 11. — С. 115–122.
8. Шеманов А. Ю. Самоидентификация человека и культура: Монография — М. Академический проект, 2007. — 479 с.
9. Trinity (nuclear test) / Wikipedia / URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Trinity_\(nuclear_test\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Trinity_(nuclear_test)). Дата обращения: 01.05.2017.

© Судакова Наталия Евгеньевна (sovetnik.imtp@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛИЗИРУЮЩЕЙ РОЛИ ТРУДА В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

TRANSFORMATION OF THE SOCIALIZING ROLE OF LABOR IN A CONSUMER SOCIETY

K. Shilova

Summary. In the article the subject of the research is the change of labor as a factor of socialization in the consumer society. The analysis of the shift of value orientations from the sphere of labor to the sphere of mass consumption is carried out. These trends and their consequences are considered taking into account the impact on the process of socialization.

Keywords: employment, work socialization, identification, prosumerism, mobility, ability to work, value of work, consumption.

Шилова Ксения Юрьевна

Старший преподаватель, Филиал ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» в г. Череповце
aistly@mail.ru

Аннотация. В статье предметом исследования является изменение труда как фактора социализации в обществе потребления. Проведен анализ сдвига ценностных ориентаций из сферы труда в сферу массового потребления. Данные тенденции и их следствия рассматриваются с учетом влияния на процесс социализации.

Ключевые слова: сфера труда, трудовая социализация, идентификация, просьюмеризм, мобильность способности к труду, ценность труда, потребление.

Один из факторов, влияющий на процесс социализации в обществе потребления, связан с пониманием сущности труда как социально-философской категории. Труд по-разному характеризуется в различных типах обществ. Менялись соответственные трактовки, мнения по поводу его влияния на становление и развитие индивида, его социализацию. Однако, вплоть до XIX века его значение для существования и развития общества не признавалось учёными и общественностью. Не анализировалось и его место в общественном производстве.

Отношение к труду меняется после буржуазных революций в Англии и Франции, а также вследствие бурного и поступательного развития буржуазного общества. Формируются новые типы социального взаимодействия, связанные с участием людей в разнообразных видах труда. В традиционных обществах социальные идентичности дифференцированы по социально-семейной сословной и клановой принадлежности, а в индустриальном обществе идентичность индивидов все больше оказывается организованной вокруг трудовой и профессиональной деятельности. В обществе на первый план начинают выступать социально-экономические различия, трудовые и профессиональные, а не сословно-классовые и кланово-семейные. Изменение места труда в общественном производстве и отношения к труду в обществе ведёт к возникновению различных классических социальных теорий (А. Сен-Симон, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс). В науке появляется и господствует термин «трудовая парадигма», когда труд понимается как основной социализирующий фактор,

а теоретической моделью становится модель трудового общества.

В индустриальном обществе векторы социализации начинают направляться процессами экономики, процессами разделения труда, интересами развития производства. Социально-семейные, сословные и другие, значимые для традиционного общества характеристики человека, отходят на второй план. Социальная идентичность человека все более связывается с трудом и профессией. Труд и профессия однозначно детерминируют не только определенный тип личности, но и пути ее социализации, развития и образования. Профессионально заданный контекст социализации (профессиональные сообщества, группы на производстве, трудовые коллективы) предопределяет для их членов усвоение соответствующего статуса, четко регламентирует обязанности и права индивида. Разделение труда однозначно детерминирует не только определенный тип личности, но и формирует особенности экономического поведения, в частности, потребительского

В индустриальную эпоху труд и профессия становятся основой человеческого существования, определяет статус человека, доход, образ жизни, круг общения, социальную группу, в которую входит индивид. В этом же качестве определяются и профессиональный статус индивида. Профессиональный труд в индустриальном обществе способен дать человеку чувство идентификации с избранным занятием и принадлежности к определенной социальной группе. Труд даёт индивиду возможность выбора траекторий социализации, до этих пор

строго ограниченных сословными и классовыми нормами и правилами традиционного общества.

Труд и профессиональная деятельность, входя в жизнь человека, становятся важным фактором разветвленной социализации в трудовой сфере общества. У человека индустриального общества формируются особые взгляды и особый менталитет: он мыслит и определяет себя преимущественно посредством работы. Чарльз Хэнди замечает по этому поводу, что одна до скончания века работа должна была одновременно обеспечивать все наши потребности: интерес к труду или удовлетворение от него, встречи с интересными людьми и пребывание в хорошей компании, гарантии обеспечения будущего и средств для жизни, возможность развития в соответствии с реальностью [12, с. 198].

Для сознания индустриального общества важна идея смысла жизни в труде человека, когда именно труд оправдывает его существование. Труд, формирование отношения личности к труду являются главными условиями ее социализации, а профессиональная подготовленность, отношение к труду, сформированные у человека — критерии его социализации. Сущность человека рассматривается как работника, активного участника производственного процесса. Поэтому, в процессе социализации подготовка к труду и трудовой деятельности, формирование отношения к труду занимает важнейшее место. «Социализированный человек» у К. Маркса — это человек с трудовыми и коллективистскими ценностями» [9, с. 1–4]. Трудовая социализация — один из самых значимых путей социализации в индустриальном обществе. Подготовка подрастающего поколения к жизни, процесс его социализации — это подготовка к труду и трудовой деятельности. Во многом важнейшая идея индустриального общества — отношение к труду как к самоцели и самооценности возникла, как это доказал М. Вебер, благодаря этике протестантизма. Для М. Вебера сфера труда человека, и связанные с ней факторы, являются и выступают главной возможностью утвердить моральные ценности. Трудовая деятельность индивида, как и другие социальные практики представляется не только как рациональное действие, направленное на создание и получение материальных благ, но и как способ развития и утверждения моральных качеств человека. Для протестантской этики труд — это специфическое доказательство добра и ценности человека, его поведения в обществе на основе этических норм, выявляемые через его трудовые усилия.

Такое поведение и такие качества не свойственны человеку изначально, а могут сложиться только в результате длительного воспитания и социализации, в том числе, и в процессе подготовки его к труду и трудовой деятельности. Трудовая деятельность требует и спо-

собствует и развитию природных талантов работника, а также суммы определенных навыков и знаний, норм поведения, которые усваиваются в процессе трудовой социализации. Совокупность этих качеств могут помочь индивиду приспособиться к условиям профессиональной деятельности, мыслить и действовать по ее законам и нормам, сформировать свою социальную идентичность. Формирование социальной идентичности в данном случае связано с трудовой сферой, производством, профессией, бизнесом, принадлежностью к определенной профессиональной и социальной группе.

В индустриальную эпоху вместе с прогрессом мысли о ценности и важности труда для развития общества и человека растёт обоснование значение труда и трудового воспитания в процессе социализации.

В научных концепциях индустриального общества исследования труда как важнейшего фактора социализации рассматривались с позиций позитивизма и структурного функционализма. Так, Огюст Конт социализацию в процессе трудового воспитания и трудовой деятельности рассматривает как социальную реальность, не зависящую от субъекта. В качестве основных элементов содержания социализационных процессов личности индустриального общества он считает трудовое воспитание и профессиональную подготовку [6, с. 30–37]. Идея о важной роли труда в процессе социализации принадлежит Эмилю Дюркгейму. В центре его концепции социализации — теория морали как системы объективных правил поведения. Выполнение своего трудового долга по отношению к обществу — одно из главных обязательств члена общества. Отсюда важнейшая задача социализации — развитие в индивиде тех моральных и трудовых характеристик личности, которые нужны обществу для его воспроизводства [5, с.18]. В рамках структурно-функциональной теории (Т. Парсонс, Р. Кенниг, В. Брецинк, В. Кукартц, П. Фулкье, Р. Лафон и др.) [10] социализация происходит благодаря освоению ценностей, среди которых одно из приоритетных мест принадлежит трудовым ценностям. Социализация в процессе трудового воспитания и труда закладывает основу функционирования человека в обществе, его фундаментальные мотивационные установки.

С развитием постиндустриального общества и возникновения общества потребления изменяется отношение к труду, что влечёт за собой изменение его влияния на процессы социализации.

В обществе потребления социальная деятельность человека переходит в сферу потребления, поскольку сфера производственной деятельности теряет свою главную роль. Необходимый труд — труд по производству средств, необходимых прежде всего для фи-

зического существования, становится неактуальным. Происходит сокращение необходимого труда. Он в значительной степени теряет свои позиции основного вида деятельности. В обществе происходит переориентация во взглядах на труд и на его значимость для отдельного человека. Труд уже не рассматривается как главное дело жизни [13, p.107]. Труд в потребительском обществе ценится не за его социальную полезность и профессионализм и, даже, не за его престижность и большую востребованность, а по критерию его высокой оплачиваемости. Труд анализируется не с точки зрения его необходимости и ценности для развития общества, государства и будущих поколений, и даже не с точки зрения его ценности и необходимости для развития самого человека. Труд ценен только для индивида, но не для общества. Он стал не общественно-полезным, а индивидуализированным, частным, связанным исключительно с личной выгодой. Соответственно, и выполнение социализационных задач, возлагаемых на труд, невозможно в полной мере. Производство, сфера труда, трудовая деятельность уже не считаются фактором, определяющим воспитание и социализацию как подрастающего поколения, так и всех членов общества на протяжении их жизни, то есть происходит отказ от «трудовой парадигмы» и в сферах воспитания, социализации. Тезис о «конце трудового общества» становится не менее актуальным, как при анализе социализационного процесса в целом, так и при анализе его составляющих: целей, содержания, механизмов и др.

Впервые о конце эры труда заговорил Д. Белл. Он утверждал, что тема труда как таковая не является центральной, она не имеет уже социокультурного значения. Тема труда остается лишь в экономике [14, p. 196]. По мнению Э. Тоффлера, в будущем обществе Третьей волны произойдет стирание границ между трудовой деятельностью и досугом, производством и потреблением, что выражается в феномене просьюмеризма¹. Он подчеркивал, что если на предыдущих стадиях основными способами, посредством которых люди выявляли свое место в мире и идентифицировали себя в нем, были ре-

◆ ¹ Просьюмер (англ. *Prosumer* — «профессиональный потребитель» либо «производитель-потребитель») — человек, который принимает активное участие в процессе производства товаров и услуг, потребляемых им самим. В обществе просьюмеров смазываются границы между обладателями средств производства и конечными покупателями, между рабочим местом и жильем. Термин «просьюмер» иногда переводят как «производитель для себя». См.: Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова и др. Москва: АСТ, 2009.

лигия и труд, то теперь таким способом становится культура [11, с. 154].

Как отмечает З. Бауман, ссылаясь на Карла Поланьи, развившего положение К. Маркса о состоянии отчуждения, исходной точкой «великой трансформации» труда было отчуждение работников от средств их существования [1, с. 78]. Для понимания данного положения К. Маркса важен его тезис о том, что сущность человека воспроизводится в труде, то есть в целенаправленной деятельности по изменению объективной реальности [9]. И здесь, принципиально важно различие К. Марксом понятий «труд» и «работа». Труд — это целесообразная необходимая деятельность без принуждения, работа — это деятельность с отчуждением результата от производителя [8, с. 141–143]. Труд характеризует, прежде всего, самого человека, так он несёт отпечаток личности работника: его отношение к выполняемой деятельности, его индивидуальный подход, его предыдущий опыт и знания, его видение будущего результата труда. Работа характеризует общество. В доиндустриальном обществе — «обществе труда» труд и работа составляли единое целое, они не были разъединены и характеризовали две стороны единой трудовой деятельности человека. В индустриальном обществе — «обществе труда» начинается процесс разделения труда и работы. Они уже не являются единым целым, что было следствием отделения работников от средств их существования, что в свою очередь явилось частью закономерного и большого процесса разъединения производства и обмена. Труд превратился в самостоятельный объект (так же как земля и деньги), и мог рассматриваться всего лишь как товар, который оценивался, продавался и покупался как любой другой. Соответственно, превращение труда в самостоятельный объект придало мобильность труду и способности к труду, обеспечило свободу в выборе мест их применения. Кроме того, это дало работникам, предлагающим свой труд, возможность участвовать в определенных договорных актах в качестве одной из сторон соглашений. Всё это сделало труд самостоятельным феноменом, «вещью», «товаром», к которым можно относиться, как к любой другой вещи или товару, то есть владеть данной вещью (обладая знаниями, навыками, квалификацией, иметь способность осуществить определённую трудовую деятельность); иметь возможность продать свой труд (по договору, контракту, соглашению); управлять своим трудом; выбирать; оценивать; сравнивать; распоряжаться.

В современном обществе потребления формируется соответствующая система ценностей, где труд не входит в перечень наиболее значимых. Приоритет отдаётся ценностям общества потребления: обладание престижными товарами и услугами. Труд как основная деятельность, как смысл жизни человека, как сфера самореализации

и самоопределения отходит на второй, а часто и на третий и четвёртый планы. Труд всего лишь один из видов товара, со всеми присущими товару качествами, предназначенный для удовлетворения потребностей, возникающих в данный момент.

В современном обществе потребления как у общества, так и у человека, большей ценностью обладает «работа», а не «труд», так как именно «работа» выступает средством получения потребительских благ: люди, нуждающиеся в данное время в средствах для воплощения желаний иметь престижные вещи или пользоваться престижными услугами, поддерживают задаваемые обществом потребления потребительские стандарты, и поэтому вынуждены работать. Работа позволяет человеку получить материальное вознаграждение и купить желаемые вещи. Если в индустриальном обществе понятия труд и работа не были тождественными, то в настоящее время само понятие труд претерпевает изменения.

Под трудом начинают понимать прежде всего труд не сам по себе, а тот, которым человек вынужден заниматься, который необходим для обеспечения физического существования, который говорит о низком социальном статусе работника.

Если раньше человек реализовывал себя через трудовую и профессиональную деятельность, то теперь через вещи, которыми он может обладать, в обмен на свои профессиональные, умения, своё время, квалификацию, выполняя определённую работу. По мнению авторов коллективной монографии «Девиянтность в обществе потребления» меняется не только характер труда, меняется его смысл, люди готовы работать больше, но не во имя высоких производственных результатов, а для возможности впоследствии освободить время для и всепоглощающего потребления» [4, с. 338]. Труд рассматривается как сугубо инструментальная ценность, позволяющая удовлетворять свои высокие потребительские притязания.

Творческий труд, позволяющий человеку самореализоваться и развиваться, труд, даже требующий длительной и трудоёмкой подготовки, длительного предварительного образования, становится невостребованным. Трудовая жизнь, по замечанию З. Баумана, «насыщается неопределённостью», перестаёт быть рациональной и теряет своё определяющее значение для индивида. Всё более востребованным становится другие виды деятельности и, прежде всего, потребительская. В социальных процессах акценты смещаются с труда на потребление. Индивид, не имея возможности реализовать себя в труде, всё больше сосредоточивается на том, что ему во всё возрастающих масштабах и со всё большей на-

стойчивостью предлагает общество — на потреблении. Потребительская деятельность, подрывает прежнюю монополию профессионального труда на самоопределение, творчество, самовыражение, индивидуализацию. Можно сказать, потребление замещает функции труда во многих составляющих процесса социализации. Теперь потребление способно дать человеку чувство идентификации с избранным занятием и принадлежности к определенным социальным группам. Труд теряет свою приоритетную роль в процессах социализации и уступает её потреблению. Потребление смещает труд и трудовую этику как основные факторы социализации и начинает играть ведущую роль в процессах, адаптации, идентификации, интериоризации, рефлексии. Личная идентичность теряет связь с трудом и ролью человека в производстве.

Основные характеристики труда: мобильность способности к труду, свобода в выборе мест ее применения, в постиндустриальную эпоху, где важнейшим элементом становится приход новой, «кратковременной» ментальности на смену «долговременной», приобретают ещё более значимый и всеобъемлющий характер. Важнейшей и востребованной чертой становится «гибкость», что применительно к рынку труда означает конец трудовой деятельности в известном и привычном для предшествующей эпохи виде, переход к работе по краткосрочным, контрактам либо вообще без таковых, к работе без всяких заранее оговоренных гарантий. Трудовая жизнь становится неопределенной и нерегулярной, местом, где заранее не оговариваются и не выработываются взаимные, приемлемые правила взаимодействия. Для индивида труд всё больше становится товаром, продажей и покупкой которого необходимо заниматься постоянно в зависимости от сложившейся конъюнктуры, цены и востребованности в данный момент, учитывая возникающие при этом риски и выгоды. Стандартизированное и стабильное «общество труда» сменяется «индивидуализированным обществом», где на место стандартных социализационных траекторий, основанных на приоритете ценности труда, трудовой социализации приходят самостоятельные индивидуализированные жизненные траектории, переносящие акцент на потребление [2].

Вместо установок, сложившихся в индустриальную эпоху на основе принципа: одна работа, одна профессия, одно место работы на всю жизнь, появляется возможность выбирать и периодически менять не только работу, но профессию, род занятий, занятость, формировать свой «портфель работ», не ждать предложений работы, но давать свои предложения для работодателей и управлять ими. В обществе потребления усиление рационализации и деградация труда ведут к потере его приоритетного значения как для общего процесса социализации (труд уже

не задает её целей и не определяет главного содержания), так и для отдельного процесса идентификации.

Жёсткое прикрепление индивида к социальной группе в индустриальном обществе, идентичность индивида, основанная на трудовой деятельности, формировали качества, позволяющие, как правило, индивиду в течение всей жизни идентифицировать себя с определённой социальной и профессиональной группой, не позволяя отклониться от заданного в обществе образца, направляли процессы социализации. Постоянное изменение профессионального и трудового положения человека в постиндустриальном обществе, обусловленного периодическими изменениями в содержании работы, месте работы, профессии, роде занятий, ведёт к формированию в обществе всё большего количества динамичных, малых групп временной функциональной направленности. Индивид, становясь время от времени членом определённой профессиональной группы или трудового коллектива, получает, таким образом, возможность активно и по своему желанию конструировать свою идентичность. Качество такой идентификации, по мнению Э. Тоффлера, становится более кратковременным, так как люди могут принимать или отказываться от каких-либо компонентов идентификации. Идентификация не постоянна и фактически не обусловлена [11].

Упадок труда, его деградация и, как следствие, изменение отношения к труду, возвышение потребления обуславливают изменения, существенно влияющие на процессы социализации и идентификации в обществе потребления: в процессах идентификации членов общества их трудовая деятельность играет всё меньшее значение. Главным становится активность членов общества не в труде, а их активное участие в сфере потребления как потребителей. Идентичность индивидов основывается на их потребительской деятельности. В обществе потребления характер труда, как и характер потребления, изменяется в сторону его индивидуализации. Отсюда возможность идентификации индивида через членство в различных часто сменяющихся трудовых, профессиональных и рабочих группах. Традиционная модель человека, как представителя большой социальной и профессиональной группы, который усваивает необходимые знания, нравственные и профессиональные нормы и мировоззренческие установки из устойчивых трудовых и профессиональных групп уходит в прошлое. Это ведёт к значительно меньшей, нежели прежде, жёсткости социальных связей человека, разрушению общезначимых оснований для построения социализационных процессов и идентификации индивида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: изд-во «Логос», 2002. 390 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. URL: e-libra.ru/read/332658...proizvedeniya.html (дата обращения 23.05.2017).
3. Девиантность в обществе потребления: коллективная монография / под ред. Я. И. Гилинского, Т. В. Шипуновой. СПб: изд-во «АЛЕФ-Пресс», 2012. 462 с.
4. Дюркгейм Э. Социология образования / пер. с франц. Т. Г. Астаховой. М.: ИНТОР, 1996. 80 с.
5. История социологии: учебное пособие / А. Н. Елсуков, Г. Н. Соколова, Т. Г. Румянцева, А. А. Грицанов и др.; под общ. ред. А. Н. Елсукова. Мн: Высшая школа, 1997. 381 с.
6. К вопросу о теоретико-методологическом. URL: <https://vestnik.igps.ru/wp-content/uploads/V44/20.pdf> (дата обращения 23.05.2017).
7. Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Философская антропология Карла Маркса. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 2007. 240 с.
8. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3. С. 1–4.
9. Социология URL: lib.herzen.spb.ru/text/kolesnikova_150_120_124.pdf (дата обращения 12.09.2018).
10. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова и др. М.: изд-во «АСТ», 2009. 795 с.
11. Хэнди Ч. Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего / пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб: Питер, 2001. 288 с.
12. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books, 1973. 507 p.
13. Bell D. The cultural contradictions of capitalism. N.Y.: Basic Books, 1976. 301 p.

© Шилова Ксения Юрьевна (aistly@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Aliyeva Z. — Senior lecturer, Crimean engineering and pedagogical University, honored worker of education of the Republic of Crimea, Simferopol

selsebil@inbox.ru

Andreev G. — Saint-Petersburg State University

glen19@yandex.ru

Artemev T. — North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov (Saint-Petersburg)

grantem@ya.ru

Batueva S. — Candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, South Ural state medical University of the Ministry of health of Russia

batuevas@mail.ru

Bogatyreva S. — Senior Lecturer of the Bauman Moscow State Technical University

Bulavenko M. — Teacher of the Bauman Moscow State Technical University

Butova L. — Senior lecturer, Lipetsk state pedagogical University. P. P. Semenov-Tyan-Shansky

butovalspu@mail.ru

Chergeev A. — PhD in art history, associate Professor, Crimean engineering and pedagogical University

chergeev@mail.ru

Dolmatova V. — Associate Professor, Lipetsk state pedagogical University. P. P. Semenov-Tyan-Shansky

veradolmatova@yandex.ru

Erokhina E. — Doctor of Economics, Professor, Tomsk state pedagogical University

erohina_ea@mail.ru

Gaiburova N. — Senior lecturer of the BOW IN «CHICHI» the Ministry of culture of Chuvash Republic

nadezhdagaj@gmail.com

Ivanova A. — Associate Professor, BOW IN «CHICHI» the Ministry of culture of Chuvash Republic

maksimuzo@yandex.ru

Ivanov D. — Samara State University of Social Sciences and Education

avatory@yandex.ru

Khomyakova Y. — Teacher of the Bauman Moscow State Technical University

Kleshneva L. — Saint-Petersburg State Agrarian University

uliunuchna@mail.ru

Klyuev A. — University teacher of the Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

artemklyuev1@gmail.com

OUR AUTHORS

Krasnova A. — Samara State University of Social Sciences and Education

yugaj@yandex.ru

Luginina A. — Candidate of philosophy, associate Professor, Kuban state agrarian University named after I. T. Trubilin, Krasnodar, Russia

luginina.anna8@mail.ru

Markova A. — Candidate of economic Sciences, associate Professor, Tomsk state pedagogical University

mavl106@mail.ru

Markova O. — Teacher of the Bauman Moscow State Technical University

markovaoa75@mail.ru

Martish V. — Tyumen State University

trunk-08@mail.ru

Mu Ke — Postgraduate student, Moscow State Academic Art Institute Named After V.I. Surikov Of Russian Academy Of Arts

Ke.mu@yahoo.com

Shcherbinin M. — Tyumen State University

m.n.shcherbinin@utmn.ru

Shilova K. — Senior lecturer, Branch of the Saint Petersburg State University of Economics in Cherepovets

aisy@mail.ru

Sicheva N. — Post-graduate student, Ural state pedagogical University

energi81@list.ru

Sudakova N. — The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

sovetnik.imtp@mail.ru

Sukhanova E. — Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

elena_stupishina@mail.ru

Teteukhina O. — Postgraduate student of the Science and Pedagogy Personnel Training Faculty, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. Ryazan, Russia

nemo80@list.ru

Vasilyeva E. — Associate Professor, Lipetsk state pedagogical University. P. P. Semenov-Tyan-Shansky

uspeh56@mail.ru

Vasyagina N. — Doctor of psychology, Professor, Ural state pedagogical University

vasyagina_n@mail.ru

Vasyuschenkova T. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Bauman Moscow State Technical University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).

